

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА

В.В. Глушков

**Николай Дмитриевич
АРТАМОНОВ —
военный геодезист
и картограф**

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 528:655/659
ББК 68
Г55

Ответственные редакторы:

доктор технических наук *С.И. Матвеев*,
доктор исторических наук *З.К. Соколовская-Новокшанова*

Рецензенты:

доктор географических наук *В.А. Есаков*,
доктор военных наук *В.Н. Филатов*

Глушков В.В.

Николай Дмитриевич Артамонов – военный геодезист и картограф / В.В. Глушков ; [отв. ред. С.И. Матвеев, З.К. Соколовская-Новокшанова] ; Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М. : Наука, 2007. – 144 с. – ISBN 978-5-02-034061-9 (в пер.).

Книга посвящена генералу от инфантерии Николаю Дмитриевичу Артамонову – выдающемуся военному геодезисту и картографу, ученому и педагогу. В течение 60 лет службы Отечеству он занимался астрономо-геодезическими работами и картографированием различных территорий, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., воспитывал и обучал офицеров Николаевской академии Генерального штаба, был начальником Военно-топографического училища, Военно-топографического отдела (управления) Главного штаба и Корпуса военных топографов, занимался организацией топографического обеспечения войск Маньчжурских армий в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., писал учебники и научные труды.

Для студентов, аспирантов, научных работников, а также интересующихся военной историей, историей географии и картографии.

Темплан 2006-І-104

ISBN 978-5-02-034061-9

© Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2007
© Глушков В.В., 2007
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2007

Список аббревиатур и сокращений

БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВМС	– Военно-морские Силы
ВС	– Вооруженные Силы
ВТО	– Военно-топографический отдел
ВТС	– Военно-топографическая служба
ВТУ	– Военно-топографическое управление
ВУК	– Военно-ученый комитет
ГШ	– Генеральный штаб
ГУГК	– Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР
ГУ ГШ	– Главное управление Генерального штаба
с.и.в.	– Его императорское величество
и.д.	– исполняющий должность
ИИЕТ	– Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
ЛВВТКУ (СПВВТКУ)	– Ленинградское (Санкт-Петербургское) высшее военно-топографическое командное училище им. генерала армии А.И. Антонова
МВД	– Министерство внутренних дел
МИИТ	– Московский институт инженеров транспорта
РАН	– Российская академия наук
РАО	– Русское астрономическое общество
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГО	– Русское географическое общество
РИО	– Редакционно-издательский отдел
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия
РФ	– Российская Федерация
с.ш.	– северная широта
ТВД	– театр военных действий
ТС	– Топографическая служба
ЦГВИА	– Центральный государственный военно-исторический архив СССР

***К 165-летию со дня рождения
генерала от инфантерии
Н.Д. Артамонова***

«То, что мы знаем, так ничтожно
по сравнению с тем, чего мы не знаем...»

П.С. Лаплас

Предисловие

Генерал от инфантерии Николай Дмитриевич Артамонов – начальник Военно-топографического училища (1886–1903), Военно-топографического отдела (ВТО) и Военно-топографического управления (ВТУ) Главного штаба, ВТУ Главного управления Генерального штаба (ГУ ГШ) и одновременно Корпуса военных топографов (КВТ) (1903–1911) по праву считается одним из выдающихся военачальников русской армии конца XIX – начала XX в. Щедро наделенный от природы недюжинными способностями, блестяще образованный, достойный продолжатель офицерской и генеральской династии, главным делом которой было служение Отечеству, он поистине золотыми буквами вписан в историю Топографической службы Вооруженных Сил (ТС ВС) России. Высококвалифицированный исполнитель астрономо-геодезических работ и редактор топографических карт, заведующий обучающимися офицерами в Николаевской академии Генерального штаба, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. одновременно в двух должностях (начальник разведки и начальник ВТО отдела Полевого штаба Дунайской армии), организатор топографического обеспечения боевых действий войск во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и картографирования Северной Маньчжурии в 1905–1906 гг. он – в отличие от многих своих предшественников – был очень близок к войскам, к полевым частям КВТ (съемкам и триангуляциям), их нуждам и запросам, пользовался непререкаемым авторитетом как у высшего военно-государственного руководства страны, так и среди своих сослуживцев и учеников.

Обладая богатым военным опытом и глубокими знаниями, широкой общей и военной эрудицией, Н.Д. Артамонов был генератором нашедших практическое воплощение в русской, а затем в советской и российской армиях таких передовых идей, как раз-

витие единой высококлассной триангуляционной сети на Европейскую территорию России и Кавказ (предтеча единой астрономо-геодезической сети СССР), заблаговременная топогеодезическая подготовка приграничной полосы и вероятных театров военных действий (ТВД), добротная практическая подготовка офицеров-съемщиков в стенах Военно-топографического училища и обязательная их стажировка в войсках, тщательный отбор и расстановка кадров на ключевые должности, постоянное совершенствование организации топографической службы действующей армии, значительное расширение сети складов топографических карт, их оптимальное размещение в приграничных военных округах и на главных оперативных направлениях, обоснование норм снабжения топографическими картами для разных родов войск, широкое применение на полях сражений геодезических засечек неприятельских позиций для повышения эффективности огня артиллерии, активное использование в полосе действующей армии временных полевых частей КВТ для топографического обеспечения войск и картографирования территорий, занятых «по праву войны», концентрация достаточных для успешной работы сил и средств корпуса на ТВД при ведении локальных войн и др.

Обо всем этом и многом другом читатель узнает, прочитав небольшую по объему, но весьма содержательную, изобилующую достоверными фактами книгу, написанную со знанием дела Валерием Васильевичем Глушковым – в недалеком прошлом военным геодезистом, полковником запаса, а ныне историком науки и техники, доктором географических наук, профессором кафедры «Геодезии, геоинформатики и навигации» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ). Ведь именно ему принадлежит приоритет в деле возвращения из забвения видного русского генерала. Результаты исследований В.В. Глушкова по этому вопросу первоначально нашли отражение в книгах, написанных им в соавторстве («Корпус военных топографов в годы Первой мировой войны» (1999) [49] и «На карте Генерального штаба – Маньчжурия» (2000) [48], а также в серии статей под названием «Жизнь – Родине, честь – никому!», опубликованных в журнале «ГЕОДЕЗИСТЪ» (2001) к 160-летию со дня рождения Н.Д. Артамонова [39–44].

Новая работа В.В. Глушкова представляет собой не только обобщение и анализ всего того, что было ранее опубликовано о Н.Д. Артамонове. Книга насыщена интересными и неизвестными широкому читателю фактами из архивных фондов, поданными логично, в хронологическом порядке, хорошим литературным языком, передающим ощущение той эпохи, в которой при-

шлось служить и работать Н.Д. Артамонову, окружавшим его людям.

Книга перекликается и с современностью. Ведь не секрет, что вооруженные силы нашей, как, впрочем, и любой другой страны, несмотря на умиротворяющие заявления глав правительств, политиков и дипломатов, должны всегда находиться в постоянной готовности к отражению возможной агрессии. При этом Топографическая служба Вооруженных Сил России обязана заблаговременно готовить (в топогеодезическом отношении) приграничные территории и другие важные в стратегическом отношении районы, создавать и непрерывно обновлять банки базовой топогеодезической информации, участвовать в подготовке кадров и совершенствовании их выучки. Только тогда можно будет своевременно и в полном объеме обеспечивать российские войска необходимыми топогеодезическими данными, поддерживать их высокую боевую готовность, обеспечивать мирный и созидательный труд наших соотечественников [68]. Это важное положение прямо или косвенно проходит от первой до последней страницы книги.

*Начальник ВТУ ГШ – ТС ВС СССР (1974–1989),
лауреат Государственной премии СССР
генерал-полковник Б.Е. Бызов*

Введение

В ряду крупных военачальников дореволюционной России своей высокой образованностью, авторитетом в отечественных и зарубежных научных кругах, большим личным вкладом в дело укрепления военной мощи и обороноспособности державы выделяется Генеральный штаба генерал от инфантерии Николай Дмитриевич Артамонов – выдающийся военный геодезист и картограф, один из основоположников теории и практики топографического (топогеодезического) обеспечения войск в операциях, внесший существенный вклад в дело разработки вопросов по наращиванию оборонных возможностей страны в мирное и проведению всеобщей мобилизации в военное время [51]. Яркий продолжатель славной военной династии (начало которой положили князь Дмитрий Пожарский и боярин Артамон Матвеев), Н.Д. Артамонов достойно прослужил в офицерских и генеральских чинах почти 60 лет. За это время он занимался картографированием бескрайних просторов Российской империи и сопредельных территорий других стран (1864–1873), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в должностях штаб-офицера над вожатыми (начальника разведки) и одновременно начальника ВТО Полевого штаба действующей армии, воспитывал и обучал офицеров Николаевской академии Генерального штаба (1873–1876, 1878–1886), преподавателей и юнкеров Военно-топографического училища (1886–1903) [35–63], писал научные статьи [3–13, 21, 22, 24, 25], учебники [15, 16, 23], выдержавшие несколько изданий, редактировал особо важные топографические карты [27–29], разрабатывал руководящие документы по топографическому обеспечению войск [19, 26], лично готовил отчеты о проделанной им и его подчиненными работе, позже опубликованные в официальных изданиях Военного ведомства России [1, 2, 14, 17, 18, 20].

Будучи начальником ВТО и ВТУ Главного штаба, ВТУ ГУ ГШ и одновременно КВТ (1903–1911) Н.Д. Артамонов непосредственно руководил астрономо-геодезическими, топографическими и картографическими работами государственного значе-

ния, редакционно-издательской деятельностью, выпустив в свет в качестве автора-составителя и ответственного редактора пять обстоятельных томов «Записок Военно-топографического управления...» [30–34].

Незурядные организаторские способности Н.Д. Артамонова особенно ярко проявились в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда он непосредственно занимался формированием временных военно-топографических съемок – полевых частей КВТ, направляемых на Дальний Восток в действующую армию, а также организацией топографического обеспечения войск Маньчжурских армий во время и картографированием Северной Маньчжурии по окончании войны (в период эвакуации русских войск в 1905–1906 гг.). За это он был отмечен высшими боевыми орденами российской империи и произведен в чин генерала от инфантерии.

После окончания войны с Японией Н.Д. Артамонов неоднократно исполнял обязанности начальника ГУ ГШ и начальника ГШ, занимаясь (наряду с решением различных вопросов по своей штатной должности) организацией подготовки военных и научно-педагогических кадров для русской армии, совершенствованием службы «по Генеральному штабу», военной разведкой и др. Наконец, будучи членом Военного совета России (1911–1918), он участвовал в подготовке и проведении всеобщей мобилизации в 1914 г., в разработке планов крупнейших боевых операций в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. Безусловно, когда Н.Д. Артамонов был на высоком посту члена Военного совета России, топографическое обеспечение войск по-прежнему оставалось в зоне пристального внимания боевого генерала – ведь этим важным делом занимались его бывшие воспитанники, обучавшиеся в Военно-топографическом училище, а также подчиненные ему генералы и офицеры КВТ.

Исполняя свои служебные обязанности, Н.Д. Артамонов участвовал в работе общественных научных организаций (Русского географического и Русского астрономического обществ, став их почетным членом соответственно в 1917 г. и 1909 г.), был избран председателем комиссии, образованной для разработки общего плана «будущих географических работ», членом Топографического комитета Петербургской академии наук (1907–1910), дважды был делегирован на общую конференцию международного геодезического союза (1906, 1909), был избран его почетным членом (1909). Однако главным его делом было все-таки военное: весь свой богатый служебный опыт и глубокие знания он положил на развитие военной геодезии и картографии. Его научно-

педагогические труды и методические разработки широко использовали в учебном процессе в ряде военно-учебных заведений до- и послереволюционной России, а его предложения и идеи (по части мобилизации людских и промышленных ресурсов страны), создания оптимальной структуры войсковой топографической службы, карты и военно-топографические описания, составленные и изданные под его руководством, нашли применение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и советско-японской войны 1945 г. Так, на основе астрономо-геодезических и топографических данных, полученных офицерами подчиненного ему КВТ в 1903–1906 гг., были составлены и изданы топографические карты Северо-восточного Китая, пользуясь которыми советские войска в августе 1945 г. разгромили японскую Квантунскую армию, освободили Маньчжурию и Северную Корею.

О жизни, научно-педагогической и ратной деятельности Н.Д. Артамонова – кавалера всех российских орденов (до ордена Св. Александра Невского включительно) и многих иностранных наград, о состоянии и этапах развития Военно-топографической службы (ВТС) России конца XIX – начала XX в., о его близких родственниках, начальниках, подчиненных и учениках повествуется на страницах этой книги, завершенной в канун 165-й годовщины со дня его рождения.

Автор выражает глубокую благодарность и признательность за помощь, оказанную при подготовке книги к изданию, заведующему кафедрой «Геодезия, геоинформатика и навигация» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ) С.И. Матвееву, главным научным сотрудникам ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН З.К. Соколовской-Новокшановой и В.А. Есакову, ветерану ВС СССР генерал-полковнику Б.Е. Бызову, начальнику ВТУ ГШ ВС России генерал-лейтенанту В.Н. Филатову, а также своей супруге И.К. Глушковой.

Глава I

От кадета до Генерального штаба полковника

Николай Дмитриевич Артамонов родился в Москве 26 октября 1840 г.¹ В том же году скончался его отец, Дмитрий Петрович, – отставной штабс-капитан, участник Отечественной войны 1812 года, сражавшийся при Бородине, Малоярославце, под Лейпцигом, бравший Париж и потерявший здоровье в крепостных казематах Кронштадта, куда был посажен за участие в Северном обществе декабристов. Раннее детство Николай провел в семье бездетного брата отца Павла Петровича² – генерал-майора, георгиевского кавалера³, учился в малолетнем отделении Императорского воспитательного дома, затем в Александровском сиротском кадетском корпусе [51, с. 156–157].

По окончании в 1859 г. специальных классов кадетского корпуса (с занесением на мраморную доску лучших выпускников) фельдфебель Н.Д. Артамонов был произведен в поручики 3-го Гренадерского стрелкового батальона «с прикомандированием к Николаевской инженерной академии». Через год службы он поступил в эту же академию, но «по независящим от него обстоятельствам» ее не закончил⁴ [56, с. 136]. На этом жизненном этапе

¹ Здесь и далее по тексту даты даются по старому стилю.

² У Д.П. Артамонова было еще два брата: Константин Петрович и Андрей Петрович. После восстания декабристов в 1825 г. последний был лишен дворянства, разжалован в рядовые и сослан в Оренбургскую губернию [Здесь и далее в сносках справки о родственниках Н.Д. Артамонова составлены на основании официальных документов, ныне хранящихся в семейном архиве потомков Н.Д. Артамонова].

³ Артамонов П.П. – выпускник Павловского кадетского корпуса (1814), участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., Польской кампании (1831), Кавказской войны (1844), похода в Венгрию и Трансильванию (1849), командир Литовского пехотного егерского полка (1840) и 1-й бригады 15-й пехотной дивизии 5-го пехотного корпуса. Генерал-майор (1851) [РГВИА. Ф. 395. Оп. 44. Д. 590].

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245. Послужной список числящегося по Генеральному штабу генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова.

карьера будущего генерала могла и завершиться, но, как говорится, Бог смилостивился.

Упомянутые же выше «обстоятельства» по одной из двух версий состояли в следующем. В октябре 1860 г. в академии разразился небывалый по тем временам скандал: крупно повздорили между собой профессор полковник Таубе и слушатель инженер-поручик Никонов. За своего товарища вступился инженер-поручик Лебедев. Профессор пытался осадить и его, пригрозив подать рапорт с ходатайством об исключении молодого офицера за столь дерзкое поведение. И тогда почти все сокурсники Никонова и Лебедева подали рапорта об отчислении из академии в знак протеста против несправедливых, по их мнению, действий профессора. Скандал приобрел широкую известность, о нем доложили императору Александру II, расследованием занимался лично генерал-фельдцейхмейстер⁵ великий князь Михаил Николаевич. Строптивые офицеры были наказаны отчислением из академии «в строй» [60, с. 7]. В числе последних был и поручик Н.Д. Артамонов. То, что он разделял позицию непокорных слушателей, не вызывает сомнений. Однако по другой версии он был отчислен из академии за то, что дрался на дуэли «за честь фамилии своей, идущей от дочери Артамона Матвеева» [51, с. 157] – крупного государственного деятеля в годы правления царя Алексея Михайловича.

Артамон Матвеев – сын дьяка Сергея Матвеева, выдвинувшегося на дипломатической службе при царе Михаиле Федоровиче, – родился в 1625 г. [125, с. 58–65]. Тринадцати лет от роду Артамон был взят в царский дворец и, будучи старше наследника престола царевича Алексея Михайловича всего на четыре года, воспитывался вместе с ним. Позднее они даже состояли в некотором родстве⁶.

В 1653 г. думный дворянин А.С. Матвеев, как особо доверенное лицо, был направлен царем Алексеем Михайловичем на Украину для приведения малороссиян в подданство России. В последовавшей за этим войне с поляками он начальствовал в битве при Каменец-Подольском, осаждал Львов и отвоевал Чернигов. Впоследствии А.С. Матвеева дважды направляли в Литву и Польшу для переговоров с гетманом Гонсевским об избрании русского царя польским королем.

В 1669 г. А.С. Матвеев был направлен в Глуховскую раду, где успешно отстаивал невозвращение Киева полякам. В том же году царь Алексей Михайло-

⁵ Генерал-фельдцейхмейстер – титул и должность (с 1699 г.), а затем (с 1798 г.) почетное звание главного начальника артиллерии русской армии, обычно члена императорской фамилии; упразднено в 1909 г.

⁶ Артамон Матвеев был женат на Евдокии Григорьевне Гамильтон, происходившей из знатного шотландского рода, обосновавшегося в России еще при Иване Грозном, а родной дядя царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, второй жены Алексея Михайловича, был женат на племяннице Евдокии Григорьевны – тоже из семьи Гамильтонов [125, с. 58].

вич назначил его главой Малороссийского приказа, а через два года одновременно и Посольского. За верную службу из думных дворян он был «высочайше» пожалован в окольничие, стал главой Стрелецкого приказа (полка).

А.С. Матвеев был не только царским любимцем, но и одним из наиболее видных деятелей России того времени. Он, например, доказал свою преданность царю в «деле» патриарха Никона, пытавшегося поставить себя выше царя, блестяще проявил себя как дипломат и разведчик при воссоединении Украины с Россией в 1653–1654 гг., встретившись для этого с Богданом Хмельницким. В 1674 г. за отличия по службе А.С. Матвеев был жалован из окольничьих в ближние бояре.

После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. А.С. Матвеев оказался в опале, был лишен боярского чина, поместий, всего имущества и оказался в ссылке на севере, в Пустозерске. Только в мае 1682 г. после смерти царя Федора Алексеевича и объявления его преемником 10-летнего Петра Алексеевича (Петра I) мать последнего Н.К. Нарышкина (вторая жена царя Алексея Михайловича и воспитанница А.С. Матвеева) предприняла срочные меры для его оправдания и возвращения в Москву. Однако вскоре после этого сторонники Милославских – родственников первой жены Алексея Михайловича – подняли в Москве мятеж. Отряд взбунтовавшихся стрельцов ворвался во дворец, убивая всех, кто попадался на пути. А.С. Матвеев был схвачен, выведен на Красное крыльцо и сброшен на пики [125, с. 65].

У А.С. Матвеева остались сын Андрей – в будущем государственный деятель и дипломат – и две дочки. Старшая из них, повзрослев, полюбила князя Юрия Пожарского – внука героя России, князя Дмитрия Пожарского. Несмотря на взаимную привязанность, вступить в законный брак молодые не могли – А.С. Матвеев в ту пору находился в опале, царская немилость могла пасть и на Пожарских. Невзирая на это, плод любви появился в положенный срок, был наречен Сергеем, а позже (по воле царя Федора Алексеевича) и Артамоновым – по имени покойного деда. Так фамилия Артамоновых получила законное право на дальнейшее существование.

Воспитывался Сергей в семье князя М.А. Черкасского – верного сторонника Петра I, будущего московского воеводы (1707), женатого на княжне Евдокии Ивановне Пожарской, дочери князя Ивана Дмитриевича Пожарского. После выхода царского указа о рекрутском наборе «даточных людей», 17 ноября 1699 г. С.Ю. Артамонов был принят на службу в «выборный Лефортовский полк»⁷.

Как уже упоминалось, история появления на Руси фамилии Артамоновых стала известна кому-то из родовитых сослуживцев Н.Д. Артамонова и была рассказана «в недопустимом для офицера тоне» с намеком на некие фривольные обстоятельства. Это, очевидно, задело честь молодого поручика. В результате обидчик был вызван на дуэль, где получил по заслугам, а командование академии вынуждено было принять соответствующие меры.

⁷ Артамонов Сергей Юрьевич – поступив в 1699 г. на военную службу рядовым в Лефортовский полк, позже был произведен в урядники. Затем служил поручиком в лейб-гвардии Преображенском полку, участвовал с ним в сражениях Северной войны 1700–1721 гг., в других военных кампаниях в эпоху царствования Петра I. Его прямые потомки – обер- и штаб-офицеры, генералы – участвовали почти во всех войнах, которые вела Россия в XVIII–XX вв.

По «высочайшему повелению» Н.Д. Артамонов был 12 января 1861 г. «отчислен от академии с обойдением чином один раз при производстве на вакансию» и «направлен в Инспекторский департамент Военного министерства»⁸.

В апреле 1862 г. в личном деле опального поручика появилась запись: «Обойден чином при производстве на вакансию», а два месяца спустя – следующая: «прикомандирован к штабу отдельного Гренадерского корпуса для приготовления в Николаевскую академию Генерального штаба»⁹. В августе того же года Н.Д. Артамонов, успешно выдержав вступительные экзамены, поступил «в геодезическое отделение» названной академии – кузницы высших военных кадров русской армии.

Геодезическое отделение было образовано в 1854 г. по предложению начальника академии генерал-лейтенанта Г.Ф. Стефана – бывшего колонновожато¹⁰, много лет руководившего летними практическими работами слушателей по топографической съемке местности. В марте 1853 г. на Совете академии он высказал предложение об образовании особого математического класса, наиболее способные выпускники которого должны, по его мнению, направляться не в войска, а в Пулковку (в Николаевскую Главную астрономическую обсерваторию) для углубленного изучения высшей геодезии и астрономии. Примерно через год его идея была поддержана начальником военно-учебных заведений Главного штаба генерал-адъютантом графом Я.И. Ростовцевым. После этого был разработан проект «Положения о геодезическом отделении» и осенью 1854 г. первые слушатели, будущие военные геодезисты, приступили к занятиям¹¹.

В окончательной форме упомянутое положение было утверждено два года спустя (22 сентября 1856 г.) «высочайшим повелением» императора Александра II. В нем, в частности, отмечалось, что «отделение... учреждено с целью: образовать способных деятелей и впоследствии руководителей государственных геодезических работ и съемок и в то же время приготовить их для службы по Генеральному штабу. Соответственно этой цели положено дать курсу этого отделения такой объем и развитие, чтобы обучающиеся в нем офицеры, получив полное математическое образование, необходимое для исполнения всех геодезических работ, получили и образование военное в той мере, сколько оно достаточно для службы в Генеральном штабе» [87, с. 171]. Для поступления в это отделение требовалось не менее двух лет службы в офицерском звании и хорошая подготовка по математическим дисциплинам.

Программа обучения будущих военных геодезистов состояла из теоретического курса и практических занятий. При этом главными предметами считались

⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

⁹ Там же.

¹⁰ Колонновожатые – унтер-офицеры, состоящие на службе в Генеральном штабе (в Свите е.и.в. по Квартирмейстерской части) и занимающиеся обследованием местности, съемками и чертежными работами под началом офицеров.

¹¹ Обучение в геодезическом отделении Николаевской академии Генерального штаба продолжалось со дня его основания 60 лет: с 1854 г. до 1914 г. Его закончили многие выдающиеся ученые с мировым именем и известные генералы русской армии.

теоретическая и практическая астрономия, физическая география, геодезия с топографической съемкой и черчением, картография и военная статистика, вспомогательными – военная администрация, тактика, русский и иностранные языки [117, с. 46]. Обучение велось на высоком уровне, особенно хорошо было поставлено преподавание практической астрономии¹², ибо в рассматриваемый период разворачивались обширные работы научно-практического характера по высокоточным астрономическим определениям географических координат точек местности. Некоторые из них становились достоянием мировой научной общности, поскольку выполнялись в рамках международных проектов. К таким работам относились так называемые градусные измерения, в которых активное участие принимали выпускники геодезического отделения Николаевской академии Генерального штаба [102, с. 16; 114, с. 109; 127, с. 164–165, 175; 142, с. IX].

К 1855 г. была построена Русско-Скандинавская дуга – наиболее точное и колоссальное по размерам градусное измерение в мире, результаты которого использовали в XIX в. и используют в настоящее время при выводах параметров земного эллипсоида. Это градусное измерение, произведенное в 1816–1855 гг., представляло собой дугу меридиана, охватывающую по широте 25°20', между пунктами Фугленес (70°40' с.ш.) и Старо-Некрасовка (45°20' с.ш.), общей протяженностью 2880 км. Русско-Скандинавская дуга состояла из 258 первоклассных треугольников, основанных на 10 базисах и 13 высокоточных астрономических пунктах [120, с. 83–84].

15 января 1862 г. военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин представил императору Александру II доклад с программой военных реформ, затрагивающих управление, организацию, комплектование, вооружение и боевую подготовку русской армии [85, 86]. Так, департамент Генерального штаба «было признано полезным преобразовать в управление генерал-квартирмейстера с особым совещательным комитетом с целью представить генерал-квартирмейстеру возможность с большим единством управлять как частью Генерального штаба, так и военно-топографическою... По новому учреждению дано название не управление генерал-квартирмейстера, но Главное управление Генерального штаба. Это управление было составлено из департамента Генерального штаба и Военно-топографического депо и поручено генерал-квартирмейстеру Главного штаба е.и.в., генерал-лейтенанту Веригину (А.И. Веригин – с 1861 г. одновременно начальник Корпуса топографов. – Гл.). В состав управления входил совещательный комитет, подразделенный на четыре отдела: а) тактический; б) военно-исторический; в) военно-статистический и г) геодезический и военно-топографический. Целью [этого] комитета было постоянно направлять ученую деятельность Генерального штаба и Корпуса топографов по всем отраслям, составляющим их специ-

¹² Все видные российские геодезисты и астрономы второй половины XIX – начала XX в. были выпускниками геодезического отделения Николаевской академии Генерального штаба.

альность... Начальство над Корпусом топографов было вверено управляющему Военно-топографической частью (генерал-лейтенанту И.Ф. Бларамбергу. – *Гл.*)...» [141, с. 347–348].

Через год после представления императору Александру II упомянутого доклада (20 февраля 1863 г.) было утверждено положение Военного совета России «О обязанностях, правах и власти по инспекторской части начальников военно-топографических съемок и триангуляций» [73, с. 178], 30 июня утверждено положение «О порядке поступления в топографы и производстве их в унтер-офицеры» [73, с. 735], 27 сентября – Положение о ГУ ГШ [74, с. 66], 3 декабря – «Правила производства по Корпусу топографов» [75, с. 273], 24 декабря – положение «О военно-чертежной школе» [77, с. 178].

С опубликованием Положения о ГУ ГШ закончилась более чем полувекковая история Военно-топографического депо. «Высочайшим повелением» оно было упразднено, и вместо него была образована Военно-топографическая часть ГУ ГШ, которой до 1918 г. предстояло как минимум пять переименований и реорганизаций [140, с. 561]. В ней было учреждено картографическое отделение, на которое возлагалось: «1) составление предложений и смет для производства астрономических, тригонометрических и топографических работ; 2) вычисление различного рода проекций; 3) составление, исправление и корректура карт, а также разработка к тому имеющихся материалов; 4) рассмотрение, проверка геодезических инструментов; 5) проверка всех вычислений по вышеозначенным предметам...». Одновременно упомянутым положением Школа топографов была вновь переименована в Училище топографов [74, с. 66].

Между тем слушатель геодезического отделения Николаевской академии Генерального штаба поручик Н.Д. Артамонов учился отлично. Поэтому по окончании экзаменов за зимний период обучения по ходатайству начальника академии «от 23 апреля 1863 года за № 950 штраф [по отношению к Н.Д. Артамонову] высочайше был отменен, чин возвращен и высочайше повелено препятствием к получению наград, пенсий и преимуществ не считать...»¹³. Заметим, что за время обучения в академии «за отличные успехи в науках» ему досрочно были присвоены воинские звания штабс-капитан и капитан¹⁴, по окончании – с серебряной

¹³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

¹⁴ В полковники, генерал-майоры и генералы от инфантерии Н.Д. Артамонов был произведен также не по выслуге лет, а «за отличие по службе» [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245].

медалью – его фамилия была занесена на мраморную доску почета выпускников академии [37, с. 141].

Как это было узаконено до 1914 г., капитан Н.Д. Артамонов, как и все другие офицеры, успешно окончившие теоретический курс академии, был прикомандирован «на два года к... Главной [Пулковской] обсерватории для прохождения дополнительных курсов высшей геодезии и практической астрономии и для упражнения в разных астрономических наблюдениях, вычислениях и геодезических работах...». К завершению курса в обсерватории, «каждый из офицеров обязан [был] представить сочинение, заключающее в себе обработку ряда собственных наблюдений и вывод из них окончательных результатов. Успешно окончившие практический курс получали звание военных геодезистов и назначались на службу в Корпус... топографов...». К Генеральному штабу причислялись «по прослужении в строю [не менее] двух лет и выдержании дополнительного экзамена по выпускной программе академии...». Выпускники академии «после двухлетнего пребывания на... топографических или геодезических работах...» имели преимущественное право «на замещение ученых и учено-административных должностей в Корпусе... топографов...» [117, с. 46–47].

В ноябре 1865 г. капитан Н.Д. Артамонов был «переведен в Генеральный штаб», а в декабре 1866 г., успешно завершив практические работы в Пулковской обсерватории, начал службу в ВТО Главного штаба и уже весной следующего года был командирован «в хронометрическую экспедицию между г. Орском (одной из главных станций Русско-Скандинавского градусного измерения. – Гл.) и фортотом № 1...» [37, с. 141].

К этому времени в России был накоплен солидный опыт проведения хронометрических экспедиций, в ходе которых определяли географические широту (из астрономических наблюдений) и долготу (по показаниям хронометров) «твердых» пунктов. Так, к концу 1850-х гг. была существенно повышена точность определения разностей долгот за счет проведения «больших хронометрических экспедиций» в 1843–1846 гг. под руководством В.Я. Струве и в 1850–1857 гг. под началом и при участии О.В. Струве [140, с. 525]. В этих экспедициях, кроме астрономов обсерваторий, участвовали и геодезисты Корпуса топографов. Их итоговой работой явилась сеть геодезических пунктов I класса, покрывающая пространство Европейской России и служащая основой для последующих работ [126, с. 28–29].

Кроме больших хронометрических экспедиций, совершались также рейсы с 5–8 хронометрами, обеспечившие хотя и меньшую точность определения, но бывшие более экономичными. Такие экспедиции направляли, как правило, в губернии, где еще не было построено геодезических сетей – «для устранения пробела в астрономо-геодезической основе», или в те районы страны, в которых «по причине обширных лесов и болот не представлялось ника-

кой возможности проложить сети треугольников» методом триангуляции¹⁵ [55, с. 30].

В 1860 г. на астрономических и геодезических работах в Финляндии военными геодезистами был впервые применен электрический телеграф при определении разности долгот [138, с. 16–17] – новый и перспективный способ [121, с. 63–66].

31 декабря 1865 г. состоялось объединение ГУ ГШ и Инспекторского департамента¹⁶ в новую организацию под старым названием Главный штаб (последний в военно-исторической литературе еще называют новым Главным штабом). При этом Военно-топографическая часть ГУ ГШ была выделена «в особое учреждение, названное Военно-топографическим отделом Главного штаба (с 24 декабря 1866 г. – *Гл.*). Главный штаб был вверен... генерал-адъютанту графу [Ф.Л.] Гейдену... (до 1866 г. – дежурному генералу Главного штаба [140, с. 484–485]. – *Гл.*) Военно-топографический отдел... с Военно-топографическим училищем и Корпус... топографов [были вверены] начальнику Военно-топографического отдела с подчинением последнего начальнику Главного штаба... При этом были упразднены: должности генерал-квартирмейстера и дежурного генерала и Главный штаб е. и. в. ...» [141, с. 349].

24 декабря 1866 г. были «высочайше» утверждены положения «1) О Корпусе военных топографов, 2) О Военно-топографическом училище и 3) О военных художниках по граверной и фотографической частям...» [78, с. 496–507; 103, с. 33–59], разработанные под непосредственным руководством генерал-адъютанта Д.А. Милютин в рамках военных реформ, проводимых по его инициативе и программе [48, с. 349].

В соответствии с этими руководящими документами была проведена существенная реорганизация Военно-топографической службы (ВТС) русской армии [98]. Так, новым положением по сравнению с «Положением о Корпусе топографов» (1822) изменялось не только его наименование, но и назначение: «Корпус военных топографов предназначается для производства военно-топографических съемок и обзрений, как в военное, так и в мир-

¹⁵ Триангуляция – метод определения относительного (взаимного) планового положения геодезических пунктов путем построения на местности систем смежно расположенных треугольников, в которых измеряют их углы, а в сети – длину хотя бы одной стороны, называемой базисом или базисной стороной. Триангуляциями в 1866–1917 гг. также назывались некоторые полевые части КВТ (см. далее по тексту).

¹⁶ С этого времени Генеральный штаб постоянного штата не имел [141, с. 357].

ное время и вообще для необходимых Военному ведомству геодезических и картографических работ...». Для сравнения заметим, что в 1822 г. Корпус топографов утверждался «с тою целью, чтобы успешно могли производиться съемки государственные во время мирное и обозрение мест в тылу армии в военное...» [72, с. 48].

Таким образом, с 1866 г. (а не с 1877 г., как утверждают авторы некоторых публикаций¹⁷) деятельность КВТ и, следовательно, ВТС русской армии, была в официальном порядке ограничена решением специальных задач только в военных целях.

Далее, «Положением...» (1866) упразднялись существующие «роты топографов» и вместо них образовывались «топографические роты», «триангуляциями» и «рекогносцировками» – полевыми частями КВТ, предназначенными для выполнения соответственно топографических (съемка), геодезических (измерения) работ и обследования местности с целью определения мест установки геодезических знаков или исправления (обновления) устаревших карт. Находясь в ведении начальника Главного штаба, КВТ с того времени управлялся «особым начальником на правах начальника дивизии», звание начальника корпуса соединялось «со званием начальника Военно-топографического отдела Главного штаба».

Училище топографов, получив новое наименование – Военно-топографическое училище, – отныне предназначалось не только для подготовки съемщиков, как это было прежде, но и «для образования руководителей топографических съемок и производителей геодезических работ» [76, с. 496–507].

Кроме того, с целью «поднять уровень научного образования» в КВТ были сделаны следующие нововведения: «1) Офице-

¹⁷ Автору настоящей работы удалось установить статью-первоисточник по упомянутому вопросу. Ее написал И.А. Иверонов – профессор Московского сельскохозяйственного института. «С 20-х до 70-х годов 19 столетия обязанности вести государственные съемки лежали на Корпусе военных топографов, – писал он в 1897 г. – Это пол-столетие было расцветом работ. Положением 1877 года было установлено, что корпус назначается для производства работ для Военного ведомства. Сообразно с этой суженной целью был рассчитан состав корпуса и отпуск средств. Таким образом, Военное министерство, державшее в прошлом в своих руках судьбы русской картографии, не стало искать средств продолжить это важное дело...» [112, с. 83–109]. К сожалению, это неверное утверждение получило отражение в работах ряда историков картографии XX в. На практике же вплоть до 1917 г. чинов КВТ по-прежнему привлекали к работам государственного значения, ибо в число необходимых Военному ведомству входили почти все основные астрономо-геодезические и картографические работы того времени.

ры, окончившие курс геодезического отделения Николаевской академии Генерального штаба и практический курс Пулковской обсерватории включены в Корпус [военных] топографов¹⁸. Они составили особый разряд офицеров корпуса с наименованием их геодезистами. 2) Значительно усилены программы Военно-топографического училища...» [76, с. 483–484].

Одновременно был утвержден постоянный штат КВТ. Для определения «числа чинов» было предложено выделить финансовые средства Военному ведомству, достаточные для одновременного выполнения работ силами трех съездов, трех триангуляций и трех рекогносцировок. «Кроме того, положено было иметь чинов корпуса при Военно-топографическом отделе Главного штаба, при окружных штабах и при некоторых военных управлениях... Для скорейшего собрания точных сведений об отдаленных окраинах России, сверх Кавказского топографического отдела (который был приказом военного министра от 14 апреля 1867 г. преобразован. – *Гл.*), учреждены были (тем же приказом. – *Гл.*) такие же при Оренбургском, обоих Сибирских [79, с. 520] (Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском. – *Гл.*) и Туркестанском военных округах¹⁹ (создан в 1868 г. – *Гл.*). Всего по штату корпуса... положено было иметь: 6 генералов, 33 штаб-офицера, 156 обер-офицеров, 170 классных топографов, 236 топографов унтер-офицерского звания и 42 ученика...» [114, с. 484–485]. Итого, не считая учеников, по новому штату состав ВТС русской армии не должен был превышать 601 человека.

¹⁸ С 1866 г. офицеры, закончившие геодезическое отделение академии, уже не причислялись, как прежде, к Генеральному штабу и в результате теряли право на получение звания офицера Генерального штаба и все положенные ему льготы по прохождению службы и проч. Следствием этого стали обращения слушателей с рапортами по команде о переводе их с геодезического на общее (строевое) отделение. В 1868 г. был утвержден новый проект положения для академии, в соответствии с которым в геодезическое отделение наряду с офицерами КВТ был открыт доступ офицерам всех родов войск, прослуживших не менее двух лет. Физико-математическая подготовка будущих геодезистов была еще более усилена (основными дисциплинами в то время были: теоретическая и практическая астрономия, физическая география, геодезия с топографическими съемками, картография, военная статистика), но требования к знанию военных наук были понижены [138, с. 9].

¹⁹ Новым «Положением...» предусматривалось введение 2–4 военных топографов в штабы 15 военных округов, созданных в 1862–1864 гг., а в отдаленных от центра округах – Оренбургском, Западно- и Восточно-Сибирских, Туркестанском – развертывание ВТО численностью в 20–40 человек. Основное предназначение этих отделов и ранее созданного Кавказского ВТО состояло в ускорении картографирования окраин России и вновь присоединяемых к ней земель [48, с. 349].

«Устроив корпус... на новых началах, правительство дало ему средства производить работы в весьма широких размерах, так что можно [было] надеяться, что в непродолжительном времени собраны будут достаточно точные сведения не только о Европейской России, но и о самых отдаленных окраинах» [114, с. 485–486].

В 1867 г. было учреждено Картографическое заведение ВТО Главного штаба, в состав которого первоначально вошли чертежная, гравировальная, печатная и фотография. В этом заведении были сформированы редакции карт для создания крупных картографических произведений определенного масштаба или на определенной территории [136, с. 185]. С того времени весь процесс создания топографических карт для Военного ведомства был сосредоточен в этой организации. Указанное нововведение облегчило координирование топографических съемок, составление, гравирование и издание карт. Картографическое заведение явилось прямым предшественником современных картографических фабрик и научно-производственных объединений картографического профиля [48, с. 349].

В июле 1867 г. «последовало высочайшее повеление о производстве предварительных исследований местности для проложения Русского градусного измерения дуги меридиана от города Измаила до острова Кандии. С этой целью (по соглашению с Оттоманским правительством [37, с. 141]. – *Гл.*) снаряжена была Главным штабом экспедиция, в которую были назначены Генерального штаба капитаны Кортацци и Артамонов и л[ейб]-гв[ардии] Уланского полка штабс-ротмистр Бобриков, причем капитану Кортацци поручено было начальство над экспедицией; сверх того, с разрешения русского посла в Константинополе генерал-адъютанта Игнатьева, к ней присоединились еще состоявшие... при нашем посольстве...: л[ейб]-гв[ардии] Уланского полка поручик Скалон и Корпуса военных топографов штабс-капитан Быков...» [1, с. 5].

Отметим, что в Военном ведомстве дореволюционной России к подобным мероприятиям готовились основательно. Во всяком случае, участники экспедиции предварительно изучили все имеющиеся в архивах ВТО и Военно-ученого комитета (ВУК) Главного штаба материалы: исходные астрономо-геодезические данные, различные карты, планы, топографические описания местности и пр.

Поскольку географическое изучение и картографирование территории Турции как вероятного ТВД эпизодически шло давно – еще с начала первой Русско-турецкой войны 1676–1681 гг. – справочного материала накопилось немало.

Да и традиция составления новых карт на основе старых с использованием «свежей» информации о местности была давней. Например, в 1738 г. по имеющейся в Правительствующем Сенате коллекции старинных карт и информации (собранной офицерами-квартирмейстерами) французом И.Н. Делилем, состоящим по контракту на русской службе в Петербургской академии наук, была составлена, а затем издана «Карта военных действий против турок и операций на Днестре и Дунае 1736 г. и 1738 г.» [145, с. 178].

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. офицеры Генерального штаба и колонновожатые выполняли военно-топографические съемки при подготовке и даже в ходе боевых действий, а по окончании – съемки освобожденных территорий. На их основе позже был составлен атлас «Театр войны между Российской империей и Оттоманской Портою» [136, с. 163].

Особенно интенсивным стало изучение упомянутого ТВД офицерами Свистова е. и. в. по Квартирмейстерской части после подписания Бухарестского мира в 1812 г., когда граница России придвинулась к Дунаю. Собранные новые сведения послужили материалом для составления первой, хотя и далеко неполной карты Европейской Турции, которой командиры и штабы пользовались в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

В 1819–1826 гг. усилиями офицеров-квартирмейстеров глазомерно и инструментально был снят весь район, занимаемый войсками 2-й русской армии [141, с. 32]. В результате этого в ее штабе имелись карты 5-, 10-, 20-верстного²⁰ масштаба и мельче, вплоть до генеральных карт.

Накануне объявления войны с Турцией корпусным «обер-квартирмейстерам и дивизионным квартирмейстерам [были] разосланы топографические карты Молдавии, Валахии²¹ и Болгарии и копии с маршрутов (снятых в Турции в 1827 г.), всем офицерам Генерального штаба роздана и во все штабы разослана литографированная карта Турции...» [141, с. 33–34]. Директор Корпуса топографов генерал-майор Ф.Ф. Шуберт, памятуя о том, что «невзирая на частое и продолжительное пребывание наших войск в Молдавии, Валахии и Булгарии, мы не имеем не только хорошей, но даже и посредственной карты сих стран» составил «предположения о военно-топографических работах на Дунае». Это послужило основанием для организации особых отрядов, предназначенных для выполнения астрономо-геодезических и топографических работ с целью создать новые карты на ТВД. Так, на «время войны с турками [1828–1829 гг.] был составлен под начальством полковника Дитмарса геодезический отряд для снятия [территории] в тылу армии, а равно и всего пространства, которое будет занято нашими войсками. Отряд сей состоял из двух полурот, в каждой по 6 офицеров (командир полуроты, 2 геодезиста и 3 топографа. – Гл.) и 24 топографа (нижних чинов. – Гл.). Первая полурота предназначалась для производства топографической съемки вблизи армии..., вторая... должна была снимать Молдавию и Валахию...» [99, с. 40–41].

Для обеспечения успеха в предстоящей работе Ф.Ф. Шубертом в 1827–1828 гг. была написана также специальная «Инструкция для начальника геодезического отряда в Молдавии, Валахии и Булгарии»²², на основе которой позже был разработан целый ряд руководств по военным съемкам. В ней, в частности, предписывалось придерживаться только тех методов выполнения

²⁰ 1 верста = 1,0668 км.

²¹ Валахия – историческая область, расположенная на юге Румынии между Карпатами и Дунаем.

²² Архив РАН. Ф. 139. Оп. 1. № 13.

работ, которые обеспечивали бы создание надежной опорной сети для топографической съемки, а также перечислялись наиболее приемлемые – для тех или иных обстоятельств – астрономические способы определения географических широты и долготы исходных пунктов, азимутов направлений. В «Инструкции...» был приведен список уже известных 16 пунктов, которые планировалось переопределить заново с максимальной точностью [121, с. 25–26].

В целом же методика съемок во время войны 1828–1829 гг. должна была обеспечивать выполнение следующего основного требования: «чтобы все пространство края было снято с достаточной для военных действий точностью и чтобы на карте были нанесены те предметы, которые были сняты, а отнюдь ничто сомнительное или по рассказам узнанное...» [99, с. 41].

В процессе съемки все маршруты наносили на изготовленную в Военно-топографическом депо координатную сетку в масштабе 5 верст в дюйме²³. При этом элементы картографической проекции вычисляли на основании географических координат отдельных астропунктов, «твердых» геодезических точек на маршрутах с использованием всех имевшихся в наличии астрономо-геодезических данных на соседние территории. «Пространства, заключающиеся между инструментальными линиями», предписывалось снимать глазомерно, в масштабе 2 версты в дюйме, но не столь детально, как маршруты. На рекогносцировку (обновление карт) и глазомерную съемку направлялись, как правило, только опытные офицеры Генерального штаба и Корпуса топографов.

Помимо составления общей или сводной карты рекогносцировочной и глазомерной съемок, «все важные военные предметы, как-то: поля сражений, окружности крепостей, гавани, переходы рек и прочее» предписывалось снимать инструментально в масштабе 200 сажень²⁴ в дюйме. В процессе работ одновременно составляли подробные военно-топографические и статистические описания местности, причем в малоизученных и осваиваемых районах большое значение придавали как общегеографическим, так и социально-экономическим характеристикам [129, с. 131].

Одновременно с упомянутой инструкцией Ф.Ф. Шуберта генерал-адъютантом князем М.Д. Горчаковым – генерал-квартирмейстером 2-й армии – была составлена инструкция специально для офицеров Генерального штаба, где наряду с прочим были прописаны «правила... черчения и съемки». На основе ее затем было разработано «Руководство для г.г. офицеров Генерального штаба при корпусах, дивизиях и отрядах 2-й армии в военное время» [141, с. 34].

Незадолго до окончания войны 1828–1829 гг. военно-топографическая карта части Болгарии и Румелии²⁵ на 32-х листах, составленная офицерами штаба 2-й армии, была отредактирована и усовершенствована генерал-майором А.И. Хатовым – в 1823–1825 гг. исполнявшим должности (и.д.) генерал-квартирмейстера Главного штаба и начальника Корпуса топографов [140, с. 539]. Командованием армии эта карта была признана наиболее точной и лучше других подходящей для ведения боевых действий.

²³ Далее по тексту будут упоминаться карты и планы масштаба 50, 100, 200, 250 сажень в дюйме, 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10 и 20 верст в дюйме, что соответствует масштабу 1 : 4200, 1 : 8400, 1 : 16 800, 1 : 21 000, 1 : 42 000, 1 : 84 000, 1 : 126 000, 1 : 168 000, 1 : 210 000, 1 : 336 000, 1 : 420 000 и 1 : 840 000; 1 дюйм = 2,54 см.

²⁴ 1 сажень = 2,1336 м.

²⁵ Румелия в XVI–XIX вв. – название турецкой провинции, куда входили Болгария, Сербия, Герцеговина, Албания, Македония, Эпир и Фессалия, с центром в Софии.

С окончанием войны войска, действовавшие в Европейской Турции, возвратились в Россию, а часть офицеров Генерального штаба и Корпуса топографов продолжала заниматься съемками. «Наибольшее число офицеров было оставлено на Дунае... Работы... производились под главным руководством полковника Дитмарса; в них участвовало почти постоянно: 10–15 офицеров Генерального штаба, 5–10 офицеров Корпуса топографов и несколько строевых офицеров, прикомандированных к Генеральному штабу. Результатом этих работ были следующие съемки, в масштабе 2 версты в дюйме: а) Валахии на 41 листе, пространства [охватившего территорию в] 66 471 кв. верст; б) Молдавии, на 26 листах, пространства... – в 36 045 кв. верст и в) Бабадагской области, на 10 листах, пространства... – в 10 740 кв. верст.

При съемке княжеств было сделано более 400 маршрутов, сняты планы... значительных городов, в масштабе 200 саженей в дюйме, и составлено статистическое описание Молдавии и Валахии. Сверх того, были произведены съемочные и чертежные работы для окончания карты Болгарии и восточной части Румелии под руководством Гвардии генерального штаба полковника фон-дер-Ховена [Х.Х.]. Карта эта (также 2-верстная), обнимавшая пространство в 42 900 кв. верст, была окончена в 1831 году; в составлении ее участвовало до 15 офицеров Генерального штаба..., один капитан Корпуса топографов (М.О. Бескорнилович – офицер Свиты е. и. в. по Квартирмейстерской части, а с 1822 г. – Корпуса топографов. – Гл.) и около 20 топографов нижнего звания...» [141, с. 71].

В целом же за пять лет работ (1828–1833) съемками была охвачена территория площадью «почти в 200 тысяч кв. верст» [141, с. 71]. На их основе были составлены свыше 100 листов 2-верстных карт Молдавии, Валахии и Болгарии и 4-верстная «глазомерная карта Сербии» (на восьми листах) [147, с. 20]. «Этот огромный материал послужил главным основанием для составления... [отчетной] карты войны 1828–1829 гг. в Европейской Турции, на семи листах, в масштабе 10-верст в дюйме...» [141, с. 71]. Эта карта была издана в 1835 г. Наибольшей полнотой она отличалась в районах, прилегающих к Черному морю.

В начале 1834 г. вернувшийся с астрономических определений из Европейской Турции Генерального штаба штабс-капитан М.П. Вронченко (с одним помощником) был направлен вновь с особым поручением в турецкие владения, в Малую Азию (Анатолию) для сбора военно-географических и статистических сведений.

Эта экспедиция была согласована с турецкими властями [100, 101], состояла из четырех поездок, проведенных из города Смирны (одна – в 1834 г., три – в 1835 г.). При этом основными измерительными приборами были: призматический круг мюнхенской фирмы Штейнгейля и Эртеля и три хронометра – для астрономических определений; вспомогательными приборами: отражательная буссоль – для магнитных наблюдений и термометры – для температурных. Высоты точек (астрономических пунктов) не определялись по той причине, что служащий для этой цели единственный барометр случайно разбили в дороге. Путешествие совершали верхом на лошади. При этом хронометры перевозили в поясе, а призматический круг – в чемодане, на вьючной лошади [147, с. 22–25].

Во время поездок М.П. Вронченко установил, что изданные в то время географические карты и планы, например, австрийского географа Гаммера, не соответствовали действительности, по ним нельзя было даже ориентироваться. Английские карты были несколько лучше, но и на них «положение некоторых городов [показано] очень неверно; реки текут не так; фигура озер означена набум, а о городах и говорить нечего» [147, с. 25–26].

М.П. Вронченко проехал верхом около 10 тыс. верст, непрерывно проводя маршрутную съемку, по которой затем была составлена маршрутная карта. На ней – наряду с определенными астрономическими пунктами – были нанесены дороги, по которым он проезжал, и находившиеся рядом с ними отдельные местные предметы. Направления встречавшихся и видимых вдали горных хребтов и рек наносились на глаз, а также по расспросам.

Точное время определяли из наблюдений двух звезд, расположенных западнее и восточнее меридиана, а высоту полюса – из наблюдений Полярной звезды и звезды с южным склонением вблизи момента ее кульминации. При наличии четырех основных астрономических пунктов (Смирна, Синоп, Пера – предместье Константинополя и Аталия), «определенных при английской описи» берегов Средиземного и Мраморного морей, долготы пунктов определяли с помощью двух хронометров. В целом за четыре поездки по Малой Азии М.П. Вронченко определил около 100 пунктов (включая сюда также пункты, определенные «при английской описи»).

Результаты выполненной работы, нашедшие отражение в «Обозрении Малой Азии», получили высокую оценку у авторитетных специалистов того времени, среди которых были генерал-майор Ф.Ф. Шуберт – видный геодезист и картограф, профессор Д.М. Перевощиков – известный астроном и математик и др. На основе определенных М.П. Вронченко астрономических пунктов, а также собранных в 1841 г. описательных материалов была составлена и издана первая «научно обоснованная» географическая карта Малой Азии [147, с. 28–29].

Подчеркнем, что представители российского Военного ведомства сведения об этом южном ТВД добывали с большим трудом, поскольку он охватывал территории, наименее изученные в географическом и топографо-геодезическом отношениях. Причиной этого являлась традиционная обособленность Османской империи от европейских государств. Для М.П. Вронченко, как, впрочем, и для всех русских исследователей, путешествия по ее территории были небезопасны. В самой же Турции картографированию страны власти никогда не уделяли должного внимания. «Турция, – отмечалось в очерке, посвященном 50-летию КВТ, – единственная держава, которая ничего не предпринимает в интересах своей собственной картографии. Все, что сделано для ознакомления с территорией Европейской Турции, сделано не турецким правительством, а иностранцами, в среде которых русский Генеральный штаб и Корпус военных топографов занимают... видное место...» [114, с. 583].

В период Крымской войны 1853–1856 гг. изучение турецких владений продолжалось. Для этого по опыту Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. был сформирован геодезический отряд под командованием Генерального штаба генерал-майора И.И. Ходзько – начальника Кавказского ВТО. Офицеры отряда, следуя за наступавшей армией, продолжали развитие Закавказской триангуляционной сети на территории Азиатской Турции (ряд Александрополь – Карс – Арзерум), занимались топографическими съемками территорий Ольгинского, Карского, Баязетского и Арзерумского пашалыков²⁶, а также съемкой маршрутов, планов сражений и лагерей [55, с. 193; 67, с. 28–31]. В результате этого до вывода русских войск из Турции по окончании войны были выполнены: инструментальные топографические съемки – на территории площадью 9669 кв. верст, полуинструментальные – 3765 кв. верст, глазомерные – 2337 кв. верст, по которым были составлены и изданы новые карты турецких владений. Это, как отмечалось в от-

²⁶ Пашалык – провинция или область в Османской империи, находящаяся под властью пашы.

четах Корпуса топографов, «была самая большая и энергичная деятельность чинов корпуса... в 1855–1856 гг.» [53, с. 54].

Спустя десять лет в русской армии назрела необходимость в обновлении имеющихся карт, составленных ранее на территорию Европейской Турции, а для этого требовалась и более совершенная исходная астрономо-геодезическая основа. Участие военных геодезистов в проложении Русского градусного измерения – составной части международного проекта «Русско-Скандинавское градусное измерение» – открывало большие возможности для Главного штаба.

Первоначально на экспедицию Главного штаба 1867 г., в которую входил и капитан Н.Д. Артамонов, было возложено: «1) Выбор выгоднейших направлений для проложения тригонометрической сети (в то время так нередко назывались триангуляционные сети. – *Гл.*) 2) Указание местностей, удобных для измерения базисов, полагая на всем протяжении дуги меридиана от 3-х до 4-х базисов. 3) Выбор пунктов, могущих служить вершинами треугольников при известном направлении сети, и приближенное определение географического положения их. 4) Собираение сведений, необходимых для составления окончательного проекта и сметы предстоящих работ...» [1, с. 5].

Силы и средства экспедиции были использованы преимущественно на исследование местности между южными частями Дуная и архипелагом с целью избрать направление для [тригонометрической] сети от Дуная к Дарданеллам или же к Салоникам, т.е. на Фессалию». Однако позже стало ясно, что «местность, по которой проходят эти оба направления, [была] исследована в географическом отношении очень мало: имеющиеся карты страны, составленные по маршрутам и расспросным сведениям различных путешественников, были весьма неполны и неверны». Поэтому для получения «сколь-нибудь верного понятия об относительном положении горных хребтов, дорог, населенных мест» потребовалось выполнить «в этой местности» как можно больше астрономических определений [1, с. 5].

С этой целью в 1867 г. капитаны И.Е. Кортацци и Н.Д. Артамонов сделали несколько поездок внутрь Османской империи «для определения широт... примечательных пунктов вблизи Балкан и для связи их по долготе с пунктами, определенными на Дунае в 1828 и 1829 годах: Рушуком и Систово... Кортацци [было] сделано две поездки: одна через Тырново, Габрово, Карлово, Пазарджик в Филиппополь и оттуда через Эски-Заару обратно в Рушук; причем им определено астрономически[м способом] 15-ть пунктов; другая из Варны через Бургас, Факи в Адрианополь... Последняя экспедиция была сделана преимущественно с топографической целью, чтобы ознакомиться с характером ближайших к морю уступов Балкан и осмотреть, насколько мест-

ность в этом направлении выгодна для проведения тригонометрической сети...» [1, с. 6].

Н.Д. Артамонов также сделал две поездки: «первая [длвившаяся 27 дней] из Рущука через Систово, Ловеч, Троян, Златицу в Софию и обратно в Рушук; причем им определено 11-ть астрономических пунктов; вторая [длвившаяся 15 дней] – из Рущука же через Шумлу, Сливно в Адрианополь; на этом пути он определил астрономическим способом 6 пунктов... Во время этих путешествий при нем находились инструменты: большой отражательный круг Пистора, пять карманных хронометров²⁷, ртутный искусственный горизонт, анероид, термометр, зрительная труба и буссоль Шмалькальдера...» [1, с. 6, 43].

В отличие от И.Е. Кортацци, который заблаговременно и обстоятельно подготовился к экспедиции в Москве и в Пулковской астрономической обсерватории, Н.Д. Артамонов, назначенный в ее состав накануне выезда, не смог должным образом подготовить свои инструменты и тщательно исследовать их постоянные ошибки. Поэтому из пяти хронометров, позже используемых для определения географической долготы пунктов, пригодными для работы оказались только три; анероид Брейнера был «неудовлетворительного состояния», использовался частично, поэтому при вычислениях пришлось пользоваться средней рефракцией, исправленной только поправкой за температуру [1, с. 43].

Переезды осуществляли верхом на лошади. При этом хронометры укладывали вертикально в небольшой деревянный ящик, который «ремнями прикреплялся к самому наблюдателю на линии пояса; круг Пистора, помещавшийся в деревянном ящике..., прочие инструменты размещались равномерно в двух кожаных сумках (бисягах), расположенных по сторонам седла...» [1, с. 44].

Астрономические наблюдения выполняли в основном ночью по звездам, реже – днем по Солнцу. В городах наблюдения осуществляли вблизи мест ночлега, зачастую во дворе гостиницы. Обычно «наблюдалось четыре звезды, по одной на востоке и западе для определения времени и по одной на севере и юге для определения широты. На севере наблюдалась обычно Polaris (Полярная звезда. – *Гл.*), а на юге Юпитер, Солнце... Было три

²⁷ При производстве точных астрономических работ в рассматриваемый период применяли: для определений широты – усовершенствованный вертикальный круг Репольда; для определения времени (долготы) – пассажный инструмент Брауэра; для определения азимутов – универсальный инструмент того же мастера. Широта места определялась по наблюдениям близмеридианных зенитных расстояний северных и южных звезд, азимуты направлений – по наблюдениям Полярной звезды [126, с. 82–84].

случая, что вместо измерения двойной высоты звезды, наблюдался угол между отражением этой звезды от ртутного горизонта и отражением другой звезды от зеркала инструмента (круга Пистора. – Гл.)... Коллимационная ошибка определялась перед и после наблюдений; тогда же отсчитывались показания анероида и термометра... Все долготы [были] определены с помощью перевозки хронометров, причем положение городов Рущука, Систова, Сливно и Адрианополя, определенных в 1830 г., приняты за основные... Каждое утро перед отправлением в путь и вечером немедленно по приезде на ночлег хронометры сравнивались [с эталонным] по одному разу, а после наблюдения по два раза...» [1, с. 44–45].

С использованием координат астрономических пунктов, определенных Н.Д. Артамоновым в ноябре–декабре 1867 г., были исправлены многие погрешности карт Европейской Турции: «нанесено на них истинное направление главного Балканского хребта, почему многие реки, как, например, Вит с притоком Топольницею, направлявшиеся ранее на север, с этого момента получили соответствующее действительности направление на юг...» [37, с. 141].

В 1868 г. ВУК Главного штаба, ведающий вопросами внешней разведки²⁸, выпустил Военно-статистический сборник для служебного пользования, в котором впервые появился довольно полный очерк об Османской империи (ее территории, населении, вооруженных силах) [48, с. 351]. Можно предположить, что туда вошли также материалы топографического описания отдельных территорий Турции, которые И.Е. Кортацци и Н.Д. Артамонов, согласно действовавшим в то время инструкциям, обязаны были составлять непосредственно в поле.

В 1868 г. было «высочайше» утверждено «Новое “Положение о полевом управлении войск” в военное время», на основании которого начальник штаба армии был обращен в ближайшего помощника главнокомандующего по всем отраслям управления армией... Должности генерал-квартирмейстера и дежурного генерала были... упразднены, а взамен их при начальнике штаба был положен помощник.

К общему составу Полевого штаба были причислены Военно-топографический отдел, в котором сосредоточивали все топо-

²⁸ На канцелярию ВУК Главного штаба возлагалось «собрание военно-статистических сведений о России и об иностранных государствах; переписка... по делам, касающимся военных агентов и редакций повременных изданий» [125, с. 66].

графические и статистические сведения о театре войны и штаб-офицер над вожаемыми, заведывавший проводниками и сбором сведений о неприятеле...

В общем, главнокомандующий и его начальник штаба были завалены массою дел, отвлекавших внимание от главной задачи – вождения армии... [Военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин] в первом же совещании [Особой комиссии], указав... преобладание математического и геодезического направления в прежнем Генеральном штабе... так охарактеризовал «чего еще недостает в приготовлении академических офицеров к предстоящей службе»: учреждение должностей начальников дивизионных штабов потребовало от назначаемых в эти должности офицеров Генерального штаба известной подготовки к административной деятельности и знакомства с внутренним бытом войск... От офицеров Генерального штаба правительство требует основательного ознакомления со всем механизмом внутреннего войскового управления. Вместе с тем офицеры эти должны, как и прежде, обладать сведениями по части топографической и тактической. Военные съемки и обзоры всегда будут входить в прямую обязанность офицеров Генерального штаба... Основным положением для всего академического преподавания было постановлено, что прямое назначение академии состоит в приготовлении офицеров к службе в Генеральном штабе...» [141, с. 351–355]. Следствием этого стали новые «высочайше» утвержденные положения Военного совета «О правилах приема в 1868 году офицеров в Николаевскую академию Генерального штаба и в геодезическое отделение» (22 февраля 1868 г.) [80, с. 145] и «О Николаевской академии Генерального штаба» (2 марта 1868 г.) [81, с. 215].

На основании приказа военного министра от 14 апреля 1869 г. Н.Д. Артамонов был зачислен «в штатное число офицеров Корпуса военных топографов с оставлением... в Генеральном штабе», а 20 апреля того же года исключен в установленном порядке из состава КВТ в связи с назначением «начальником межевого отделения при хозяйственном правлении Оренбургского казачьего войска и командирован в Европейскую Турцию для поднесения Порте²⁹ каталога астрономических пунктов Балканского полуострова, подробных к ним вычислений и печатных экземпляров трудов по произведенному... градусному измерению до г. Измаила и, кроме того, для проверки географического положения некоторых пунктов на Балканском полуострове...» [37, с. 142].

²⁹ Порты – турецкое правительство.

Маршрут этой экспедиции, существенно пополнившей сведения, собранные в 1867 г., начинался в Константинополе, проходил через Кезанлык, Златицу, Софию и заканчивался в Систово. Н.Д. Артамонов имел в своем распоряжении те же инструменты, которые он использовал в своей первой поездке по территории Европейской Турции. Правда, на этот раз анероид был хорошего качества.

Во время этой поездки Н.Д. Артамонов определил астрономическим способом географические широту и долготу еще 37 пунктов, на 35 из которых по показаниям анероида и «Общим вспомогательным таблицам» Врангеля была определена приближенная высота над уровнем моря [2, с. 83, 85, 87–88]. Все эти пункты «также послужили материалом для исправления карты Балканского полуострова; причем некоторые города, как, например, Берковац, пришлось передвинуть верст на 30...» [37, с. 142].

Командировка продолжалась с июня 1869 г. по январь 1870 г., астрономические работы были выполнены в сентябре–декабре 1869 г. [114, с. 492].

Во время экспедиции на Балканы Н.Д. Артамонов провел также маршрутную съемку общей протяженностью более 2 тыс. верст и как офицер Генерального штаба попутно занимался разведывательной деятельностью в интересах Военного ведомства России – неизбежность новой русско-турецкой войны сомнений не вызывала и подготовка к ней с обеих сторон шла полным ходом. Упустить предоставленную возможность было бы неразумно [60, с. 7].

По результатам экспедиции Н.Д. Артамонов составил и отредактировал «Карты окрестностей Константинополя и Босфора в масштабе $\frac{1}{2}$ версты в дюйме», изданные затем в ВТО Главного штаба [37, с. 143].

Заслуженными наградами за балканские труды стали представление молодого офицера императору Александру II, повышение по службе и первые ордена: Св. Анны 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени. И турецкий султан пожаловал орденом Меджиде 4-й степени, который российский император «изволил разрешить принять и носить»³⁰.

Примерно в это же время с разрешения своего непосредственного начальника, как это было принято в те годы, Николай Дмитриевич вступил в законный брак со своей избранницей – дочерью статского советника Евгенией Михайловной Пчельниковой.

³⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

В 1872 г. у них родился сын Николай, в 1874 г. – дочь Инна, в 1878 г. – сын Василий³¹.

Возвратившись в С.-Петербург в 1870 г., Н.Д. Артамонов был произведен в подполковники, зачислен в ВТО Главного штаба «старшим обер-офицером для занятий» и одновременно – редактором издания 10-верстной карты Европейской Турции. В 1871 г. он участвовал в первой полевой поездке офицеров Генерального штаба во время военных маневров в Лифляндской губернии (в окрестностях г. Юрьева) [37, с. 142]. Цель этой поездки, наряду с решением учебных оперативно-тактических задач, состояла в рекогносцировке (обновлении, исправлении) 3-верстной топографической карты на местности, что стало не только хорошей практикой для офицеров – участников маневров, но и позволило собрать различные, в том числе и новые географо-статистические данные.

Для рассмотрения и обобщения указанных данных была создана специальная комиссия под председательством генерал-лейтенанта А.Н. Леонтьева – начальника Николаевской академии Генерального штаба. Ее членами были назначены авторитетные военные геодезисты: генерал-майор Э.И. Форш – начальник ВТО Главного штаба и КВТ, полковник О.Э. фон Штубендорф – профессор геодезии Николаевской академии Генерального штаба и подполковник Э.А. Коверский – помощник управляющего Картографическим заведением ВТО Главного штаба. Самым крупным недостатком карты было признано неудачное изображение растительности, а также не всегда правильное отображение типов путей сообщения, неточности в передаче названий некоторых населенных пунктов, пропуски важных ориентиров. Единодушно отмечались недостатком хорошая читаемость карты и ее мелкий масштаб. Наиболее подходящим для топографического обеспечения войск был рекомендован масштаб 2 версты в дюйме [129, с. 159–160].

По итогам своей работы комиссия сделала вывод о необходимости детальной проверки и «исправлений, имеющих значение в военном отношении» 3-верстной карты Западного пограничного пространства. Эта работа, по заключению комиссии, должна была быть «возложена исключительно на ответственность офицеров Генерального штаба, избранных из числа лучших съемщиков последних выпусков академии. Офицеры или чиновники Корпуса военных топографов придаются в помощь к [ним] в непосредственное их распоряжение для производства работ...»³².

³¹ Там же.

³² РГВИА. Ф. 404. Оп. 7/958. Д. 5. Л. 5–16 об.

По поручению начальника Главного штаба генерал-адъютанта Ф.Л. Гейдена комиссия разработала «Инструкцию для производства рекогносцировки западной полосы империи по 3-верстной карте», которая была утверждена 5 мая 1872 г.³³ В ней исключительное внимание обращалось на оценку местности и нанесение на карту важных в военном отношении объектов. Хотя в качестве основного способа изображения рельефа на военно-топографических картах в это время были уже приняты горизонтали, при настоящей рекогносцировке не требовалась переделка показа рельефа, изображенного штрихами, а предписывалось лишь оценивать правильность отображения крутизны склонов, доступности и высоты подъемов, особенно на дорогах. Для обновления были также разработаны новые условные знаки. Содержание легенды должно было дополнять карту³⁴.

В 1871 г. в т. XXXII «Записок военно-топографического отдела Главного штаба»³⁵, которые, по оценке известного французского географа Э. Мартона, являлись «научным памятником... почти единственным в своем роде произведением в истории цивилизации человечества...» [53, с. 17], вышел первый печатный труд Н.Д. Артамонова – «Астрономические определения в Европейской Турции в 1867 и 1869 гг.» [2], а затем последовал целый ряд его научно-практических статей в «Инженерном журнале» и «Военном сборнике» [3–7]. Кроме того, в газете «Русский инвалид» – официальном органе Военного ведомства России – в июле–октябре 1876 г. была опубликована серия его аналитических статей о сербско-турецкой войне [56, с. 136].

³³ Там же. Л. 1–4.

³⁴ Рекогносцировка 3-верстной карты на территориях Киевского, Варшавского и Виленского военных округов началась в 1872 г. Руководителями работ были офицеры Генерального штаба. В работах участвовало 9 офицеров и 19 классных топографов. За один сезон было «обрекогносцировано» около 76 тыс. кв. верст. Всего же в 1872–1876 гг. было исправлено около 225 тыс. кв. верст. С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. работы были прекращены [126, с. 130].

³⁵ Первый том «Записок...» вышел в свет в 1837 г. В нем были изложены история Военно-топографического депо и результаты «геодезических работ Генерального штаба». Позже в этих «Записках...» помещались отчеты обо всех работах КВТ, передовые методики выполнения астрономо-геодезических и топографических работ, описания новых отечественных и зарубежных инструментов, другие важные сведения, представляющие огромный интерес для исследователей истории картографии не только в прошлое, но и в настоящее время. Важно также отметить, что одной из целей этого периодического издания было «усовершенствование познаний офицеров для геодезических работ употребляемых» [99, с. VI].

В 1872 г. усилиями ВТО Главного штаба был издан исторический очерк о деятельности КВТ за 50 лет [114], а через год этому отделу (по заключению Международного суда экспертов) был присужден почетный диплом, составляющий высшую награду Венской всемирной выставки, «за его обширные съемки и достоинство картографических работ». В том же году по предложению подполковника Н.Д. Артамонова в русской армии были приняты новые нормы «снабжения картами войск во время войны, и с этой целью в разных пунктах империи были устроены постоянно пополняемые склады карт» [37, с. 142].

В июле 1873 г. «за отличие по службе» Н.Д. Артамонов был произведен в полковники и «назначен штаб-офицером, заведывающим обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами», а в августе в установленном порядке «исключен из списков чинов» КВТ³⁶. Одновременно он занимался редактированием карт, а в 1876 г. закончил издание 17-листной карты Европейской Турции в 10-верстном масштабе и карты высот «на ту же территорию» в 30-верстном масштабе.

«В том же году, по избранию великого князя Николая Николаевича (Старшего), [Н.Д. Артамонов] прочел во дворце его высочества ряд публичных лекций, посвященных обзору турецкого театра войны», выказав при этом свои глубокие познания [56, с. 136]. Затем он составил «особую записку, в которой на основании статистических, топографических и стратегических данных были разработаны разные способы ведения военных действий на Балканском полуострове. Эта записка летом 1876 г. была прочитана в высочайшем присутствии [императора Александра II] и легла в основание плана военных действий...» в надвигающейся войне с Оттоманской империей [37, с. 142].

³⁶ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

Глава 1

*Ближний боярин
А.С. Матвеев –
государственный деятель,
дипломат, 1670-е гг.*

*Князь Д.М. Пожарский –
национальный герой
России, 1610-е гг.*

*Военные геодезисты:
генерал и штаб-офицер,
1867 г.*

*Штаб-офицер Корпуса военных
топографов, 1869 г.*

*Генерал
от инфантерии
Ф.Ф. Шуберт –
директор Корпуса
топографов
(1822–1832)
и Военно-
топографического
депо (1832–1843)*

*Генерал
от инфантерии
Д.А. Милютин –
военный министр
(1861–1881)*

*Генерал
от инфантерии
И.Ф. Бларамберг –
директор Военно-
топографического
депо (1856–1867)*

*Генерал-адъютант
граф Я.И. Ростовцев –
начальник военно-
учебных заведений
Главного штаба,
1855 г.*

Глава 2

*Штаб-офицер
и обер-офицер
Генерального штаба,
середина – вторая
половина XIX в.*

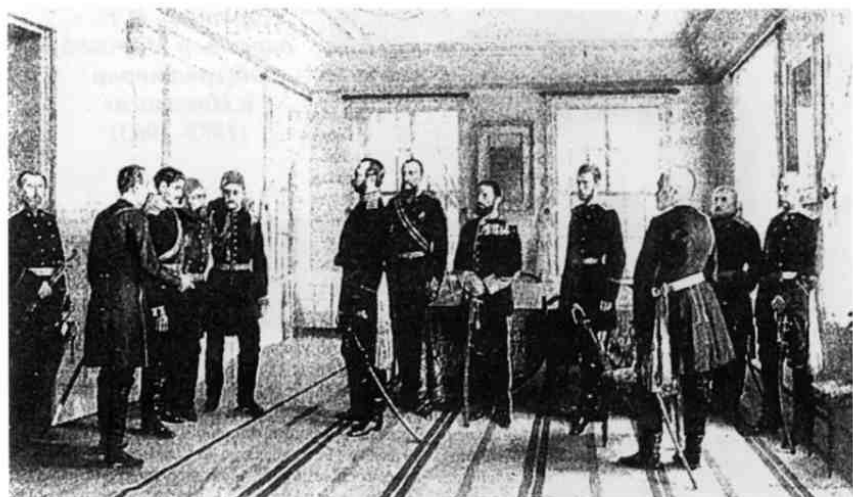
*Военный топограф, середина –
вторая половина XIX в.*

Николаевская Главная астрономическая обсерватория в Пулкове

*Император
Александр II, 1878 г.*

Представление императору Александру II плененного турецкого военачальника Осман Нури-Паши (второй справа полковник Н.Д. Артамонов), 1878 г.

Великий князь Николай Николаевич (Старший) – главнокомандующий Дунайской армией (1876–1878)

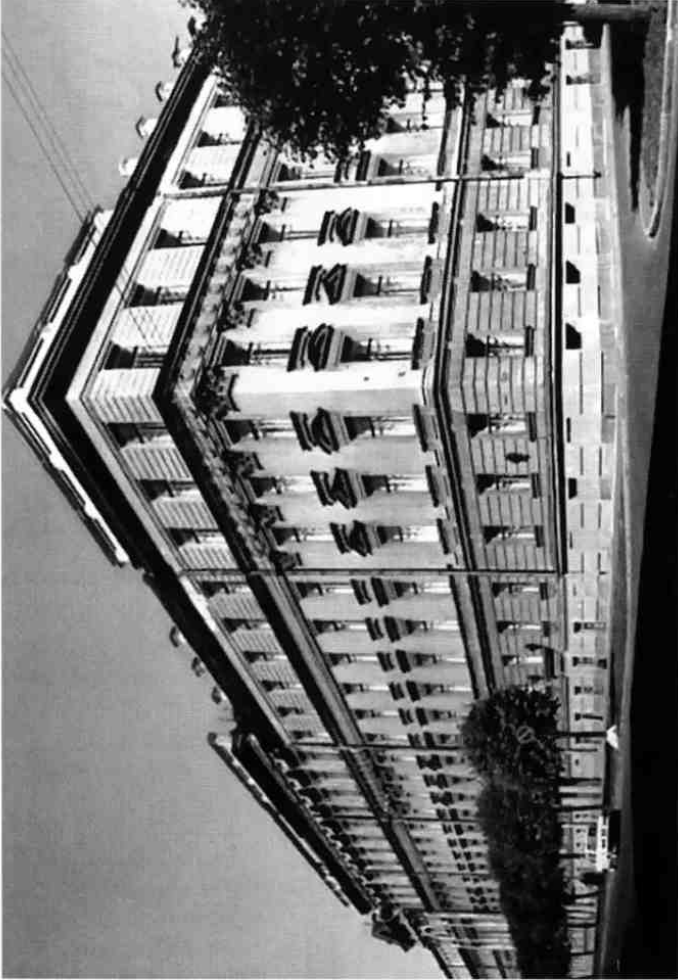

*Кортацци И.Е. –
директор Морской
обсерватории
в Николаеве
(1872–1903)*

*Генерал-лейтенант
Э.И. Форш – начальник
ВТО Главного штаба
и КВТ (1867–1885)*

Глава 3

Здание Военно-топографического училища (ныне Военного топографического института им. генерала армии А.И. Антонова), 2006 г.

Император Александр III и наследник цесаревич великий князь Николай Александрович, конец XIX в.

*Генерал-майор
Н.Д. Артамонов –
начальник Военно-
топографического
училища, 1886 г.*

*Генерал-лейтенант
В.В. Витковский –
первый штатный
преподаватель
геодезии и топографии
Военно-
топографического
училища, заслуженный
ординарный профессор
Николаевской военной
академии, 1900-е гг.*

*Генерального штаба
капитан
В.Г. Болдырев –
выпускник Военно-
топографического
училища (1895),
Николаевской
академии
Генерального штаба
(1903)*

*Генерал
от инфантерии
П.С. Ванновский –
военный министр
(1882–1898)*

*Генерал
от инфантерии
Н.Н. Обручев –
начальник Главного
штаба (1881–1897)*

*Генерал-лейтенант
И.И. Стебницкий –
начальник ВТО
Главного штаба
и КВТ (1885–1896)*

*Генерал
от инфантерии
Л.К. Артамонов –
военачальник,
востоковед и географ*

*Генерал-лейтенант
Н.Д. Артамонов –
начальник ВТУ
Главного штаба
и КВТ, 1903 г.*

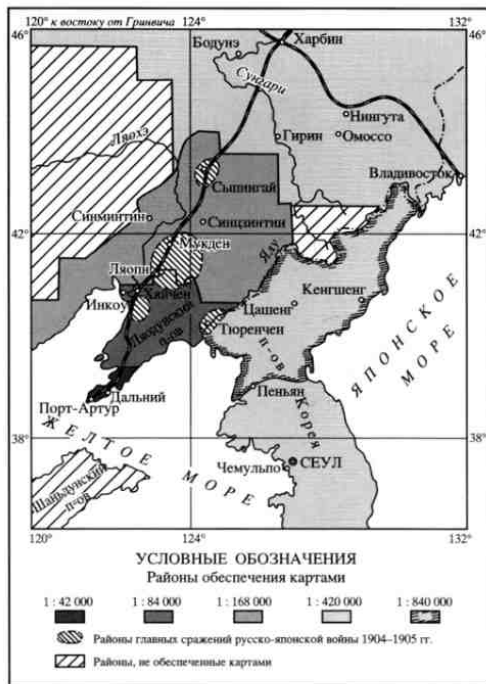
План маньчжурского города Гирина, вычерченный офицерами КВТ в 1903 г.

Глава 4

*Генерал от инфантерии
А.Н. Куропаткин –
главнокомандующий
Вооруженными Силами
России на Дальнем Востоке
(1904–1905)*

*Схема обеспеченности
топографическими
картами Маньчжурского
ТВД накануне
Русско-японской войны
1904–1905 гг.*

Военные топографы на привале. Маньчжурия, 1904 г.

Военные топографы на дневке в маньчжурском селении, 1904 г.

*Фотоснимок населенного пункта с воздушного шара.
Маньчжурия, 1904 г.*

*Офицеры 12-го Барнаульского пехотного полка. Крайний справа
стоит поручик В.Н. Глушков – дед автора книги. Маньчжурия,
1904 г.*

Топографическая карта Ляояня и окрестностей с нанесенной оперативной обстановкой, 1904 г.

Группа офицеров Оренбургского казачьего войска с топографическими картами. Маньчжурия, 1904 г.

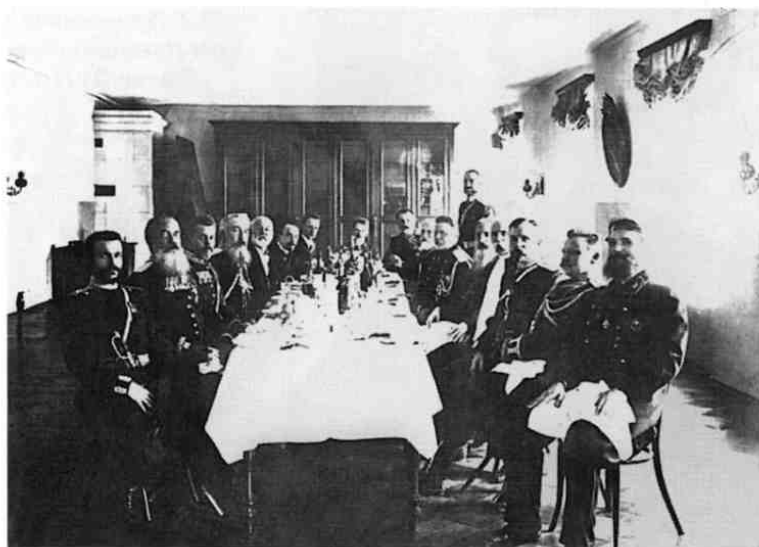

*Корпуса военных
топографов
подпоручик
Я.И. Алексеев –
выпускник
Военно-
топографического
училища (1892)*

*Генерал от
инфантерии
А.Ф. Редигер – военный
министр (1905–1909)*

Глава 5

На торжественном обеде в Военно-топографическом училище (шестой справа за столом сидит Н.Д. Артамонов), 1905 г.

Руководящий состав КВТ у геодезического сигнала (на переднем плане третий слева Н.Д. Артамонов), 1910 г.

*Генерал от
инфантерии
Н.Д. Артамонов –
член Военного совета
России, 1911 г.*

*Генерал от
инфантерии
И.И. Померанцев –
начальник ВТО ГУ ГШ
и КВТ (1911–1917)*

*Император Николай II у мензулы с топографической картой.
Царское Село, лето 1914 г.*

*Генерал от кавалерии
А.А. Брусилов –
Верховный
главнокомандующий
русской армией (1917)*

*Генерал от инфантерии
Н.Д. Артамонов в годы
Первой мировой войны
1914–1918 гг.*

*Автор книги
полковник
В.В. Глушков –
начальник кафедры
«Электронные
средства геодезии»
в СПВВТКУ, 1992 г.*

Глава II

На полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

К середине 1870-х гг. национально-освободительное движение народов Балканского полуострова достигло огромного размаха. В июле 1875 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине, его пламя затем перекинулось на территорию Сербии, Черногории и Македонии. В апреле 1876 г. против турецкого засилья выступили болгары. Мощная волна поддержки восставших прокатилась по всей Европе. Посильную моральную, материальную и дипломатическую помощь балканским народам оказывала Россия. Однако в то время к решительным действиям и к вступлению в войну против Турции правительство России еще не было готово: в стране слабо работала военная промышленность, в армии не хватало обученных резервов, оставались незавершенными военные реформы. Пассивную позицию по отношению к происходящему на Балканах заняли и ведущие европейские государства. Воспользовавшись этим, а также тайной поддержкой Англии, Турция с непомерной жестокостью подавила национальные восстания [119, с. 23]. Обращение дипломатов России и других держав к Порте с целью облегчить невыносимое положение христианских народов на территории империи осталось без внимания. В активе политиков оставалось последнее средство по оказанию помощи поработанным народам – война.

2 ноября 1876 г. после объявления «манифеста о мобилизации Генерального штаба» полковник Н.Д. Артамонов был назначен «штаб-офицером над вожатыми Полевого штаба действующей армии» (по современной терминологии – начальником разведки армии) и 23 ноября «прибыл в Главную квартиру армии»¹.

В круг его новых служебных обязанностей входили сбор сведений о силах, расположении, передвижении и намерениях непри-

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

ятеля, заботы о «приискании и доставлении частям армии надежных проводников и переводчиков», опрос пленных и лазутчиков, «составление из показаний их общих сводов», анализ периодических изданий с целью выявления дополнительных сведений о неприятеле [37, с. 142; 64, с. 66].

Надо сказать, что со своими обязанностями Н.Д. Артамонов справлялся блестяще, разведывательная деятельность на территории противника стала более упорядоченной и систематичной. Большую помощь в этом ему оказывали не только русские, но и болгарские разведчики, поставлявшие в штаб важные данные о противнике.

Собранные сведения о дислокации турецких войск в Северной Болгарии, об их слабых и сильных местах в обороне, а также их намерениях отличались завидной подробностью, обобщенные донесения о результатах работы, составленные начальником разведки армии, – обстоятельностью и глубиной анализа, поэтому оказали существенную помощь русскому командованию при разработке плана форсирования Дуная. По некоторым оценкам, в этот период Н.Д. Артамонов стал «одним из первых организаторов оперативной и стратегической военной разведки России в современную ее историю» [51, с. 158]. Деятельность же русских разведчиков получила высокую оценку верховного командования. «Никогда еще данные о турецкой армии не были столь тщательно и подробно разработаны, как перед минувшею войной: до местонахождения каждого батальона, каждого эскадрона, каждой батареи...», – отмечал в официальном отчете того времени генерал-адъютант Н.Н. Обручев – управляющий ВУК Главного штаба [125, с. 169].

Одновременно с развертыванием разведывательной деятельности в соответствии с действующим «Положением о полевом управлении армии в военное время» для выполнения астрономо-геодезических, топографических и картографических работ при подготовке и в ходе военной кампании на Балканах был создан ВТО Полевого штаба действующей армии в составе начальника отдела, его помощника, восьми офицеров и чиновников КВТ. Начальником этого отдела был назначен полковник (с 1877 г. генерал-майор) Д.Д. Обломиевский – занимавший до этого штатную должность начальника геодезического отделения ВТО Главного штаба, а помощником – капитан М.А. Савицкий (с 1877 г. – подполковник) – до назначения младший помощник начальника геодезического отделения ВТО Главного штаба [17, с. 169].

Заметим, что реорганизация и перевооружение русской армии в ходе милютинских реформ, проводимых в 60–70-х гг. XIX в., обусловили появление новых требований войск к топографическому обеспечению² и, как следствие, вызвали необходимость уточнения задач и совершенствования организационно-штатной структуры ВТС, состоявшей из управленческого звена (ВТО Главного штаба) и исполнительского звена (КВТ). Поскольку этот корпус пользовался благосклонностью генерал-адъютанта Д.А. Милютина – бывшего профессора военной географии и статистики Николаевской академии Генерального штаба, то в ходе упомянутых реформ престиж военных топографов в армии был поднят на должную высоту. Кроме того, в указанный период положено начало созданию войсковой топографической службы, в штаты штабов армейских корпусов была введена должность корпусного военного топографа. Основная мотивировка этого нововведения состояла в том, что «деятельность офицеров Генерального штаба получила новое направление – преимущественно службы при войсках, совместно с которой участие их в геодезических и картографических работах не могло остаться таким как прежде...» [106, с. 27].

Для улучшения в военное время снабжения войск картами начальник ВТО Главного штаба и КВТ генерал-лейтенант Э.И. Форш посчитал необходимым усилить картопечатяющие средства Картографического заведения за счет приобретения дополнительных скоростных литографских станков и усовершенствования фотомеханических способов изготовления печатных форм, а также продолжить заблаговременное создание запасов карт, в том числе и путем приобретения карт соседних с Россией стран, территории которых потенциально могли стать ТВД. Это предложение, одобренное Военным советом Главного штаба, вскоре было претворено в жизнь [48, с. 350].

К работам по топографическому обеспечению войск ВТО Полевого штаба Дунайской армии приступил также накануне войны – в ноябре 1876 г. В течение пяти месяцев, пока русская армия сосредоточивалась в Бессарабии и готовилась к выходу на Дунай, личный состав ВТО занимался: обеспечением войск раз-

² Топографическое (по современной терминологии – топогеодезическое) обеспечение войск в операциях – это комплекс мероприятий по подготовке и доведению до штабов и войск топогеодезических данных (топографических карт, схем, фотоснимков, координат точек местности и азимутов направлений и др.), необходимых для успешного решения поставленных боевых задач. Осуществляется для изучения и оценки местности при подготовке и ведении операции, а также эффективного использования оружия и военной техники.

личными картами и планами; накоплением и нанесением на карты сведений о путях сообщения, информации о населенных пунктах, расположенных по направлениям возможного движения русских войск в ходе военных действий; изготовлением дислокационных карт, прилагавшихся к еженедельным донесениям главнокомандующего – великого князя Николая Николаевича (Старшего) – императору Александру II; нанесением на карты сведений, добываемых разведкой (вожатыми), о расположении и численности турецких войск; копированием и рассылкой по штабам планов различных позиций, турецких крепостей, участков рек, удобных для переправы, и т. п. [17, с. 169]. Источниками для получения необходимых сведений служили картографические материалы, описания, справочники, донесения агентурной разведки, действовавшей на территории Болгарии. Попытка ВТО Полевого штаба организовать маршрутные съемки на территории будущего ТВД для сбора данных и обновления 5-верстной карты, составленной по съемкам 1828–1829 гг., не увенчалась успехом – румынское правительство не дало разрешения на выполнение маршрутных съемок на своей территории до официального объявления войны [17, с. 170].

В день объявления войны Турции (высочайший манифест от 12 апреля 1877 г.) Дунайская армия, в соответствии с российско-румынским соглашением, перешла румынскую границу и двинулась к Дунаю. Полковник Н.Д. Артамонов, «находясь в числе чинов 1-го эшелона Полевого штаба действующей армии, перешел границу империи из Унгены в Яссы 1 мая...»³.

С началом войны русская Кавказская армия, выполнявшая в этой войне вспомогательную роль, также перешла государственную границу и, рассредоточившись на три крупных отряда, стала выходить на линию крепостей Ардаган, Карс, Баязет. В составе Ахалцыхского отряда находился 38-й артиллерийской бригады подпоручик Максимилиан Константинович Артамонов – двоюродный брат Н.Д. Артамонова выпускник 1-го военного Павловского училища⁴.

³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

⁴ Во время войны 1877–1878 гг. М.К. Артамонов участвовал в штурме и взятии крепости Ардаган, дважды – в «обложении» крепости Карс, затем в установлении блокады г. Эрзерума, в ряде крупных сражений и боев местного значения, в усиленных и обычных рекогносцировках (в данном случае – разведках боем). За это к концу войны он был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. На Кавказском ТВД воевал еще один двоюродный брат Н.Д. Артамонова – прапорщик Василий Андреевич Артамонов, выпускник пехотного Оренбург-

К середине июня соединения и части Дунайской армии, пройдя от 600 до 700 верст, достигли назначенных им рубежей на участке Никополь–Систов. Полевой штаб, а с ним и ВТО, разместились в Плоешти. Деятельность штаб-офицера над вожатыми полковника Н.Д. Артамонова проходила в тесном контакте со своими прежними коллегами, офицерами КВТ⁵. Практически все, что ими выполнялось, было в сфере внимания начальника разведки армии.

Во время движения русских войск к Дунаю личный состав ВТО Полевого штаба армии выполнял рекогносцировку его левого берега реки на участке, указанном начальником штаба армии генерал-лейтенантом А.А. Непокойчицким, готовился к астрономическим определениям для обеспечения связи будущей триангуляционной сети Болгарии с русскими геодезическими работами, что было крайне необходимо для обеспечения топографических съемок.

Отметим, что в тот период в зависимости от времени, имевшегося в распоряжении у офицеров Генерального штаба и чинов КВТ, важности и доступности картографируемой территории ТВД применялись съемки трех видов: инструментальные, инструментальные рекогносцировки и полуинструментальные рекогносцировки. Инструментальные съемки проводились в освоенных в топографо-геодезическом отношении районах и выполнялись с помощью мензулы⁶ и кипрегеля⁷ в масштабе 250 саженей в дюйме в сельской местности и 50 саженей в дюйме в городах и селениях. Определение высот при таких съемках выполнялось от «твердых» астрономических или геодезических пунктов инструментально или барометрическим методом.

ского юнкерского училища. Во время войны он участвовал во многих боях и сражениях, в осаде крепости Карс, был награжден теми же орденами, что и Максимилиан, а через год после ее окончания «за отличную службу и особые труды, понесенные во время военных действий... при блокаде г. Эрзерума зимою 1877–1878 гг.» был награжден орденом Св. Анны с надписью «За храбрость». Оба брата Н.Д. Артамонова закончили военную службу полковниками.

⁵ В начале 1877 г. в «Инженерном журнале» была опубликована большая статья Н.Д. Артамонова «Способ геодезических работ пьемонтского инженера Порро и работы с нивелир-геодолитом на съемках России» [8, с. 332–379], сыгравшая важную роль при топографическом обеспечении войск во время войны 1877–1878 гг.

⁶ Мензула – углоначертательный инструмент, имеющий вид столика, установленного на штативе.

⁷ Кипрегель – прибор: а) для измерения углов, образуемых линиями на местности; б) для измерения расстояний, и тогда он назывался кипрегель-дальномер; в) для измерения расстояний и вертикальных углов, и тогда он назывался кипрегель-дальномер-высотомер.

Рекогносцировки (инструментальные и полуинструментальные) проводили в неосвоенных в указанном смысле районах, в масштабе 2 версты в дюйме в горных районах и 5 верст в дюйме – в степных, пустынных и полупустынных. Инструментальную рекогносцировку осуществляли так же, как и инструментальную съемку, правда, с помощью облегченной мензулы и кипрегеля, глазомерные определения при этом не допускались. При полуинструментальных рекогносцировках в масштабе 2 версты в дюйме съемку выполняли по маршрутам с измерением расстояний цепью или дальномером кипрегеля и определением положения пунктов между маршрутами графическими засечками на мензуле. Глазомерные определения здесь предписывали выполнять «только в местах совершенно недоступных или весьма труднодоступных». При рекогносцировке в масштабе 5 верст в дюйме указанные определения можно было выполнять чаще. Нередко съемки проводились верхом на лошади, на ходу. Опорой сети маршрутов служили астрономические пункты, высоты определялись барометрическим методом [129, с. 162].

Согласно полученному заданию, рекогносцировке подлежала полоса шириной 8–10 верст и длиной около 200 верст. Офицеры и чины КВТ выполняли эту работу по румынской карте масштаба 1 : 56 000 несколькими рекогносцировочными группами. При этом промерялись глубины в устьях всех рек, впадающих в Дунай, собирались сведения о самом низком уровне воды, составлялись описания дорог, берегов и пр. Рекогносцировка на площади в 1869 кв. верст была исполнена в 10-дневный срок. Брульены⁸ вместе с описаниями 26 мая были представлены начальнику штаба армии, который приказал немедленно составить по ним сводную карту для командования. Размножению она не подлежала [17, с. 172].

Сбор сведений о путях сообщения и населенных пунктах, представляющих по современным понятиям элемент топографической разведки, являлся важной задачей ВТО, поскольку Главный штаб спланировал выдвижение большей части войск к Дунаю своим ходом. Эти сведения собирались не только на восточную часть Румынии (Молдавию), но и для территории Европейской Турции, т.е. на районы предстоящих боевых действий.

При подходе к Дунаю работы выполняли и под обстрелом артиллерийских батарей неприятеля. «Отдавая должную справедливость всем офицерам Корпуса [военных] топографов и класс-

⁸ Брульен – черновой, первоначальный набросок карты.

ным топографам⁹... за их усердие, – пишет в своем “турецком” отчете Н.Д. Артамонов, – нельзя не упомянуть с особенною похвалою о капитане (ныне подполковнике) Батманове и поручике Рутове. На их долю выпали такие участки, где несогласие карты с местностью было настолько велико, что потребовалось сделать совершенно новую съемку, и это было исполнено ими в данный срок и с безукоризненною верностью. Поручик Рутув, кроме съемки своего участка, сделал триангуляцию в Журжеве во время бомбардировки, и, несмотря на то, что ему пришлось работать под огнем... батарей, исполнил данное ему поручение с такою точностью, как можно было ожидать от хладнокровного и вполне знающего свое дело офицера... Классный топограф Семенов... Ему поручено было снять в полуверстовом масштабе расположение наших батарей и, определив засечкою на мензуре расстояния до турецких укреплений в Никополе, сообщить эти расстояния командирам батарей... Семенов, работая под неприятельским огнем, с успехом исполнил данное ему поручение в течение 8 дней» [17, с. 172–173]. Позже схемы триангуляционных сетей, созданные поручиком А.К. Рутовым с подписанными расстояниями до турецких укреплений, были отпечатаны тиражом 250 экз. и переданы начальникам артиллерии и инженеров Дунайской армии. Эти схемы сыграли значительную роль в повышении эффективности стрельбы и стали прообразом будущих артиллерийских карт.

«Когда движение наших войск к Дунаю было окончено, – пишет далее Н.Д. Артамонов, – и когда со дня на день можно было ожидать переправы через Дунай, начальник Военно-топографического отдела докладом 4-го июня 1877 г. испрашивал разрешение начальника штаба армии: 1) Немедленно же заказать 12 повозок, необходимых для перевозки всех съемочных и геодезических инструментов, и упряж для 48 лошадей. 2) Лошадей для повозок... взять из формируемого запаса в Тирасполе, с тем, чтобы этих лошадей принял начальник съемки. 3) Снести с начальником полевого управления военных сообщений о сформировании команды из нижних чинов... в числе 240 человек пеших и 10 конных казаков, которые должны будут выступить вместе с управлением съемки и обозом в г. Систов... 4) Сообщить отделению полевого казначейства в Бухарест об открытии кредита начальнику

⁹ До 1885 г., кроме Военно-топографического училища, выпускающего офицеров, существовала еще особая команда топографов, откуда молодые люди выходили нижними чинами – кандидатами на классный чин, впоследствии превращавшимися в так называемых классных топографов.

съемки согласно с утвержденной сметой... 5) Сообщить Главному штабу о выдаче начальнику съемки в Болгарии аванса на покупку чертежных припасов в Петербурге и на фуражное довольствие 48 лошадей в течение 20-и дней...» [17, с. 173–174]. Все эти предложения были одобрены начальником штаба армии, но приведение их в исполнение было отложено до перехода главных русских сил через Дунай.

На основе данных разведки и геодезических засечек 12–15 июня 1877 г. русская артиллерия блестяще провела массивную бомбардировку Никополя. В результате были подавлены все очаги сопротивления обороняющихся турок и город пал [60, с. 7]. В это время полковник Н.Д. Артамонов «находился в Свите его императорского высочества главнокомандующего», непосредственно руководившего осадой [37, с. 142].

В период активных боевых действий, которые начались с форсирования Дуная в ночь на 15 июня, ВТО продолжал обеспечивать войска топографическими картами и планами из имеющегося запаса, его офицеры и классные топографы выполняли крупномасштабную съемку позиций, маршрутов, городов и крепостей, в том числе и освобожденных русской армией, составляли и печатали в походной литографии карты дорожной сети, планы отдельных позиций и городов. Так, например, 1-верстный план окрестностей Плевны площадью 524 кв. версты был составлен по материалам полуинструментальной съемки, выполненной четырьмя офицерами ВТО и двумя топографами 4-го и 9-го армейских корпусов за 20 дней. Руководство съемочными работами было возложено «на Генерального штаба полковника Фрезе, которому при этом поручено было исследовать и доступы к турецким укреплениям, совместно с капитаном Генерального штаба Сухомлиновым (военным министром в 1909–1915 гг. – Гл.), принявшим также участие и в съемочных работах... По представлении одного экземпляра плана главнокомандующему, его императорское высочество, во внимание к усердию съемщиков, исполнявших работы под неприятельскими выстрелами, изволил выразить свою благодарность и пожаловал всем участвовавшим в съемке офицерам и классным топографам ордена с мечами, а полковнику Фрезе и капитану Сухомлинову золотые сабли «за храбрость» [17, с. 177]. Позже план окрестностей Плевны в 1877 г. был издан еще дважды: в октябре (300 экз.) и ноябре (250 экз.).

18 июня, сроком на неделю, Н.Д. Артамонов «был командирован в город Систово для развития разведывательной части в армии» [37, с. 142]. В этот период он «самостоятельно предпринимал вылазки в тыл турецких войск» [60, с. 7], что было весьма

примечательно и характерно для него – человека не робкого десятка.

Примерно в это же время (21 июня) в составе войск 8-го корпуса в районе города Зимницы форсировал Дунай 9-й артиллерийской бригады подпоручик Михаил Константинович Артамонов – младший брат сражающегося на Кавказе Максимилиана, недавний выпускник Михайловского артиллерийского училища¹⁰.

Между тем, войска, воюющие на незнакомой местности, к тому же на чужой территории, постоянно нуждались в топографических картах. Обеспечение войск картами во время той войны было организовано на основе «Расписания движения войск действующей армии для сосредоточения в Бессарабии», разработанного Главным штабом. Этот документ давал возможность рассчитать необходимый запас карт в ВТО Полевого штаба, а также определить очередность и сроки рассылки карт в войска. Нормы выдачи основных топографических карт (10-верстных карт Европейской Турции и Северной Болгарии) были установлены «Расчетом распределения карт по частям войск и войсковым управлениям». Согласно этому расчету, карты доводили, начиная от командиров корпусов до командиров батальонов, эскадронов и батарей включительно. В штабах соединений и частей предписывалось иметь один-два запасных экземпляра карт. Снабжение войск картами строилось по принципу «сверху-вниз»: корпус – дивизия – бригада – полк.

Во время войны, как и в мирное время, офицеры Генерального штаба и КВТ выполняли астрономические работы, необходимые для создания твердой астрономо-геодезической основы для съемок. Программа таких работ, составленная ВТО Полевого штаба, включала в себя определение разности долгот по телеграфу между Кишиневом, Яссами, Галацем и Систовом и широт этих пунктов. По просьбе Топографического отдела Главного штаба Румынии, взявшего на себя обеспечение работ телеграфной связью, в число определяемых пунктов дополнительно был включен Бухарест. Наблюдения были начаты в конце июня 1877 г., их выполняли два русских и один румынский военные геодезисты. Однако последний через месяц был откомандирован

¹⁰ Командир 4-й батареи Михаил Артамонов участвовал в переходе через Балканы в июне 1877 г., в сражениях при г. Эски-Загре и с отрядом Реуфа-Паши при деревне Джуранлы в июле, прикрывал артиллерийским огнем дорогу на Бердек с позиции, расположенной между Габрово и Шипкой в сентябре, отличился при обороне города Елены в ноябре. За эти ратные дела был награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

в действующую армию, и работу заканчивали русские геодезисты [48, с. 356].

С этого же времени по приказанию начальника Полевого штаба армии часть офицеров ВТО временно прикомандировывали к военным отрядам, где они выполняли топографические работы, главным образом, крупномасштабные съемки позиций и маршрутов. Так, к 75-тысячному отдельному Рушукскому отряду, командиром которого был наследник цесаревич Александр Александрович – будущий император Александр III – в конце лета 1877 г. было прикомандировано четыре офицера-топографа.

В июле 1877 г. начальник Полевого штаба армии генерал-лейтенант А.А. Непокойчицкий, допуская возможность наступления турок на Тырнов, после лично проведенной рекогносцировки местности приказал сделать топографическую съемку позиций к северу и востоку от него. Для решения поставленной задачи было назначено пять офицеров, оставленных при ВТО в резерве. За 18 дней они выполнили глазомерную съемку на площади 341 кв. верст на малых мензулах с развитием геодезической сети для связи участков съемки. По окончании полевых работ были составлены общий план и карта, направленные затем в штаб 11-го армейского корпуса [17, с. 175].

Позже – в ходе наступления русской армии – выяснилось, что карты (7-верстная Европейской Турции, изданная Венским военно-географическим институтом, и 10-верстная – российским Главным штабом) не вполне отвечали потребностям действующей армии, поскольку были составлены по материалам отдельных маршрутов, рекогносцировок, отрывочных глазомерных съемок и оказались неполными. Поэтому уже в августе начальник штаба армии приказал срочно обновить (в части дорог) карты всей территории, занятой нашими войсками. Составить такую карту можно было не иначе, как по материалам новой съемки. Однако сил у ВТО Полевого штаба армии для быстрого исполнения такой работы не хватало. «Отвлекать же топографов, занятых правильными сплошными съемками под начальством полковника Ернефельта, было крайне нежелательно и неудобно, так как это повлекло бы значительную потерю времени на перемещение съемщиков с их участков на новые работы. Поэтому решено было привлечь к съемке не только топографов и офицеров Генерального штаба, но и строевых офицеров, знающих съемку» [17, с. 176].

Предназначенная к съемке территория Болгарии была разделена на участки. На пяти из них работали офицеры штабов 4-го, 8-го, 9-го, 11-го корпусов и Рушукского отряда, на остальные, со-

ставлявшие большую часть всего пространства, были «командированы офицеры полевого топографического отдела (ВТО. – Гл.)». Сводка всех участков заняла много времени, а так как в съемке наряду с опытными топографами и геодезистами участвовали и строевые офицеры, некоторые участки офицерам ВТО пришлось переделывать. В конце октября после завершения съемочных работ и составления общей 5-верстной карты последняя была размножена в походной литографии и разослана в войска.

При составлении карты в качестве основы были приняты геодезические пункты, определенные как ранее, так и вновь, в районах Систов, Белы и Горный Студень. Наиболее сложные геодезические определения выполнял помощник начальника ВТО подполковник М.А. Савицкий, а вычисления координат – начальник генерал-майор Д.Д. Обломиевский.

В конце августа 1877 г., после того, как русские войска заняли оборонительные позиции на Шипкинском перевале, для съемки местности в этот район были командированы классные топографы Кутович и Тяпин. «Работая под перекрестным ружейным и артиллерийским огнем, они отлично выполнили задание и за 12 дней в полуверстовом масштабе сняли район площадью 32 кв. версты...» [17, с. 176]. Одновременно они подготовили план позиций русских войск на Шипкинском перевале (в масштабе 4 версты в дюйме), изданный позже тиражом 100 экз.

В августе и сентябре Н.Д. Артамонов «во время штурма города Плевны и бомбарировки позиции Осман-Паши и Плевны» находился «в высочайшем государя императора присутствии... в Свите его императорского высочества главнокомандующего» [37, с. 142].

30 октября 1877 г. Н.Д. Артамонов «высочайшим приказом» был назначен и.д. начальника ВТО Полевого штаба Дунайской армии (взамен заболевшего генерал-майора Д.Д. Обломиевского) с оставлением в должности штаб-офицера над вожатыми¹¹. С этого момента начался новый еще более сложный этап в его боевой деятельности.

К тому времени стало известно, что предгорья Балкан на западе Болгарии в геодезическом отношении были изучены недостаточно. Поскольку в военной обстановке нельзя было рассчитывать на сплошную инструментальную съемку, Н.Д. Артамонов «пользовался всяким удобным случаем, чтобы посылать с отрядами топографов для глазомерных съемок маршрутов и позиций». Так, сразу же после вступления в новую должность в распоряже-

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

ние начальника штаба Ловча-Сельвинского отряда Н.Д. Артамонов командировал поручика В.А. Карловича, который «состоял при нем до 17 декабря 1887 года». За это время он снял местность у города Ловчи в полуверстовом масштабе площадью 28,5 кв. версты с обозначением турецких и русских укреплений, а также маршруты по дорогам Ловча–Сельва–Трояна и Ловча–Тетевена общей протяженностью 205 верст, что составило около 300 кв. верст съемки [46, с. 58].

В начале ноября Н.Д. Артамонов был командирован главнокомандующим Дунайской армией «к Осман-Паше с письмом и попыткой завязать переговоры о сдаче Плевны в виду напрасного пролития крови при очевидной бесполезности дальнейшего сопротивления турок», а когда вернулся с письмом, «находился при взятии в плен армии Осман-Паши в высочайшем государя императора присутствии, состоял в числе лиц, составлявших Свиту его императорского высочества главнокомандующего...»¹².

Надо сказать, что командировка Н.Д. Артамонова была удачной – накануне он тщательным образом изучил новую карту Плевны и ее окрестностей и при следовании через оборонительные редуты турок фиксировал важные подробности. Результат «переговоров» не заставил себя долго ждать: эффективность огня русской артиллерии и рейдов «рекогносцировочных» отрядов настолько возросли, что Осман-Паша вскоре решил оставить Плевну, несмотря на строжайший приказ султана продолжать сопротивление. За эту командировку Н.Д. Артамонов был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами [37, с. 142; 60, с. 7].

В ноябре в 70-тысячный отряд, которым командовал легендарный генерал-адъютант И.В. Гурко, прикомандировали одного геодезиста и трех топографов. В составе отряда они участвовали в труднейшем переходе через Балканы, выполнили полуинструментальную съемку местности в Видраре (33 кв. версты в масштабе 250 сажен в дюйме), Радомирцах (27 кв. верст в том же масштабе), у перевала Араба-Конак (421 кв. верста в масштабе 1 верста в дюйме) и астрономические определения восьми пунктов. На перевале Араба-Конак офицеры КВТ работали в 20-градусные морозы [17, с. 178].

Картографические работы, составление и издание карт на малоизученные районы боевых действий военные топографы выполняли в походной литографии, в сложных нередко экстремальных условиях. Так, находясь при Главной квартире Дунайской ар-

¹² Там же.

мии в Боготе (до 26 декабря), они жили в тесных и холодных землянках, чертили карты при свечах. В дождливую погоду землянки заливало, и в первую очередь приходилось спасать оригиналы карт. Литография помещалась в деревянном доме с окнами, заклеенными бумагой. Холод и здесь мешал работать: краска застывала, и оттиски получались некачественные. Цинковые доски, с которых печатались карты, грели на углях. Однако, если оттиски и получались более отчетливые, то рисунок на доске быстро портился, и отпечатать с одной доски более 300 оттисков было невозможно.

Вслед за наступающими войсками из Боготы ВТО в составе Полевого штаба армии передислоцировался через Шипкинский перевал в Адрианополь. Там немедленно были предприняты меры для съёмки города и его окрестностей на площади 105 кв. верст¹³.

Образцово выполняя свои служебные обязанности в должности начальника разведки армии и и.д. начальника ВТО Полевого штаба армии, полковник Н.Д. Артамонов неоднократно проявлял и личное мужество: участвовал в разведывательных рейдах в тыл противника, «ходил с русскими и болгарскими солдатами в штыковые атаки в боях за Шипку» [51, с. 158]. За эти ратные дела он был награжден болгарским и румынским крестами, русской медалью с надписью «За храбрость», которая среди офицеров была очень редкой наградой¹⁴.

2 января 1978 г. Н.Д. Артамонов с эшелоном Главной квартиры Дунайской армии перешел Балканы у села Шипки¹⁵, а 19 января было заключено перемирие между сторонами (Сан-Стефанский мир). Войскам русской армии представили возможность отдохнуть после тяжелых боев, топографы же получили приказ срочно выполнить съёмку занятой территории.

«Так как по подписании мирных условий, которое ожидалось через месяц после заключения перемирия, предполагалось войска наши отвести в пределы будущего Болгарского княжества, — пишет Н.Д. Артамонов, — следовательно, для съёмки вне границ будущей Болгарии можно было располагать лишь небольшим временем, то и.д. начальника отдела просил начальника штаба армии... для съёмки вышеуказанной местности немедленно вы-

¹³ В конце 1877 г. Н.Д. Артамонов в газете «Русский инвалид» опубликовал статью о выполненных астрономо-геодезических и топографических работах на ТВД [9, с. 2–3].

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

¹⁵ Там же.

звать по телеграфу из Систова в Адрианополь начальника съемки Болгарии, полковника Ернефельта, со всеми съемщиками, состоящими в его распоряжении, и с необходимыми для съемки инструментами...» [17, с. 180].

Одновременно Главный штаб «испросил разрешение его императорского высочества главнокомандующего на командирование в действующую армию еще 40 топографов, под начальством Генерального штаба полковника Жданова (Е.А. Жданов – начальник съемки Бессарабской области. – *Гл.*). Его императорское высочество, дав свое согласие на увеличение съемочных сил, приказал в то же время представить в Главный штаб соображение Полевого Военно-топографического отдела о направлении работ в занятой нашими войсками части Европейской Турции...» [17, с. 189–190]. Указанные соображения были оперативно подготовлены и представлены главнокомандующему. На их основании особым распоряжением Главного штаба были образованы: «съемка Западной Болгарии, под начальством генерал-майора Ернефельта, с помощником начальника съемки, секретарем и 54-мя производителями работ, в числе коих 13 – из штатного числа чинов полевого отдела; съемка Восточной Болгарии, под начальством полковника Жданова, с помощником, секретарем и 37-ю производителями работ; астрономические и геодезические работы под начальством полковника Лебедева (М.Н. Лебедев – руководитель съемки в Оренбургском крае, генерал-майор. – *Гл.*), с 7-ю триангуляторами и 2-мя астрономами, из коих один – из числа чинов полевого отдела. Сверх того триангуляция и рекогносцировка Добруджи образована была... из 6-ти рекогносцировщиков и 2-х триангуляторов, из коих один – заведывающий всеми работами. Дальнейшее руководство всеми этими съемками и работами принадлежит Военно-топографическому отделу Главного штаба...» [17, с. 190].

Вскоре вышеперечисленные полевые части КВТ прибыли в районы предстоящих работ и приступили к выполнению очередного задания. Так, при планировании работ обнаружилось, что район от Константинополя вдоль Мраморного моря в геодезическом отношении для съемки был неподготовлен. С учетом этого по распоряжению начальника ВТО Полевого штаба геодезист КВТ штабс-капитан И.М. Замочников кругом Пистора (малым астрономическим прибором. – *Гл.*) и пятью карманными хронометрами определил несколько астрономических пунктов в районе съемки. При этом все долготы он определял относительно Адрианополя, последний в свою очередь определялся по телеграфу относительно Систова.

В этот же период Полевой штаб Дунайской армии, опасаясь возможности нового столкновения с Османской империей, потребовал скорейшего исправления части листов 10-верстной карты Европейской Турции с учетом результатов съемки. Исполняя и это задание, генерал-майор А.Г. Эрнефельт составил по материалам съемки две 5-верстные карты, которые были отпечатаны в Адрианополе на турецких литографских камнях, найденных в местной типографии, и разосланы в войска в мае 1878 г.

Кроме перечисленных топографо-геодезических работ, начальник штаба Дунайской армии счел необходимым организовать съемку полосы по правому берегу реки Марицы шириной 30 верст, окрестностей Константинополя до Чаталджи и местности между Демотик, Родостно, Чорлоу и Мидия, на которые имелись только устаревшие картографические материалы, изданные в 1828 г. И с этим заданием подчиненные полковника Н.Д. Артамонова успешно справились – съемка была проведена в заданные сроки и с высоким качеством.

В целом за период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. военные топографы выполнили съемочные работы на площади 10,6 тыс. кв. верст. При этом 70% площади приходилось на глазомерную съемку и рекогносцировку, 20% – на полуинструментальную съемку и только 10% – на инструментальную. Съемку проводили в полуверстовом и наиболее распространенном верстовом масштабах. Тираж карт и планов, отпечатанных походной литографией, составил свыше 11 тыс. экз. За период с 12 ноября 1876 г. по 4 сентября 1878 г. в войска Дунайской армии было выдано более 44 тыс. различных карт и планов [48, с. 59].

Глава III

Между двумя войнами

19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор между Российской и Османской империями. Война 1877–1878 гг. закончилась победой русского оружия, войска стали возвращаться на родину, а военные геодезисты и топографы под руководством офицеров Генерального штаба продолжали, как и в военное время, заниматься астрономо-геодезическими работами и топографическими съемками занятой «по праву войны» освобожденной территории.

В апреле того же года полковник Н.Д. Артамонов был командирован в С.-Петербург «для представления на высочайший осмотр всех съемок и других работ, произведенных чинами... Военно-топографического отдела во время минувшей войны...». Во второй половине мая он вернулся в Сан-Стефано, а в начале сентября в связи с расформированием Полевого штаба Дунайской армии вновь отбыл в российскую столицу – для сдачи дел в Главный штаб¹.

Прибыв в С.-Петербург, Н.Д. Артамонов в соответствии с приказом по Военному ведомству от 14 октября 1878 г. приступил к исполнению довоенной должности – «штаб-офицера, заведывающего обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами»². Начальником академии в то время был генерал-лейтенант М.И. Драгомиров – видный и оригинально мыслящий военный теоретик, герой войны 1877–1878 гг., в означенное время едва оправившийся от тяжелого ранения.

Надо сказать, что хлопотные обязанности «заведывающего обучающимися» (по современным меркам – начальника факультета в академии) имели и свои положительные стороны: за три года до и за пять лет после войны через «руки» Н.Д. Артамонова прошло несколько выпусков молодых перспективных офицеров,

¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

² Там же.

как правило, позже причисленных к Генеральному штабу. Это был поистине цвет русской армии конца XIX – начала XX вв.³ В результате совместной службы, практически ежедневного общения будущие военные и государственные деятели России знали Н.Д. Артамонова лично, относились к нему с уважением и симпатией, со многими из своих подчиненных он сохранил добрые и доверительные отношения и после их выпуска из академии.

Той же осенью (10 ноября 1878 г.) Н.Д. Артамонова назначили редактором карт при ВТО Главного штаба «с оставлением в настоящей должности и в Генеральном штабе», а через год «по высочайшему повелению» – «членом военно-исторической комиссии... [по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.] с оставлением в настоящей должности и с сохранением получаемого содержания...»⁴.

Итак, Русско-турецкая война 1877–1878 гг. закончилась. На эту войну что называется «не поспел» младший из двоюродных братьев Николая Дмитриевича, Леонид Константинович Артамонов – будущий генерал от инфантерии, видный военачальник, признанный географ, награжденный к концу службы (как и Николай Дмитриевич) всеми российскими орденами до ордена Св. Александра Невского включительно и многими иностранными орденами [56, с. 136]. Можно только представить, с какой завистью смотрел юнкер старшего класса Михайловского артиллерийского училища на вернувшихся с войны родных братьев, подпоручиков Михаила и Максимилиана, – кавалеров боевых орденов. Николай же, Генерального штаба полковник, похоже, был живым примером для подражания.

В начале 1880-х гг. астрономическими, геодезическими, топографическими и картографическими работами Военного ведомства по-прежнему ведал ВТО Главного штаба. Полевые и картографические работы отдела выполнялись чинами КВТ, состояв-

³ Среди подопечных Н.Д. Артамонова, например, были выпускники строевого отделения: генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин (1874), генерал-лейтенант В.В. Сахаров (1874), генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (Младший) (1876), генерал-лейтенант Н.А. Орлов (1881), генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский (1883); выпускники геодезического отделения: генерал от инфантерии И.И. Померанцев (1874), генерал-лейтенант П.И. Гладышев (1876), генерал-лейтенант В.В. Витковский (1882), а также многие другие генералы и офицеры, ставшие позже известными военачальниками в русской армии и военными геодезистами, блестяще проявившие себя в войнах XX столетия.

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

шего из офицеров, классных чинов и топографов младшего звания. Офицерами корпуса были выпускники Военно-топографического училища. Для руководства работами к корпусу причислялись офицеры Генерального штаба, получившие специальное геодезическое образование в Николаевской академии Генерального штаба [148, с. 241–242].

В 1880-х гг. для производства съемок в Европейской части России были сформированы новые полевые части КВТ: съемка Северо-Западного пограничного пространства (1881), съемка Юго-Западного пограничного пространства (1883), Гродненская съемка (1885). Съемка Финляндии была переименована в съемку Финляндии и С.-Петербургской губернии. В составе каждой съемки числились 35–40 производителей топографических работ и несколько картографов [126, с. 19]. Если предположить, что ежегодно на съемках могло участвовать не более 160 исполнителей работ (хотя на самом деле их было меньше), а каждый съемщик мог снять за полевой сезон примерно 80–110 кв. верст, то охваченная съемками площадь оказывалась небольшой, а темпы работ крайне низкими. Во всяком случае, для окончания точной съемки Западного пограничного пространства требовалось около 50 лет⁵. Таким образом, создание новых съемок еще не решало проблемы скорого картографирования важных в военном отношении приграничных территорий. Для этого требовались более производительные средства, совершенные методы и, конечно, хорошо подготовленные кадры, которых, к сожалению, в нужном количестве тогда не было.

В 1880 г. Н.Д. Артамонов, занимаясь редактированием карт и активно участвуя в работе военно-исторической комиссии по описанию войны 1877–1878 гг., написал и опубликовал в «Инженерном журнале» две статьи «Образцы черчения ситуации с объяснительным текстом...» [10] и «Критическая заметка о руководстве к съемке берегов и промеру...» [11].

1 марта 1881 г. от взрыва бомбы, брошенной террористом, погиб император Александр II, и в тот же день на престол вступил его сын, наследник цесаревич великий князь Александр Александрович (император Александр III). Вскоре после этого в Военном ведомстве России произошли крупные перестановки: вместо «реформатора» графа Д.А. Милютина военным министром стал «консерватор» генерал-лейтенант П.С. Ванновский, начальником Главного штаба – генерал-лейтенант Н.Н. Обручев.

⁵ РГВИА. Ф. 404. Оп. 8/962. Д. 18. Л. 34–39.

Новый военный министр – во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командир 12-го армейского корпуса и начальник штаба Рушукского отряда, которым командовал будущий император – «был полной противоположностью просвещенному и либеральному Милютину. В сравнении с Милютиным он был обскурантом⁶... Человек в высшей степени грубый и придирчивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил это сколько-нибудь продолжительное время...» [116, с. 395].

В мае 1881 г. Н.Д. Артамонов «по распоряжению начальства» был командирован «для наблюдения в целях инспекции за летними топографическими занятиями во всех Петербургских военных училищах и в 3-м Александровском военном училище...», расположенном в Москве. Итогом командировки стали обстоятельный доклад в Военное ведомство о состоянии дел «на местах» и разработанная им единая для всех училищ инструкция для «правильного и однообразного порядка [проведения] этих занятий» [37, с. 142]. В том же году в «Русском инвалиде» была опубликована его статья «Алидада-дальномер-высотомер» [12].

15 мая 1883 г. полковник Н.Д. Артамонов «за отличие по службе [был] произведен в генерал-майоры с оставлением в академии наблюдающим за обучающимися офицерами..., редактором карт и в Генеральном штабе...»⁷.

Примерно в это же время военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский – ярый противник военно-учебной реформы своего предшественника графа Д.А. Милютина – со свойственной ему твердостью и решительностью проводил соответствующую контрреформу: военные гимназии и прогимназии закрывались, кадетские корпуса как закрытые (дворянские) учебные заведения восстанавливались, доступ прочим сословиям в военные училища и академии резко ограничивался⁸.

«Тяжелая рука Ванновского, – пишет в своих мемуарах генерал-лейтенант В.В. Витковский, – коснулась и Топографического

⁶ Обскурантизм – крайне враждебное отношение к науке и образованию.

⁷ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

⁸ До начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. П.С. Ванновский последовательно занимал должности начальника Офицерской стрелковой школы, кадетского корпуса и военного училища, в которых царил дух корпоративности и патриотизма, способствующий формированию лучших качеств русского офицерства. Милютинские реформы, к сожалению, превратили «кузницы кадров», в полувойенные заведения, готовящие скорее будущих чиновников, но не офицеров. Как отмечал видный отечественный историк А.А. Керсновский, этим «военному организму был привит невоенный дух» [116, с. 328]. С такими преобразованиями П.С. Ванновский, понятно, согласиться не мог.

училища, бывшего, как на грех, всегда под особым покровительством Милютина и почему-то пользовавшегося славой распущенного учебного заведения. Вскоре представился подходящий случай: кто-то донес, что в... училище найдены кем-то подкинутые возмутительные прокламации... Рассмотрев донесение комиссии (назначенной министром и обнаружившей кое-какие незначительные непорядки. – *Гл.*), Ванновский приказал: прекратить прием новых, дать закончить курс всем состоявшим к тому времени юнкерам, и в 1885 году совсем закрыть Военно-топографическое училище, как рассадник вредных мыслей⁹.

Необходимость пополнять личный состав Корпуса военных топографов побудила, однако, уже в следующем 1886 году открыть другое училище, с прежним названием, но с измененными и значительно урезанными правами выпускаемых, чтобы получать из него только... рабочую силу для съемок. Новому училищу подыскивали и новое помещение... – здание упраздненной к тому времени военной прогимназии на Петербургской стороне (Большая Спасская, 17). При закрытии прежнего училища уволили в отставку бывшего начальника, старого топографа, генерала Ротштейна (начальника училища с 1863 г. – *Гл.*) [38, с. 252–255].

Новое «Положение о Военно-топографическом училище», было опубликовано 7 февраля 1886 г. В нем, в частности, предписывалось «взамен ныне существующих для комплектования Корпуса военных топографов двух заведений – Военно-топографического училища и Учебной команды учредить одно Военно-топографическое училище, согласно высочайше утвержденному положению о сем училище и штат оно, с тем, чтобы ввести в действие ныне же, а прием воспитанников в новое училище сделать в сентябре... 1886 года...» [82, с. 41–47].

Согласно новому «Положению...» предназначение вновь открытого училища с двухгодичным сроком обучения состояло в том, чтобы «приготовить молодых людей к службе в Корпусе военных топографов». В училище принимали молодых людей 17–25 лет, успешно выдержавших конкурсные экзамены по математике и русскому языку в объеме шести классов реального училища. Перед началом приемных экзаменов кандидатов подвергали «в течение двух недель... предварительному испытанию в способности к топографическому черчению и каллиграфии, причем

⁹ В течение трех лет (1883–1885) приема в училище не было. В 1883/1884 учебном году занятия велись в среднем и старшем классах, а в 1884/1885 – только в старшем. В октябре 1885 года последние 17 юнкеров были произведены в офицеры и занятия прекратились [54, с. 27].

оказавшиеся к сему неспособными к дальнейшим экзаменам не допускались...» [117, с. 47].

Все принятые в училище именовались юнкерами и считались вольноопределяющимися; юнкера состояли на полном казенном содержании и должны были жить в помещении училища.

«В училище преподаются следующие предметы: 1) закон Божий, 2) топография, 3) сферическая тригонометрия, 4) высшая геодезия, 5) физическая география, 6) военные науки – основные начала тактики, артиллерии, фортификации и начальная администрация, 7) русский язык и 8) начертательная геометрия. Сверх того, юнкера занимаются практическими упражнениями: по математике, топографическому черчению, рисованию, каллиграфии, картографии, съемке и геодезическим работам, знакомятся с порядком делопроизводства и счетоводства на государственных съемках и обучаются дисциплинарному и строевому уставам, а также пению, танцам, гимнастике и фехтованию... Сверх занятий по предметам обучения в классах в училище полагаются следующие внеклассные занятия: 1) строевое обучение, на одинаковых основаниях с юнкерами военных пехотных и Николаевского инженерного училищ, 2) обучение стрельбе и гимнастике и 3) ознакомление с работами, производящимися в разных частях Военно-топографического отдела Главного штаба, как-то: в гравировальне, литографии, печатной, фотографии, гальванопластике, в механической и переплетной мастерских...» [117, с. 47–48]. Тем не менее, по сравнению с прежним трехгодичным училищем «программы вновь открытого училища были сокращены: высшая математика и астрономия вовсе исключены, а геодезия доведена до сборника нескольких формул без выводов...» [38, с. 253].

Сократился до минимума и штат училища: в его составе полагалось теперь иметь начальника училища, командира роты и четырех младших офицеров (учителей), а также 40 юнкеров [54, с. 29]. Другие преподаватели приглашались в училище по вольному найму, как правило, по совместительству с основным местом работы (службы).

С 1 мая по 1 октября «для практического образования» юнкеров направляли «на учебные топографические съемки и геодезические работы». Училищу вменялось «в непрременную обязанность достигнуть того, чтобы юнкера выучились хорошо чертить и производить съемочные работы».

Из училища юнкеров выпускали подпоручиками в КВТ, причем выдержавшие экзамен по 1-му разряду получали «один год старшинства в чине», т.е. производство в очередной чин на год раньше установленного срока. «Выпускаемые из училища обяза-

ны прослужить на действительной службе в Корпусе военных топографов по полтора года за каждый учебный год, проведенный в училище. Офицеры, выпущенные из училища, прикомандировываются на шесть месяцев к некоторым полкам Петербургского военного округа, для усовершенствования в строевом образовании и ознакомлении с бытом войск...». Ежегодно в КВТ поступали 19–20 молодых офицеров, «окончивших полный курс наук в Военно-топографическом училище...» [117, с. 48].

Всех вновь произведенных офицеров-топографов направляли «для производства... топографических или геодезических работ, по крайней мере, на два года». По истечении этого срока, они могли быть «прикомандировываемы к Военно-топографическому отделу Главного штаба для занятий картографическими и чертежными работами, а также назначаемы на штатные должности в корпусе...» [117, с. 46]. С сокращением срока обучения и переходом на новую программу обучения выпускники училища, к сожалению, потеряли право на поступление в академию.

«Высочайшим приказом» от 6 марта 1886 г. генерал-майор Н.Д. Артамонов был «назначен начальником Военно-топографического училища, с зачислением по Генеральному штабу»¹⁰. С вступлением в должность Н.Д. Артамонов разработал «новый распорядок, как внутренний, так и внешний, написал несколько инструкций, относящихся к ведению хозяйства и определяющих служебные обязанности каждого чина училища. Что касается подготовки «надежного кадра» офицеров-топографов, то Николай Дмитриевич, усилив требования по практическому изучению съемки и черчения, в два года превращал юнкера в опытного производителя топографических работ...» [37, с. 142].

В том же году приказом по Военному ведомству разрешалось прикомандировывать к КВТ подпоручиков армейской пехоты. Основанием для этого были временные правила «о прикомандировании строевых офицеров армии к Корпусу военных топографов (циркуляр Главного штаба от 2 сентября 1886 г. № 143)...» [108, с. 38]. В соответствии с этими правилами армейские офицеры, пожелавшие быть прикомандированными к КВТ, сдавали вступительные экзамены по черчению и каллиграфии специальной комиссии в Военно-топографическом училище. Так, 10 сентября 1895 г. «из... 39 офицеров, изъявивших желание..., выбрано было... 20, которые были прикомандированы к Военно-топографическому училищу...» [108, с. 38]. Там в особом классе они про-

¹⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

ходили зимнее обучение: изучали основы математики и топографию, совершенствовались в черчении и каллиграфии, обучались топографической съемке. Летом одновременно с юнкерами, они выезжали на летние практические работы. По итогам годичного обучения решался вопрос о прикомандировании армейских офицеров к корпусу в качестве съемщиков. Такой порядок обучения и прикомандирования армейских офицеров к КВТ сохранялся до 1912 г.

Служба Н.Д. Артамонова в новой должности, как, впрочем, и на всех прежних, проходила успешно, за что в августе 1886 г. он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени, а три года спустя – орденом Св. Анны 1-й степени¹¹.

«Многолетняя и разносторонняя деятельность Артамонова оставила заметный след в истории Корпуса военных топографов и училища, – пишет в своей книге ветеран Топографической службы СССР полковник В.П. Литвиненко. – Во всех областях жизни училища с самого начала отразился ровный, спокойный и деловой характер его начальника. Образцовый порядок во внутренней жизни со строгой, но разумной дисциплиной, отлично организованные летние практические работы, хорошо подобранный преподавательский состав, расширение библиотечного фонда – вот далеко не полный перечень деятельности Артамонова. Он сам преподавал топографию, написал для училища учебник... Все это оказывало на юнкеров самое благотворное влияние и оставляло у них прекрасную память об училище...» [54, с. 29–30].

25 января 1886 г. военный министр генерал-адъютант П.С. Ванновский дал указание приступить к составлению инструкции, охватывающей все вопросы, касающиеся выполнения съемок и построения триангуляционных сетей в пределах Европейской России. С этой целью была образована специальная комиссия. В разработанной ею «Инструкции для производства топографических съемок в масштабе 250 саженей в дюйме, производящихся под непосредственным ведением Военно-топографического отдела Главного штаба», указывалось, что целью производимых съемок является получение точного материала с верным обозначением рельефа местности для составления и издания разного рода карт, необходимых Военному ведомству. Основой для съемок должны были служить геодезические пункты, предварительно определенные в ходе развития триангуляционных сетей или посредством нивелир-теодолитных измерений. В инструкции

¹¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

также были подробно описаны подготовка к полевым работам, собственно полевые работы, даны указания к составлению топографического описания и проверке работ.

Осенью 1886 г. начальником ВТО Главного штаба и КВТ стал генерал-лейтенант И.И. Стебницкий – бывший начальник Кавказского ВТО, а 19 июня 1887 г. были утверждены новые положение и штат КВТ. В положении, в частности, отмечалось, что корпус «составляют генералы, штаб- и обер-офицеры... [Он] комплектуется офицерами, производимыми из юнкеров, окончивших курс Военно-топографического училища и выпущенных из оногo по 1 и 2 разрядам...» [83, с. 357–361]. Таким образом, по новому положению комплектование корпуса предполагалось исключительно офицерским составом. Система подготовки классных топографов ликвидировалась, однако гражданские чины продолжали выполнять свои обязанности на съёмках, числясь «в комплекте обер-офицеров, положенных по штату Корпуса военных топографов» вплоть до увольнения их по возрасту или болезни.

На фоне этих нововведений проходила разносторонняя деятельность начальника Военно-топографического училища генерал-майора Н.Д. Артамонова. Будучи человеком масштабным и дальновидным, он неустанно изыскивал резервы для повышения уровня преподавания и воспитания в училище. Наличие нескольких добросовестных обер-офицеров (учителей) и преподавателей «переменного состава», было, как говорится, необходимым, но еще недостаточным условием качественного воспитательно-образовательного процесса. Требовался образец, эталон для будущего офицера КВТ в одном лице: порядочного человека и высокообразованного педагога-воспитателя. Наступало время, когда потребовалась помощь лучших воспитанников Н.Д. Артамонова по Николаевской академии Генерального штаба.

В конце лета 1889 г. отмечалось 50-летие Николаевской Главной астрономической обсерватории. На юбилейных торжествах присутствовал руководящий состав КВТ, преподаватели и выпускники геодезического отделения Николаевской академии Генерального штаба, ученая общественность российской столицы. Был среди гостей и полковник В.В. Витковский – триангулятор съёмки С.-Петербургской губернии и Финляндии. Николай Дмитриевич, знавший В.В. Витковского еще способным юнкером Николаевского инженерного училища, предложил ему временно позаниматься с будущими офицерами-топографами во время летних практик [48, с. 179].

Получить предложение от самого Н.Д. Артамонова было большой честью, и оно было с удовольствием принято. Через три

года «временных» занятий без отрыва от исполнения основных служебных обязанностей сначала в съемке, а затем в ВТО Главного штаба В.В. Витковский – по ходатайству своего наставника к военному министру – стал первым штатным преподавателем геодезии и топографии в училище, а затем выступил с инициативой о снятии ограничений с выпускников Военно-топографического училища, имевших место при поступлении их на геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба. Парадокс, но такое было – военными геодезистами, как правило, становились изначально малоподготовленные в специальном отношении инженеры и артиллеристы, но не военные топографы – выпускники Военно-топографического училища, для которых обучение на геодезическом отделении было логичным пополнением знаний.

Детали официального обращения к военному министру были оговорены В.В. Витковским с его непосредственным начальником – Н.Д. Артомоновым. «Будучи слаб в составлении официальных бумаг, – вспоминает В.В. Витковский, – я просил его взять на себя труд помочь мне облечь сущность моей просьбы в форму требуемой записки. Помню, как я сказал ему: “Мне удалось пробить брешь, идемте теперь вместе на приступ”. Он с удовольствием обещал помочь. Дома я набросал черновую, которую в тот же... вечер понес на исправление; Артомонов ее кое-чем дополнил, кое-что переменял, а на другое утро я отдал переписать нашу записку красивым круглым шрифтом...» [38, с. 258–262].

В записке ясно и обстоятельно излагалось создавшееся положение в деле повышения уровня общей и специальной подготовки выпускников Военно-топографического училища, пожелавших «продолжать свое научное образование» и встречающих «на пути к достижению своего законного стремления такие затруднения, которых вовсе не имеют офицеры, прошедшие через все прочие военные и юнкерские училища». В заключение предлагалось «допустить офицеров-топографов к поступлению в геодезическое отделение академии... по прослужении ими трех лет на государственных съемках (а не шести лет, как было принято ранее. – Гл.)» [38, с. 265–267].

В конце концов, главная цель этого ходатайства была достигнута: приказ по Военному ведомству от 9 октября 1892 г. за № 269 узаконил право офицеров-топографов поступать не только в Николаевскую академию Генерального штаба, но и в другие академии, переходить слушателям геодезического отделения (при успешном окончании основного курса) на дополнительный строевой курс для подготовки к службе «по Генеральному штабу».

30 августа 1893 г. Н.Д. Артамонов «высочайшим приказом [был] произведен в генерал-лейтенанты»¹², а в 1899 г. в Николаевской Главной астрономической обсерватории появились – после долгого вынужденного перерыва – первые выпускники академии Генерального штаба: военные геодезисты из числа офицеров-топографов. Таким образом, при активном участии своего наставника Н.Д. Артамонова полковник В.В. Витковский не только восстановил справедливость по отношению к офицерам-топографам, но и совершил важное государственное дело: в русскую армию стали вливаться специалисты, отлично разбирающиеся не только в топографических съемках, но и в создании для них астрономо-геодезической основы, подготовленные к службе «по Генеральному штабу» и способные в недалекой перспективе стать крупными руководителями и организаторами топографического обеспечения войск в мирное и военное время. Именно они, выпускники Военно-топографического училища и геодезического отделения академии, стали основателями школы блестящих теоретиков и практиков КВТ, на трудах и опыте которых выросло не одно поколение отечественных военных геодезистов и топографов XX столетия [48, с. 229–230].

Одним из ярких представителей молодых офицеров этой «волны» стал ученик Н.Д. Артамонова и В.В. Витковского, выпускник Военно-топографического училища (1895) и строевого отделения академии (1903) В.Г. Болдырев – незаурядная личность, в будущем генерал-лейтенант, профессор, писатель, офицер Генерального штаба в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., командующий армией в Первую мировую войну 1914–1918 гг., [48, с. 229–230; 66].

Ко времени производства Н.Д. Артамонова в очередной чин у императора Александра III обозначился особый интерес к дальневосточным российским окраинам – Россия нуждалась в наличии выхода к незамерзающим портам с целью развития торговли в Азиатско-тихоокеанском регионе. К этому же времени стала набирать силу и молодая соседняя империя – Япония. Она при поддержке Англии и США «примерялась» к Корее и Маньчжурии – северо-восточной китайской провинции.

Российскому императорскому правительству было очевидно, что «Приамурский край был рискованно далеко оторван от главного центра и мог считать себя обеспеченным от иноземного вторжения только при временной слабости и инертности ближай-

¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

ших соседей...» [132, с. 665]. Настало время скорейшей реализации идеи первого генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского, высказанной им еще в 1850 г. и касающейся устройства в Сибири «колесной дороги, которая впоследствии должна была превратиться в железную» [132, с. 666].

Когда в конце 1892 г. «все дело постройки Великого Сибирского пути, в видах успешности его осуществления, было сосредоточено в особом высшем органе – Комитете Сибирской железной дороги», наследник престола великий князь Николай Александрович «изволил стать и Председателем означенного комитета», а позже «в рескрипте цесаревичу от 14 января 1893 года император поручал ему привести к концу это дело мира и просветительной задачи России на Дальнем Востоке...» [132, с. 678–679].

В это время на КВТ была возложена ответственная и сложная задача: «наметить направление магистрали изыскания в той местности, которая топографически почти не была исследована...» [117, с. 8]. С этой целью на Кругобайкальский, Забайкальский и Амурский участки будущей Сибирской железной дороги из Европейской России на помощь Приамурскому ВТО было командировано 39 лучших офицеров корпуса (среди которых было немало воспитанников Н.Д. Артамонова), предназначенных «для производства съемок в местностях с особенно сложным рельефом, для определения пониженных седел, перевалов, тальвегов¹³, удобных пунктов сооружения постоянных мостов через реки и т.д.» [117, с. 8]. Подчеркнем, что при строительстве дорогостоящей железнодорожной магистрали в тяжелейших природных и климатических условиях одной из важнейших предпосылок успеха было участие офицеров КВТ, и они с этой задачей блестяще справились [48, с. 229].

В 1896 г., когда Н.Д. Артамонову за успешную деятельность на посту начальника Военно-топографического училища «всемилоштивийше пожалован [был] орден Св. Владимира 2-й степени»¹⁴, Китай предоставил России право на сооружение Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), соединяющей прямым путем Забайкалье с Владивостоком по маньчжурской территории через Харбин, а в 1898 г. Россия получила в аренду от Китая незамерзающие тихоокеанские гавани Люйшунь (Порт-Артур) и

¹³ Тальвег – линия, соединяющая самые низкие точки дна речной долины, балки, оврага и других эрозионных форм рельефа.

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

Далыньвань (Дальний) «с соответствующими территорией и водным пространством». России также была разрешена «постройка железной ветви на соединение этих портов с Великой Сибирской магистралью». Необходимые для этого изыскания, астрономо-геодезические и топографические работы начались незамедлительно, КВЖД была проложена в «сколько можно короткие сроки», регулярное движение поездов по ней открылось за полгода до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. [48, с. 229]. Всему же вышеперечисленному предшествовала громадная по объему и трудозатратам работа, за которую военным геодезистам и топографам приходилось нередко расплачиваться не только собственным здоровьем, но и жизнью [69].

С получением в начале 1896 г. соответствующего указания от главы Военного ведомства начальник ВТО Главного штаба генерал-лейтенант И.И. Стебницкий – бывший инженер-путеец и офицер Корпуса инженеров путей сообщения, в свою очередь издал распоряжение о выделении от КВТ необходимых сил и средств для участия в комплексных работах по строительству КВЖД. Указанные работы начались летом того же года. Первыми к освоению Маньчжурии приступили военные геодезисты и топографы Приамурского ВТО.

В конце 1896 г. И.И. Стебницкий тяжело заболел. Как водится, подчиненные начали гадать, кто будет его преемником, хотя, в принципе, кандидатура нового начальника ВТО Главного штаба и КВТ была уже predetermined. В те годы назначение на этот высший пост, как, впрочем, и во всей русской армии, производилось в порядке старшинства. После И.И. Стебницкого старшим генералом был начальник Картографического заведения ВТО Главного штаба генерал-лейтенант О.Э. Штубендорф. Однако поговаривали и о возможности его обхода и назначении следующего по старшинству, более достойного по деловым качествам начальника Военно-топографического училища генерал-лейтенанта Н.Д. Артамонова.

Пересуды подчиненных стали особенно оживленными, когда И.И. Стебницкий, наконец, вышел в отставку, а приказа о назначении его приемника не было. «Большинство топографов, – вспоминает В.В. Витковский, – желало видеть во главе корпуса... Артамонова и до того было даже уверено в этом, что некоторые называли меня уже будущим начальником училища...» [38, с. 294]. Однако, консервативный порядок назначения «по старшинству», а не по способностям, оказался жизнестойким и в январе 1897 г. начальником ВТО Главного штаба и КВТ стал генерал-лейтенант О.Э. Штубендорф.

В том же году состоялись изменения и в высшем руководстве русской армии – ключевые руководящие должности в ее составе заняли воспитанники Н.Д. Артамонова: военным министром был назначен генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин – командующий войсками и начальник Закаспийской области, начальником Главного штаба – генерал-лейтенант В.В. Сахаров – начальником штаба Одесского военного округа, помощник Н.Д. Артамонова в пору его службы штаб-офицером над вожатыми в Полевом штабе Дунайской армии в 1877–1878 гг. [58, с. 25].

Николай Дмитриевич, продолжая руководить Военно-топографическим училищем, написал и в 1897 г. (при содействии Николаевской инженерной академии) издал «Курс низшей геодезии» – один из старейших курсов, выдержавший только к 1911 г. три издания [15, 16, 23].

В марте 1900 г., когда Н.Д. Артамонов был «утвержден членом конференции» Николаевской инженерной академии¹⁵, в Северном Китае вспыхнуло давно тлевшее Ихэтуаньское восстание. По этой причине плановых астрономо-геодезических и топографических работ на территории Маньчжурии в том году не проводилось. Свой гнев ихэтуаны (боксеры) направили исключительно против иностранцев – «белых чертей», которых уничтожали, независимо от национальной принадлежности, возраста и пола. После бомбардировки китайцами русского Благовещенска и нападения на строителей КВЖД возникла реальная угроза представителям дипломатических миссий в Пекине, начиная с 7 июня, в течение месяца восставшие пытались штурмом овладеть миссиями. Для защиты дипломатов был сформирован международный экспедиционный корпус, куда вошли и русские войска. Так начался вошедший в отечественную историю Китайский поход русских войск 1900–1901 гг. [97, с. 73].

Командиром Южно-Маньчжурского отряда был назначен генерал-лейтенант Д.И. Субботич, а его начальником штаба – полковник Л.К. Артамонов. В составе этого отряда находился и младший сын Н.Д. Артамонова – 2-го Гренадерского стрелкового батальона подпоручик Василий Николаевич Артамонов, воспитанник 2-го кадетского корпуса и недавний выпускник Алексеевского военного училища¹⁶. Под началом своего именитого

¹⁵ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

¹⁶ Старший сын Н.Д. Артамонова, Николай Николаевич, также воспитанник 2-го кадетского корпуса и выпускник Константиновского военного училища, строевого отделения Николаевской академии Генерального штаба.

дяди он набирался боевого опыта: участвовал в боях в Южной Маньчжурии «по взятию Айсандзянских высот, г. Ляояна, г. Мукдена, в боях у г. Симу-чена, у р. Хун-хен. Под Мукденом командовал ротой 2-й бригады 31-й стр[елковой] дивизии». За боевые заслуги был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами, а также серебряной медалью «За поход в Китай»¹⁷. Его дядя, Л.К. Артамонов, «за отличие в делах против боксеров [был] произведен в генерал-майоры и награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» [56, с. 135].

В составе военных отрядов, участвовавших в Китайском походе, находились и офицеры-топографы, воспитанники Н.Д. Артамонова. В промежутках между боями они выполняли свои прямые обязанности. Так, только двумя офицерами-топографами, командированными в район военных действий из Сибирского ВТО, «было произведено» 1795 кв. верст маршрутной съемки и «отрекогносцирован» маршрут протяженностью 305 кв. верст от станции Мендухе до станции Фулярди в масштабе 2 версты в дюйме, выполнено 213 кв. верст позиционной съемки территорий предстоящих сражений с китайцами в масштабе 250 саженей в дюйме. В это же время 10 офицеров-топографов из Приамурского ВТО выполняли инструментальную съемку городов и других населенных пунктов, крепостей и позиций, различных урочищ. В итоге в крупном масштабе была снята территория площадью в 3040 кв. версты [109, с. 17, 20].

После завершения Китайского похода и в связи с этим оккупации значительной части Маньчжурии началось более интенсивное картографирование этой территории в основном силами Приамурского и Сибирского ВТО [90].

В феврале 1901 г. Н.Д. Артамонов был назначен членом Военно-ученого комитета Главного штаба, «сверх штата с оставлением в настоящей должности»¹⁸ и, вероятно, его стали при-

ба, после окончания интендантских курсов пойдет по военно-административной стезе. В войнах участвовать ему не придется, «особых поручений, сверх прямых обязанностей, по высочайшим повелениям и от своего начальства» иметь не будет, но награжденный орденами Св. Владимира 4-й (1913) и 3-й (1915) степеней и тремя юбилейными медалями 6 декабря 1916 г. «высочайшим приказом» за отличия по службе будет произведен в генерал-майоры, а 16 января 1918 г. приказом по канцелярии Военного министерства будет уволен, «по прошению от службы».

¹⁷ РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12. Послужной список числящегося по Генеральному штабу полковника В.Н. Артамонова.

¹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

влекать к решению вопросов, связанных с военной разведкой. Однако, это не означало, что должность начальника Военно-топографического училища и последующие, занимаемые им в Военном ведомстве России высокие посты были всего лишь «прикрытием» или «крышей» его разведывательной деятельности, как утверждается в некоторых публикациях о нем [51, 60]. К настоящему времени официальных документов, подтверждающих его службу в качестве разведчика (за исключением периода 1869–1878 гг.) не обнаружено. Нет упоминания о Н.Д. Артамонове как разведчике и в капитальном труде М. Алексева «Военная разведка России от Рюрика до Николая II» [64, 65]. Это дает основание автору настоящей книги утверждать, что главным в служебной деятельности Николая Дмитриевича были все-таки геодезия и картография.

В декабре того же года «за отличия по службе» Н.Д. Артамонову был «пожалован орден Белого Орла»¹⁹. Полагают, что эта награда была оценкой всей его предыдущей деятельности на посту начальника училища.

Действительно, в период, когда Н.Д. Артамонов руководил училищем, КВТ «укомплектовывался настолько опытными, знающими и трудоспособными офицерами, что быстро заслужил себе почетную известность выдающимися достоинствами своих работ; этим и объясняются настойчивые ежегодные просьбы разных министерств о командировании к ним на работы офицеров корпуса... и желание этих министерств объединить все топографические, геодезические и астрономические работы под флагом корпуса...» [37, с. 142].

8 марта 1902 г. вышло «высочайше» утвержденное положение Военного совета «О причислении Корпуса военных топографов к частям вспомогательного назначения» [84, с. 150]. Как уже отмечалось, до этого КВТ был на правах дивизии, затем отдельного корпуса.

В это время Япония спешно готовилась к войне с Россией. Последняя в свою очередь предпринимала посильные, но, как позже окажется, не вполне достаточные ответные меры – японцы серьезными противниками не считались.

В целом же в период 1896–1903 гг., офицерами КВТ в Маньчжурии было определено более 200 астрономических и геодезических (2 и 3 классов) пунктов. На этой основе была развита достаточно плотная «тригонометрическая съемочная сеть» и выполнены:

¹⁹ Там же.

а) инструментальная топографическая съемка: прибрежной полосы бухты Талиенван, в районе крепости Порт-Артур, русских постов и караулов в масштабе 100–250 саженей в дюйме – 705 кв. версты; вдоль линии железных дорог (Чита–Харбин–Владивосток и Харбин–Порт-Артур–Дальний) в масштабе 0,5–1 версты в дюйме, южной части Ляодунского полуострова (до линии Бицзыво–бухта Адамс) в масштабе 1 верста в дюйме, а также севернее в различных районах Маньчжурии (приблизительно до линии: Ляодунский залив–Нючжуан; Ляоян, Фынхуанчен–Чандехзоу и по реке Ялу до ее устья) в масштабе 2 версты в дюйме. Всего – 57 913 кв. верст;

б) крупномасштабные маршрутные и полуинструментальные съемки в масштабе 2, 4 и 5 верст в дюйме – около 10 000 кв. верст и рекогносцировки – около 1000 кв. верст [48, с. 328–329].

Подчеркнем, что сплошные инструментальные съемки, которые можно было считать надежным топографическим материалом, «продолжались лишь три года – 1899, 1901 и 1902 гг. и... с очень ограниченным личным составом производителей работ... Было исполнено точных инструментальных съемок около 3500 кв. верст в верстовом и полуверстном масштабах и 30 500 кв. верст – в двухверстном масштабе. Все остальные съемки, как, например, съемка полосы отчуждения вдоль железной дороги и др., имели или специальное назначение для какой-либо определенной цели, или для предварительных разведок, но для составления карт, необходимых войскам в военное время, они не представляли достаточно надежного материала. Необходимость более широкого развития топографических съемок указывалась начальником Приамурского Военно-топографического отдела... (генерал-майором М.П. Поляновским. – *Гл.*). В 1901 году им были представлены два проекта работ по проложению сплошной инструментальной съемки Маньчжурии в двухверстном масштабе, но..., оба эти проекта не получили утверждения, и в 1903 году съемка Южной Маньчжурии была прекращена» [48, с. 329].

В том же году, несмотря на громадный объем работ, который ежегодно выполнял КВТ, неожиданно выяснилось, что «картография у нас в ужасном состоянии». По свидетельству генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера – в то время начальника Канцелярии Военного министерства, «открыл это сам Куропаткин: потребовав какие-то листы трехверстной карты, он увидел на них белые полосы шириной в дюйм, вдоль линий новых железных дорог! Это выскоблили на новых медных досках (с которых печатались карты. – *Гл.*) место для нанесения новых линий, а потом не награвировали вновь, так как теперь интересуются только новой двух-

верстной картой, а нашу основную трехверстную дали Штубендорфу (начальнику Военно-топографического отдела) испортить и забросить!... Он за это был удален от должности и назначен членом Военного совета!... Картина, действительно, была угрожающая, но Куропаткину она, конечно, должна была выясниться, хотя бы в общих чертах, не к концу шестого года его управления министерством, а много раньше, тем более что сам он больше интересовался именно делами Главного штаба; надо было в свое время принять нужные меры к улучшению работы штаба. Часть вины, я думаю,... падала на Сахарова...» [130, с. 358].

11 марта 1903 г. Н.Д. Артамонов «высочайшим приказом» был назначен начальником ВТО Главного штаба «с оставлением по Генеральному штабу» и одновременно начальником КВТ²⁰. Военно-топографическое училище возглавил генерал-майор И.И. Померанцев – начальник геодезического отделения ВТО Главного штаба [48, с. 224].

Спустя месяц после указанного назначения были объявлены новые штаты Главного штаба и положение о нем. Он стал состоять из пяти управлений: Первого генерал-квартирмейстера, Второго генерал-квартирмейстера, Дежурного генерала, Военных сообщений, Военно-топографического [125, с. 84–85]. Вслед за этим приказом по Военному ведомству за № 133 «Военно-топографический отдел Главного штаба с 1-го мая... [был] переименован в Военно-топографическое управление...», а «высочайшим приказом [от] 1 мая [Н.Д. Артамонов] назначен [его] начальником»²¹.

До начала войны с Японией оставалось менее года.

²⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

²¹ Там же.

Глава IV

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Новый начальник ВТУ Главного штаба и КВТ генерал-лейтенант Н.Д. Артамонов, вступив в должность, прежде всего, ознакомился с вверенным ему хозяйством. В это время его подчиненные выполняли уравнивание всех триангуляционных сетей Европейской России и Кавказа. Оно осуществлялось на основании решения, принятого в Военном ведомстве еще в конце XIX в. Предполагалось объединить все геодезические сети в общую систему путем совместного уравнивания их на одном эллипсоиде Бесселя с единым началом координат (координаты Юрьевской – бывшей Дерптской – обсерватории).

Поводом для начала упомянутой работы послужила докладная записка по ВТО Главного штаба от 10 апреля 1897 г., в которой говорилось, что «в настоящее время, при сплошной съемке всего Западного пограничного пространства все более и более... является настоятельное требование установить прочную связь всех наших триангуляций для получения одной общей сети треугольников во всей империи... Вышеизложенные соображения в связи с обширностью и экстренностью задачи вызывают необходимость ныне же приступить к составлению на указанных основаниях нового каталога астрономических и тригонометрических пунктов...»¹. В том же году была создана специальная комиссия и принято решение выполнить переуравнивание в единой системе всех триангуляционных сетей I класса Европейской части России и Кавказа. Вскоре генерал-лейтенант К.В. Шарнгорст – опытный геодезист, заслуженный профессор геодезии Николаевской академии Генерального штаба – и два вычислителя, прикомандированные со съемки С.-Петербургской губернии и Финляндии подполковник А.Н. Иванов и капитан К.Ф. Лоренц, приступили к обработке материалов. При этом параметры общеземного эллипсоида были приняты по Бесселю, за начальную точку – астрономическая широта обсерватории города Юрьева (до 1893 г. – Дерпта), полученная из определений академика В.Я. Струве. Азимут направления передавался от Пулково по сторонам новых первоклассных треугольников С.-Петербургской губернии и Финляндии, которые базировались на дуге Русско-Скандинавского градусного измерения по меридиану. К дуге меридиана примы-

¹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 4/955. № 76. Л. 1.

кали градусные измерения по параллелям 47°30' и 52°. Все остальные триангуляционные сети I класса связывались с этими рядами [126, с. 103].

В систему уравнивания вошли геодезические сети, развитые в разное время в течение XIX в. Произведенные вычисления позволили сделать вывод о том, что большинство существующих сетей по точности не соответствует возросшим требованиям (высокой оценки удостоились только триангуляционные сети К.И. Теннера в Виленской области, И.И. Ходзько на Кавказе и М.П. Вронченко в Новороссии) и что необходимо создавать новую геодезическую опору страны. С учетом этого комиссия постановила: а) пункты старой триангуляционной сети I класса использовать только для топографической съемки, для научных целей считать их непригодными; б) продолжить ряды новой триангуляционной сети I класса, соединив их с рядами старой².

Уяснив состояние дел по геодезическим работам, Н.Д. Артамонов ознакомился также с полевыми материалами и сведениями, поступившими с Европейской и Азиатской частей России, а также с Дальнего Востока, степенью военно-географической изученности и картографической обеспеченности Маньчжурского ТВД, наличием в войсках дальневосточной группировки запасов топографических карт.

Надо сказать, что Николай Дмитриевич в силу своего масштабного, государственного характера был постоянно в курсе военно-политических событий, разворачивающихся в сопредельных с Россией странах. К сожалению, с Дальнего Востока в Главный штаб стекались не только достоверные, но зачастую умышленно искаженные японской контрразведкой сведения, что в итоге сыграло отрицательную роль в подготовке России к войне [48, с. 59–60]. Однако вины в этом Н.Д. Артамонова, «сверхштатного» сотрудника ВУК Главного штаба, не было. До реорганизации Главного штаба задача «изучения государств Дальнего Востока: Китая, Японии и Кореи, а также сопредельных с ними наших Приамурских и Среднеазиатских владений и наблюдения за текущими событиями в названных государствах» возлагалась на оперативное и статистическое отделения «Генерал-квартирмейстерской части в уменьшенном составе», а после реорганизации Главного штаба в апреле 1903 г. – на 6-й стол («Китай, Корея, Япония») 7-го отделения («По военной статистике иностранных

² Более чем за 10 лет работы, т.е. к концу 1907 г., под общим руководством Н.Д. Артамонова (1903–1907) и непосредственным – К.В. Шарнгорста было составлено 23 тома (около 8500 страниц), перевычислено 3236 пунктов триангуляции I класса и часть пунктов II класса, расположенных в западных областях. Результаты этого уравнивания издавались в виде каталогов координат геодезических и астрономических пунктов отдельными сборниками и как приложения к разным частям «Записок Военно-топографического отдела...» до 1926 г. [49, с. 43].

государств»)³ 1-го отдела («Военно-статистического») Управления Второго генерал-квартирмейстера Главного штаба [64, с. 84–85, 313].

После обобщения и анализа имеющихся сведений Н.Д. Артамонов пришел к неутешительному выводу: войны с японцами не избежать, военно-географическая изученность всей Маньчжурии и картографическая обеспеченность ее южной части хорошие, картографическая обеспеченность Северной Маньчжурии – неудовлетворительная, запасы карт в войсках явно недостаточны, посему личному составу КВТ предстоят нелегкие испытания.

Судя по всему, до начала войны с Японией оставалось мало времени, поэтому осуществить перевод топографической службы русской армии на военные рельсы было непросто. Однако Н.Д. Артамонов – энергичная и деятельная натура несмотря на почтенный 63-летний возраст – предпринял ряд важных мер. Так, в том же году в «Записках Военно-топографического управления Главного штаба» [17] им был опубликован отчет с обобщением опыта топографического обеспечения войск Дунайской армии в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Одновременно отдельным изданием вышел в свет и очерк на ту же тему [18].

Эти публикации накануне войны были уместны и поучительны, поскольку при отсутствии в то время специальных наставлений, регламентирующих деятельность офицеров КВТ при топографическом обеспечении боевых действий войск, имели ценные для них сведения, которые «за отсутствием соответствующего разрешения» высшего военного руководства раньше не раскрывались.

Из отчета Н.Д. Артамонова следовали важные практические рекомендации для высшего военного руководства России. Он, например, обоснованно полагал, что: 1) при штабе действующей армии должен быть самостоятельный орган – ВТО с военным геодезистом во главе. Его главная задача должна состоять в снабжении войск картами и планами из заблаговременно созданных запасов, в обеспечении войск графическими и статистическими документами о местности, созданными в период подготовки к войне и в ходе ее, а также в выполнении (при необходимости) астрономо-геодезических и топографических работ на отдельных участках театра войны; 2) для картографирования малоизученных районов на

³ Приказом по Военному ведомству № 133 от 11 апреля 1903 г. руководство военной разведкой в Главном штабе русской армии было возложено на 7-е отделение. Этому отделению «были переданы и разведывательные функции «Статистического отделения» части генерал-квартирмейстера на Дальнем Востоке» [64, с. 85].

ТВД, а также территории противника, «занятой по праву войны» путем выполнения сплошных и качественно полноценных съемок целесообразно использовать либо действующие полевые части КВТ (съемки, триангуляции), либо формировать новые, временные (съемки); 3) руководителем и координатором всех полевых работ на ТВД, организатором взаимодействия и взаимосвязи по специальным вопросам с корпусными топографами должен быть начальник ВТО штаба действующей армии, находящийся в непосредственном подчинении начальника штаба этой армии.

С опубликованием своего «турецкого» отчета Н.Д. Артамонов логично предполагал, что во время будущей войны его рекомендации, проверенные боевой практикой, будут учтены. К сожалению, военный министр, а с началом войны командующий Маньчжурской армией, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, кстати, ветеран Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не считал необходимым учитывать этот ценный опыт. В его «простом плане войны с островитянами» немногочисленным представителям КВТ отводилась второстепенная роль: находиться при его штабе и штабах корпусов, фотографировать героических участников войны, аккуратно вычерчивать оперативную обстановку на диспозициях, привлекаться же к боевой работе – только по мере крайней необходимости [48, с. 368–369].

Тем не менее, несмотря на трудности объективного характера, усилиями Н.Д. Артамонова к концу 1903 г. на территорию Маньчжурии были заблаговременно составлены и изданы необходимые для организации и ведения боевых действий 1-верстные топографические карты на Квантунский полуостров и южную часть Ляодунского полуострова, 2-верстные – на обширную территорию Южной Маньчжурии до Ляояна включительно (составленные по результатам полевых работ 1898–1902 гг.), а также 4–20-верстные (составленные главным образом по результатам полуинструментальных и маршрутных съемок⁴) – севернее Ляояна, включая Мукден и Сыпингай.

⁴ В 1894–1895 гг. шесть рекогносцировочных отрядов во главе с офицерами Генерального штаба прошли 12 343 версты, выполняя маршрутные и глазомерные съемки. По их результатам были составлены маршрутные и рекогносцировочные карты. Среди них были «Маршрутная карта части дороги от г. Хайлара до г. Цицикара» (1894), «Рекогносцировочная карта местности и дороги от крепости Хитинза до г. Кечень-Пу (Маньчжурия) корнета Мердера» (1894), «Карта части Маньчжурии (местность от русской границы до г. Хунчуня) корнета Мердера» (1894), «Маршрутная карта пути русской экспедиции в Маньчжурии подпоручика Швиндта» (1898), «Карта шоссеиной дороги Цицикар–Хуланчень–Харбин подполковника Кольшмида» (1899), «Маршрутная карта дорог Китая и Маньчжурии капитана Поспеева» (1899) и др. [124, с. 1–31].

К числу этих карт относились:

а) *Карты крупного масштаба* (крупнее 5 верст в дюйме): «Карта Маньчжурии» (1896), «Карта части Маньчжурии капитана Поспеева, Юркевича и др.» (1901), «Карта Ляодунского полуострова подполковника Илинского» (ориент. 1901), «Карта области Бодунэ (Маньчжурия)» (1901), «Карта Кореи, Маньчжурии и провинции Чжили» (ориент. конец 1904), а также карты Квантунского и Гуаньдунского полуостровов, планы крепости Порт-Артур и ее окрестностей, планы крупнейших городов Маньчжурии, маршрутные карты Мукденской, Гиринской, Хейлуцзянской и других провинций;

б) *Карты мелкого масштаба* (5 верст в дюйме и мельче): «Карта полуострова Ляодуна капитана Илинского» (1897), «Карта части Китая, Внешней Монголии и Маньчжурии» (ориент. 1899), «Карта части Ляодунского полуострова штабс-капитана Гаврилова и поручика Крестинского» (1899), «Карта части Китая (местность между гг. Цзиньчжоу и Талиенваном)» (ориент. 1901), «Карта Саньсинской области (футудунства) в Маньчжурии штабс-капитана Гюбиева» (1901), «Карта части Маньчжурии (восточная часть Гиринской провинции, уезд Дунь-хуа-сянь) капитана Шавинского» (1901), «Карта части Маньчжурии (район гг. Хуань-чена, Мукдена)» (1901), «Карта части Маньчжурии (район гг. Мукдена и Ляояна)» (1901), «Карта Бутханской области (футудунства), составленная по рекогносцировкам офицеров 12-й партии полевой поездки в Маньчжурии» (1901), «Карта Хайларской области (футудунства) в Маньчжурии капитана Гаврилова» (1902), «Сборный лист карты Мукденской провинции Маньчжурии» (1903), «Карта Южной Маньчжурии (Мукденской провинции и Квантунской области) подполковника Хвостова и поручика Любичского» (1903), «Карта Квантунского полуострова и Северной Кореи», «Карта южной пограничной полосы Азиатской России», «Карта Дальнего Востока», «Карта путей от залива Посьета до Порт-Артура», «Карта путей от залива Посьета до Бидзево», «Карта устья реки Амура и Ляодунского полуострова», «Отчетная карта Квантунской области и военно-топографических работ в Южной Маньчжурии», а также карты Мукденской, Гиринской и Цицикарской провинций Маньчжурии [48, с. 340–341; 124, с. 1–31].

Кроме того, к указанному времени в распоряжении Главного штаба имелись карты и планы:

а) *изданные Главным гидрографическим управлением Морского министерства*: «Карта залива Талиенван, составленная по материалам офицеров военных судов английского флота в 1860 г.» (1898), «Карта района рек Шахэ и Тайдзыхэ» (1901),

«Карта Квантунского полуострова от реки Ялу до Порт-Артура» (1902), «Карта устья реки Ялуцзян» (1902), «План Кембрийской бухты» (1902), «План входа в Порт-Артур» (1902), «План залива Талиенван» (1903), карты и планы якорных мест у Квантунского полуострова (1902), карты ряда островов в Печелийском проливе (1901–1902), карта группы островов Эллиот и берега Квантунского полуострова от мыса Терминал до мыса Билихэ (1903);

б) *иностранные карты в масштабе 1 : 500 000–1 : 1 000 000*: «Физическая и политическая карта Китая с обозначением сфер влияния Франции, Англии, России и Японии», составитель Бьянкони, Париж (конец XIX в.), «Карта части Маньчжурии» на китайском языке (конец XIX в.), «Карта Мукденской провинции», составленная и изданная Управлением географической службы Франции» (1899), «Карта Квантунского полуострова», составитель Ворд, Лондон (1900) [124, с. 1–31; 132, с. 166].

Здесь важно отметить то, что официальные историки Русско-японской войны 1904–1905 гг. например, М.В. Грулев [98], А.А. Керсновский [116], Н.А. Левицкий [118] и др., обычно упускают из виду: 2-верстная топографическая карта инструментальной съемки 1901 и 1902 гг., наиболее точная и важная для обеспечения боевых действий войск, покрывала территорию Ляодунского полуострова полностью и часть Южной Маньчжурии, где самым северным пунктом был город Ляоян [132, с. 768]. По мнению главы Военного ведомства генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина, такая картографическая обеспеченность была вполне достаточной, поскольку в основу заблаговременно разработанного им и «высочайше утвержденного» стратегического плана войны с Японией была положена идея выигрыша времени для сосредоточения и развертывания русских войск в районе маньчжурских населенных пунктов Ляоян и Хайчен с последующим переходом в общее наступление и разгромом японской армии. Отступать на север, за пределы вполне обеспеченных в картографическом отношении районы Южной Маньчжурии, не предполагалось [132, с. 250–251].

Конечно, для победоносной войны запаса топографических карт, имеющегося в штабах и войсках, было явно недостаточно, а для оперативного издания дополнительного числа новых карт на территорию Маньчжурии требовалось не только время, но и руководящие указания главы Военного ведомства генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина с соответствующим финансированием, находящимся в руках «всесильного» министра финансов С.Ю. Витте. Как теперь известно, первый, обоснованно опасаясь развязывания войны на западе, затягивал усиление группировки

русских войск на Дальнем Востоке и поставку туда всего необходимого для ведения и обеспечения боевых действий, второй, имея мощное влияние на финансовую политику государства и свою особую точку зрения на ее претворение в дальневосточном регионе, способствовал этому. Когда в 1903 г. С.Ю. Витте был отправлен в отставку, а А.Н. Куропаткин, наконец, убедился, что война с Японией неизбежна и стал спешно предпринимать все возможные меры, то было уже слишком поздно [48, с. 342]. Для нормальной работы в таких условиях требовались колоссальная энергия, опыт, известная предприимчивость и крепкие нервы высших должностных лиц, в том числе и начальника ВТУ Главного штаба и КВТ генерал-лейтенанта Н.Д. Артамонова.

В период выполнения полевых работ в Маньчжурии офицерами КВТ были составлены военно-топографические описания различных ее районов, которые – с учетом недостаточной изученности этого края офицерами Генерального штаба и войсковыми командирами – могли стать для них хорошим подспорьем при организации боевых действий [131, с. 13]. Кроме того, к началу войны с Японией в распоряжении Военного ведомства имелись: «Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове» (1899) капитана В.К. Самойлова, «Краткий Военно-статистический обзор Восточно-Азиатского (Маньчжурского) ТВД» (1899) подполковника Н.Н. Дурова, а также «Карманная книжка о Маньчжурии», составленная А. Домбровским и В. Ворошиловым (1897) и «Описание Маньчжурии» (1897) Д.М. Позднеева – вспомогательного, «общенаучного» значения [132, с. 165]. Штабы войск Дальнего Востока к 1904 г. были обеспечены «Описанием Мукденской провинции» подполковника А.М. Хвостова, военным обзором Гиринской провинции, описаниями Гиринской провинции и 12 футудунств, «Алфавитным указателем географических названий Мукденской провинции к карте Южной Маньчжурии» [64] на русском и китайском языках и др. [132, с. 165–166].

Позже в первые месяцы войны были изданы «Топографический и этнографический очерк области Бодунэ в Маньчжурии» [124], а также один из лучших военно-географических обзоров Маньчжурского театра войны майора Ж. Шона – известного австрийского военного писателя [146]. Он был замечателен тем, что разрабатывался с широким привлечением русских источников и был переведен (с обстоятельными дополнениями и комментариями) офицерами русского Генерального штаба.

Распоряжение начальника Главного штаба о снабжении войск Дальнего Востока, а также частей, предназначенных на

их усиление, топографическими и другими картами было отдано лишь в октябре 1903 г., т.е. за три месяца до начала войны. После поступления этого распоряжения к концу января 1904 г. из центрального склада топографических карт (склада картографического заведения ВТУ Главного штаба) удалось отправить: в штаб Приамурского военного округа – 18 650 листов (40- и 10-верстные карты Южно-Уссурийского края, 1-верстная полуострова Муравьева-Амурского, 4- и 20-верстные Мукденской провинции, 10-верстная Дальнего Востока), в Порт-Артур – 4 770 листов (20-верстная Мукденской провинции, 1- и 40-верстные Ляодунского полуострова), и в штабы европейских подкреплений – 32 094 листа (в 10-й и 17-й корпуса – 100-верстная Азиатской России, 4- и 40-верстные Мукденской провинции и 1-верстная Ляодунского полуострова, в остальные части – только 1-верстная Ляодунского полуострова), всего – 55 514 листов. Имеющийся в частях небольшой запас (всего около 100 экз.) важнейших для обеспечения боевых действий войск 2-верстных карт Ляодунского полуострова и Южной Маньчжурии пополнен не был [132, с. 166–167]. Как признала позже военно-историческая комиссия по изучению опыта Русско-японской войны 1904–1905 гг., главными недостатками в использовании имеющегося обширного картографического и справочного материала по Маньчжурии были: «слишком поздний выход в свет уже обработанных и отпечатанных сведений и отсутствие навыков в распространении этих сведений в возможно большей массе начальников и войск» [132, с. 167].

В целом же – несмотря на усилия начальника ВТУ Главного штаба и КВТ генерал-лейтенанта Н.Д. Артамонова – снабжение картами сибирских и европейских подкреплений, прибывающих перед войной на Дальний Восток, запоздало. «Что касается карт, – писал 20 января 1904 г. начальник штаба Сибирского военного округа, – то таких до сего времени не имеется, за исключением 20-верстной карты (малопригодной для обеспечения боевых действий войск. – *Гл.*)...». Не было требуемых карт и в штабе заместителя е.и.в. на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Е.И. Алексева: «Штаб... ничего к рассылке не имеет...», – гласила красноречивая резолюция ответственного штабного офицера на одной из войсковых заявок [132, с. 769].

«Из опыта... кампании... 1900 г. (Китайского похода русских войск в 1900–1901 гг. – *Гл.*), – писал 20 декабря 1903 г. начальник штаба заместителя генерал-майор В.Е. Флуг генерал-квартирмейстеру штаба Приамурского военного округа полковнику В.А. Орановскому и начальнику штаба Квантунской области пол-

ковнику Н.С. Глинскому, – наместник убедился, что войска, принимавшие в ней участие, были крайне скудно снабжены картами и сведениями относительно вооруженных сил соседних государств и соседних театров военных действий и бытовых сторон населения. В виду вышеизложенного его высокопревосходительством, придавая этому вопросу серьезнейшее значение, приказал неотлагательно принять все меры к тому, чтобы войска были снабжены возможно обильно новейшими картографическими материалами, сведениями о сопредельных странах, а также данными о вооруженных силах соседей, об их быте, приемах обучения, воспитания, тактической подготовке... Сообщенные войскам материалы не должны лежать в архивах, а должны являться предметом чтений, бесед во время тактических занятий и т.д.» [132, с. 769].

Очевидно, опыт Китайского похода в «верхах» военного командования прошел практически бесследно. Но, тем не менее, разработанный военным министром генерал-адъютантом А.Н. Куропаткиным и «высочайше утвержденный» императором Николаем II стратегический план войны с Японией необходимыми для организации и ведения боевых действий топографическими картами был все-таки обеспечен [48, с. 342–345]. Необходимо было только своевременно доставить эти карты в войска, что уже не входило в компетенцию Н.Д. Артамонова.

К концу 1903 г. с Дальнего Востока стали поступать тревожные сигналы о надвигающейся войне. 24 января 1904 г. Япония заявила о разрыве дипломатических отношений с Россией, а в ночь с 26 на 27 января японская эскадра атаковала Порт-Артур. Так началась Русско-японская война.

28 января Православная церковь чтит память преподобного Ефрема Сирина. В этот день военные топографы отмечали свой официальный воинский праздник – праздник ВТУ Главного штаба и КВТ [144, с. 80]. Как это было принято и в мирное время, начальник Главного штаба подписал соответствующий праздничный приказ, в большом Портретном зале Главного штаба, а также в церкви Военно-топографического училища состоялись «торжественные молебствия». Чрезвычайно важный для командиров и штабов всех степеней труд военных топографов в то время высоко ценился, поскольку со времени царствования Петра I без карты с информацией о местности и противнике не проходило ни одно сражение.

Вскоре после начала войны 8-я Восточно-Сибирская стрелковая бригада, дислоцирующаяся в крепости Владивосток, раз-

вернулась в стрелковую дивизию. Ее командующим⁵ был назначен временно и.д. коменданта крепости генерал-майор Л.К. Артамонов. 21 февраля у станции Пограничной в составе военно-прокурорского надзора суда Маньчжурской армии границу Российской империи пересек его родной брат Михаил – военный прокурор Приамурского военного округа, получивший чин генерал-майора «за отличие» в Китайском походе русских войск 1900–1901 гг.

22 февраля младший сын Н.Д. Артамонова Василий – командир батальона 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, штабс-капитан – «за отменную храбрость», проявленную «при японской бомбардировке крепости и порта Владивосток» был «высочайшим указом награжден» очередным боевым орденом – Св. Анны 3-й степени с мечами. Спустя месяц после этого он получил назначение в Маньчжурскую армию⁶.

За период между двумя войнами численность КВТ, во главе которого был Н.Д. Артамонов, несколько возросла за счет увеличения более чем вдвое числа офицеров в чинах штабс-капитан и капитан. В частности, на 1 января 1904 г. в корпусе состояло: генералов – 13, полковников – 25, подполковников – 54, капитанов и штабс-капитанов – 170, поручиков и подпоручиков – 111, классных топографов – 143, гражданских чиновников – 1. Всего 517 человек, из которых офицеров – 373. Армейских офицеров, имеющих соответствующую топографическую подготовку и прикомандированных к корпусу, числилось – 72 [30, с. 44–45]. Качественный состав офицеров корпуса, привлекаемых к выполнению полевых работ, был представлен 11 астрономами-геодезистами, 30 топографами-триангуляторами и около 300 топографами-съемщиками [110, с. 1].

В ВТУ Главного штаба по штату в то время полагалось иметь (и примерно столько же было): генералов – 1, полковников (могли быть генерал-майоры) – 2, штаб- и обер-офицеров – 4, гражданских чиновников – 6 [48, с. 156]. Ближайшими помощниками Н.Д. Артамонова были военный геодезист полковник Н.О. Щеткин – начальник геодезического отделения ВТУ Главного штаба, широко известный к тому времени своими научно-практическими работами, а также полковник П.А. Рафаилов – сначала помощник начальника, а затем начальник Картографи-

⁵ Командующий дивизией – временно исполняющий должность командира дивизии. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. во главе дивизий, развернутых на базе резервных пехотных бригад, стояли, как правило, командующие.

⁶ РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12.

ческого заведения ВТУ Главного штаба, опытный военный топограф, отличившийся в молодые годы в съемке и составлении первой карты Северо-Западной Монголии в масштабе 50 верст в дюйме во время одной из географических экспедиций [48, с. 252].

С началом войны КВТ на Дальнем Востоке был представлен Приамурским ВТО, топографическим отделением при управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии и немногочисленным составом корпусных офицеров-топографов.

Приамурский ВТО состоял из трех штатных отделений и включал в себя: 3 начальников отделений, 25 съемщиков, 3 производителей астрономических работ, 2 производителей геодезических работ, 3 производителей картографических работ и секретаря. Итого вместе с начальником отдела было 37 человек [31, с. 24]. В специальном отношении отдел подчинялся начальнику ВТУ Главного штаба и КВТ, предназначался для выполнения обширных астрономо-геодезических работ и так называемых «сплошных нормальных съемок» в тылу Маньчжурской армии, а также для оперативных картоиздательских и других работ по заявкам штаба округа и действующей армии.

Топографическое отделение при управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии имело в своем составе начальника отделения из офицеров Генерального штаба и 5 офицеров КВТ, назначенных на должности военного времени из состава Приамурского ВТО. Двое из числа офицеров-топографов одновременно заведовали чертежной и походной фотографией штаба. В соответствии с Положением о полевом управлении войск «к предметам занятия топографического отделения» относились: а) «собираение, содержание в постоянной исправности и возможной полноте» топографических сведений о ТВД; б) переписка по организации и использованию геодезических, топографических и картографических работ, «предпринимаемых в районе расположения армии»; в) «своевременное требование, заготовление, хранение и рассылка в войска и управления карт и планов» [128, с. 12, 35]. Отделение имело один печатный станок. Обслуживающий персонал (писарей и чертежников) подбирали из войсковых частей [94, с. 7].

В штабах корпусов, входящих в состав армии, было положено иметь одного топографа (классного чиновника), а в отдельных корпусах – двух топографов (обер-офицеров) [128, с. 62]. Конкретных обязанностей корпусные топографы в то время не имели – их использовали по усмотрению начальников штабов

[94, с. 7]. В штабах дивизий топографов по штату не полагось⁷.

На ТВД «начальником всех офицеров Генерального штаба и чинов Корпуса военных топографов, находящихся в армии», являлся генерал-квартирмейстер штаба армии, который «заботится о собирании сведений о неприятеле, о путях сообщения и о местности и для сего руководит всеми рекогносцировочными и съемочными работами... Содержание этих сведений в возможной полноте и готовности к практическому пользованию лежит на его непосредственной обязанности...» [128, с. 3].

Генерал-квартирмейстер также «принимает меры для своевременного доставления войскам и управлениям необходимых карт и планов, а начальникам войск и нужных сведений о неприятеле и театре войны... Заботится о том, чтобы армия имела достаточное число офицеров Генерального штаба и Корпуса военных топографов... Пользуется правом представлять начальнику штаба армии свои заключения по всем представлениям, касающимся назначений на должности и перемене в служебном положении означенных чинов, а также по представлению их к наградам...» [128, с. 36–37].

Начальник штаба корпуса «своевременно требует и доставляет войскам и управлениям корпуса необходимые карты и планы и сообщает войсковым начальникам и управлениям корпуса сведения о неприятеле и местности, а также о расположении и действиях частей корпуса и об общем ходе военной операции... Следит за тем, чтобы обязанности офицеров Генерального штаба, состоящих при войсках корпуса, как в отношении штабного делопроизводства, так в особенности относительно специальных работ, как-то: производства рекогносцировок, съемок, выбора мест расположения и путей для движения войск и ведения журнала боевых действий, исполнялись с надлежащей полнотою и добросовестностью...» [128, с. 118–119].

Начальник штаба дивизии «лично производит и руководит производством рекогносцировок дорог, позиций и расположения неприятеля, а равно и производством соответствующих съемочных работ... Он своевременно требует и доставляет войскам и управлениям дивизии необходимые карты и планы и сообщает войсковым начальникам сведения о неприятеле и местности...» [128, с. 137–138].

⁷ В течение первых семи–восьми месяцев войны Маньчжурская армия обслуживалась одиннадцатью топографами, из которых пятеро состояли в штабе армии и шестеро в штабах корпусов (1-го, 2-го, 3-го, 4-го Сибирских корпусов, 10-го и 17-го армейских корпусов) [94, с. 8].

Офицеров КВТ, состоявших «при Полевом штабе Маньчжурской армии, при штабе тыла, при штабах мобилизованных корпусов и отдельных отрядов» назначали, как правило, распоряжением начальника ВТУ Главного штаба из чинов, находившихся в полевых частях (съёмках и триангуляциях) Европейской России, частично – непосредственным распоряжением главнокомандующего из чинов Приамурского ВТО. «Кроме картографических работ, производства съёмок и рекогносцировок... [они] составляли дислокации войск, делали с земли и с воздушных шаров, зачастую под сильным артиллерийским и ружейным огнём, рекогносцировки и съёмки неприятельских позиций и укреплений; определяли (геодезическим способом) расстояния для стрельбы осадных, мортирных и полевых батарей армий; составляли и издавали карты для военных операций из маршрутов, съёмок и рекогносцировок как собственных, так и других офицеров штаба, а также по источникам, добытым разведевательным отделением от пленных японцев (кроки и маршрутные карты), составляли карты местности, занятой неприятелем; исполняли обязанности офицеров Генерального штаба, участвуя в рекогносцировочных отрядах и исполняя различные поручения в качестве ординарцев и колонновожатых, поручения по выбору позиций, установке батарей и войск разных родов оружия на позициях и т.п. и, наконец, принимали непосредственное участие в боях в составе полевых штабов...» [110, с. 7–8].

Буквально с первого дня войны многие офицеры КВТ и прикомандированные к нему армейские офицеры стали добиваться перевода в действующую армию на Дальний Восток. В дело пошли официальные рапорты, личные письма, телеграммы (посылаемые в столицу на имя начальника ВТУ Главного штаба генерал-лейтенанта Н.Д. Артамонова, других должностных лиц), а также связи, знакомства и пр. Так, в телеграмме, направленной в адрес правителя канцелярии ВТУ от прикомандированного к Тифлисскому ВТО штабс-капитана 105-го пехотного Оренбургского полка Белозерского, 29 января 1904 г. говорилось: «Слышал есть надобность пяти человек [в] Полевой штаб [на] восток. Соболаволите доложить начальнику отдела мое желание»⁸. Двумя днями позже рапортом на имя начальника ВТУ от Корпуса военных топографов штабс-капитана А.В. Любичского из С.-Петербурга излагалась просьба: «Прошу ходатайства Вашего превосходительства о назначении меня в Полевой штаб наместника е.и.в.

⁸ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1595. Л. 1.

на Дальний Восток. При сем присовокупляю, что на личную мою о том просьбу начальник помянутого штаба готов был изъявить свое согласие на мое назначение...»⁹. Аналогичные прошения поступили и от других офицеров-топографов.

7 февраля из Хабаровска в ВТУ Главного штаба пришла телеграмма за подписью начальника Приамурского ВТО генерал-майора П.Н. Поляновского¹⁰: «Если предстоят какие-либо назначения во вверенный мне отдел, то прошу только чинов корпуса...»¹¹. В этот же период в Военное министерство потоком пошли письменные обращения о назначении в действующую армию от гражданских маркшейдеров, землемеров, а также от офицеров запаса, когда-то занимавшихся топографическими съемками и геодезическими работами. Эти прошения отсылались на рассмотрение Н.Д. Артамонову. Последний в вежливой и корректной форме отказывал всем, разъясняя, что «комплектование вакантных должностей военного времени осуществляется исключительно офицерами Корпуса военных топографов».

15 марта из С.-Петербурга в маньчжурский город Ляоян прибыл командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин и вскоре к югу от окрестностей города была проведена рекогносцировка местности, в ходе которой офицеры Генерального штаба проверяли «правильность двухверстной карты, состояние и проходимость дорог». Когда командующему было доложено о срочной необходимости «двухверстной съемки далее на север, в направлении Янтайских копей», он глубокомысленно изрек: «Ну, Бог даст, мы японцев досюда не допустим!» [113, с. 152].

Действительно, «к северу от Ляояна в топографическом отношении местность была вообще мало обследована», на что «не раз обращалось внимание» командования. Для устранения этого недостатка еще в 1902–1903 гг. были организованы работы так называемых описных партий, во главе которых стояли офицеры Генерального штаба. Они проводили маршрутные и глазомерные съемки, однако их качество было невысоким [110, с. 1–2].

По окончании рекогносцировки с участием генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина офицерам-топографам штаба Маньчжур-

⁹ Там же.

¹⁰ С 14 февраля 1904 г. в должность начальника Приамурского ВТО вступил полковник С.С. Козловский.

¹¹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1595. Л. 24.

ской армии была поставлена задача по крупномасштабной съемке Ляоянского укрепленного района, которая была выполнена в мае-августе того же года [94, с. 9].

8 апреля 1904 г. «государь император [Николай II] обозрел в залах Зимнего дворца геодезические, топографические и чертежные работы, произведенные в 1902 и 1903 гг. чинами Генерального штаба, КВТ, и, оставшись совершенно доволен их исполнением, объявил в числе прочих лиц [генерал-лейтенанту Н.Д. Артамонову] монаршую благодарность...»¹². Позже подобные «обозрения» проводились в мае 1906 г., апреле 1908 г., мае 1910 г. и каждый раз Н.Д. Артамонов получал «монаршую» благодарность.

В Маньчжурии же в это время русская армия отступала на север к Ляояну и Хайчену согласно «высочайше» утвержденному плану войны. Все эти пять безрадостных месяцев с начала войны геодезисты и топографы Приамурского ВТО томились в Хабаровске. «Наконец, – пишет в своих воспоминаниях Корпуса военных топографов штабс-капитан В.В. Бух, – в начале июля нам было разрешено приехать в Мукден, где и обещали дать команду [нижних чинов]. Немедля собрались мы и прибыли в столицу Южной Маньчжурии в середине июля, где также не радость нас ожидала... Около недели наши начальники отделений ходили с ходатайством в штабы, канцелярии и управления, пока, наконец, удалось получить необходимую команду. Распределив людей и получив предписания, мы разъехались по своим участкам...» [71, с. 284–285]. Основные же силы КВТ на Дальнем Востоке – личный состав Приамурского ВТО – к работам в Маньчжурии приступили «еще позднее, только в начале августа, так как раньше не признавалось возможным назначить к геодезистам и съемщикам нижних чинов для прислуги при работах и для охраны...» [31, с. 24].

Астрономические работы включали определения географической широты и азимута направления в начальном пункте триангуляционной сети, расположенном в Харбине, а также координат астрономических пунктов хронометрическими рейсами в районе между Ляояном и Телином. Геодезические работы состояли в измерении базиса близ Харбина и в продолжении тригонометрических сетей к востоку, западу и югу от него вдоль железнодорожной линии для предполагавшихся здесь в 1905 г. 2-верстных съемок.

¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

Для выполнения топографических работ в Маньчжурию были посланы два отделения во главе с начальниками и 10 съемщиками. Топографические работы состояли в инструментальной и полуинструментальной съемках в 2-верстном масштабе сначала в небольших отдельных районах вблизи Харбина, Янтайских копей, станции Шахэ и Мукдена, а затем в Телин-Кайюанском районе и в районе, занимающем площадь между Мукденом, Фушунем и Синцзинтином. Они продолжались до конца августа 1904 г., не прекращались и во время Ляоянского сражения [88, 89].

Заметим, что перед этим сражением в русских войсках не было топографических карт крупного масштаба, необходимых для обеспечения «сосредоточенной стрельбы нашей артиллерии по площадям». В связи с этим «распоряжением инспектора инженеров армии было приступлено к составлению 1-верстовой карты Ляоянских передовых позиций и впереди лежащей местности, с разделением карты на квадраты. Вообще, в картах Ляоянских укреплений чувствовался сильный недостаток» и более того «сильно задержалось снабжение картами войск, сосредоточившихся для боя под Ляояном» [133, с. 16]. Однако «в первый день боя на Ляоянских передовых позициях, 17 августа, войска начали получать как... планы, так и различные инструкции и наставления, а именно: 1) план укреплений окрестностей Ляояна; 2) план укреплений восточнее Ляояна; 3) план Ляоянских передовых позиций; 4) указания командующего армией начальникам отдельных частей... План же главных Ляоянских позиций в некоторых войсках, как, например, в 1-м Сибирском армейском корпусе не был получен до 20 августа. То обстоятельство, что большей части наших войск пришлось оборонять позиции совершенно им незнакомые, выстроенные или другими частями, или китайцами, занимать эти позиции и оборонять их после весьма тяжелых отступательных переходов, не ознакомившись при том заблаговременно не только с самой местностью, но даже и с картами вверенных им позиций и впереди лежащей местности, – не могло не создать значительных затруднений для начальников и войск, оборонявших 17 и 18 августа Ляоянские передовые позиции против превосходящих сил неприятеля...» [133, с. 16–17].

После отступления Маньчжурской армии от Ляояна на север «в русском обществе впервые возникла мысль, что конечная победа России, пожалуй, не обеспечена...» [123, с. 245]. В ходе первого генерального сражения войны 1904–1905 гг. отчетливо проявились крупные недостатки в организации, стратегии и тактике русских войск, что было почти единогласно признано на конфе-

ренции в Николаевской Академии Генерального штаба, состоявшейся в 1906 г. Поднимался на конференции и вопрос о топографическом обеспечении. В частности, генерал-лейтенант Я.Г. Жилинский – бывший начальник Полевого штаба наместника е.и.в. на Дальнем Востоке – заявил в своем выступлении следующее: «Указание на отсутствие карт, как на одну из причин наших неудач до Ляоянского сражения, не совсем справедливо. Штаб Квантунской области в этом отношении дал все, что мог, а именно: им произведена была инструментальная съемка громадного района, заключающего между Порт-Артуром–Ляояном–Инкоу–Иджу. Кроме того, к началу войны было издано прекрасное описание Южной Маньчжурии с хорошей 20-верстной картой. Но этого описания не только никто не знал, но даже редко кто и видел его. В июле 1904 г. для пополнения существовавших карт производились съемки топографами, выписанными из Владивостока и Хабаровска. Однако производить съемочные работы топографам было крайне затруднительно, так как всюду сновали хунхузы¹³. Вследствие этого съемки были произведены преимущественно вблизи железной дороги. Независимо от этого офицерами Генерального штаба производились рекогносцировки, которые давали отличные результаты, но никакие съемки... ничего не помогут против стратегически тактических ошибок...» [131, с. 247–248].

Отступавшая к Мукдену русская армия надежно прикрывалась. Впрочем утомленные боями, маршами и потерями японцы «наседать» все равно не могли. Да и «дальнейшее преследование русской армии не входило в планы главной квартиры маршала маркиза Ойямы (главнокомандующего японскими маньчжурскими войсками. – Гл.); японская армия получила приказание разобраться и развернуться на правом берегу реки Тайдзыхэ на линии Янтайские копи–Янтай–Лабатай...» [134, с. 294].

Отступление русских войск было крайне тяжелым и, докладывая государю о «движении в полном порядке», генерал-адъютант А.Н. Куропаткин явно лукавил. После войны в своих заметках о войне с Японией бывший начальник штаба 5-го Сибирского армейского корпуса генерал-майор М.Г. Яковлев этот отход описывал так: «Распространенного мнения, что отступление нашей армии к Мукдену... в примерном порядке, не могу разделить. Отсутствие потерь орудий, обозов и т.д. следует отнести главным образом к тому, что японцы нас совершенно не преследовали... Я не знаю, как отступали арьергарды, – уверен, что в полном по-

¹³ Хунхуз – разбойник.

рядке, – но главные силы армии, в виде лавы из войск, обозов, госпиталей, парков, штабов текли на север вперемежку. Главной причиной этого было отсутствие карт местности между Ляояном и Мукденом. Была маршрутная 4-верстная съемка железной дороги и Мандаринской дороги приблизительно полосой в 8 верст, но она была очень не точна и не полна.... Хотя к приказанию по армии об отступлении... и было приложено кроки дорог, распределенных между корпусами, но кроки это было настолько схематично, что по нему ориентироваться нельзя было. Большинство параллельных Мандаринской дорог имели выходы на нее, поэтому много войск, обозов и т.д. в конце концов, очутились на ней. Например, наш... корпус должен был отступать... по самой восточной дороге, а между тем уже на втором переходе за отсутствием карт очутился у Сахэпу на Мандаринской дороге... Войска и обозы отступали несколько дней...» [134, с. 291–292].

Оборона передовой позиции, расположенной к югу от Мукдена, была возложена на 10-й армейский корпус генерал-лейтенанта К.К. Случевского. Незамедлительно начались все необходимые инженерные работы, на позицию подвезли осадные орудия, были проведены геодезическая «инструментальная засечка подлежащих обстреливанию пунктов», разведка и фотографирование неприятельских позиций с воздушного шара¹⁴. Наряду с этими работами по обороне принимались меры по подготовке перехода в наступление»: офицеры Генерального штаба «командировались для разведок местности и составления маршрутов» [131, с. 251]. Основной же части войск, занявшей оборонительные позиции под Мукденом, был дан продолжительный отдых (до 20-го сентября). Представителям КВТ было, напротив, не до отдыха. Командование вдруг о них вспомнило – им предстояла большая и ответственная работа по картографированию прифронтовой полосы и тыла Маньчжурской армии.

«До Ляоянских боев (12–21-го августа 1904 г.) армия, за исключением лишь крайнего левого фланга..., была обеспечена очень точной и достаточно подробной двухверстной картой, но, с отступлением от Ляояна, положение армии в отношении планов и карт района военных действий ухудшилось: приходилось делать все передвижения и производить операции в чрезвычайно пересеченной и неизвестной местности и среди чуждого населения, не имея сплошной подробной карты...» [110, с. 3]. По сосредоточении у Мукдена «армия имела в распоряжении только 4-верстную

¹⁴ Более подробно об аэрофотографической разведке см. в статье [91].

карту издания Главного штаба... В районе новых Мукденских, а затем Сипингайских позиций и в тылу имелась только примитивная 10-верстная «зеленка», на которой было больше пустых мест, чем заснятых и притом не всегда опытными специалистами. Кроме «зеленки», еще имелись редкие маршруты «описных партий фудутунств¹⁵», выполненные в 1900–1903 гг. в масштабах 2, 4 и 5 верст в дюйме, несогласованные между собою и недостаточно освещающие местность», поэтому «вопрос о топографической карте встал во всей его остроте... Последнее обстоятельство, очевидно, и заставило генерал-адъютанта Куропаткина обратиться к начальнику Главного штаба с телеграммой от 26-го августа 1904 года, в которой, кроме просьбы о присылке с курьером карт, было указано на необходимость произвести целый ряд глазомерных съемок с целью пополнения маршрутов четырехверстной карты, для чего он просил командировать 25 офицеров-топографов с инструментами и 10 производителей картографических работ для пополнения существующих карт...» [110, с. 3].

«Почему же так случилось, что столь необходимых для организации и ведения боевых действий двухверстных топографических карт в войсках не оказалось? Кто же, в конце концов, в этом виноват?» – повсеместно возникали вопросы, остающиеся без ответа.

Основная причина такого положения с картами, по мнению Н.Д. Артамонова, состояла в том, что в штабе Маньчжурской армии не был предусмотрен ВТО с военным геодезистом во главе. При наличии такого отдела, как показал опыт Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., ничего подобного бы не случилось, войска всегда имели бы необходимые карты и в достаточном количестве. «Начиная с сентября 1904 года и до конца февраля 1904 года, – писал позже он в своем докладе «Об организации топографической службы в действующей армии», – крупнейшие боевые столкновения двух враждующих армий произошли на участке..., ограниченном с юга прямою линией, проходящей с запада на восток через город Ляоян, с севера прямо через город Мукден, с запада – направлением меридиана г. Симентин, с востока – меридиана г. Синдзинчин.

Величина этого пространства около 8000 кв. верст. 20 офицеров Корпуса военных топографов могли бы снять точно инструментально в двухверстном масштабе все это пространство в течение двух с половиною – трех месяцев... Это пространство с начала войны и до сентября 1904 года, т.е. в течение 6 месяцев, было в полной власти командующего русской армией.

¹⁵ Фудутунство – административный район в Маньчжурии.

В распоряжении Полевого штаба армии, считая личный состав Приамурского Военно-топографического отдела и офицеров топографов при корпусах, во все это время было более 30 офицеров. Сверх того, по распоряжению из Петербурга, в течение месяца всегда можно было бы прислать требуемое число офицеров по первой телеграмме из штаба армии. И, несмотря на все вышеизложенное, все это столь необходимое для действий русской армии пространство, на котором разыгрались все крупнейшие военные действия с сентября 1904 года и по март 1905 года, не было снято инструментально; а на недостаток в хороших военно-топографических картах именно этого пространства в 8000 кв. верст и раздавались постоянные жалобы от войск. Повторяю, такого печального явления по топографической части не могло бы быть, если бы в организации Полевого штаба армии был бы самостоятельный топографический орган с начальником военным геодезистом во главе...» [110, с. 17].

К сожалению, в Военном ведомстве, возглавляемом бывшим начальником Главного штаба генерал-адъютантом В.В. Сахаровым, в обязанности которого входила организация и контроль выполнения мероприятий по топографическому обеспечению войск русской армии, к мнению боевого генерала не прислушались, полагая, что опыт давно минувшей русско-турецкой войны уже неприемлем. Однако, как только войскам понадобились топографические карты на «белые пятна» Маньчжурии начальнику ВТУ Главного штаба и КВТ генерал-лейтенанту Н.Д. Артамонову тотчас была поставлена задача по их срочному созданию. Успешно решить ее, находясь в далеком С.-Петербурге, было нелегко, поскольку требовалось в сжатые сроки развернуть новые полевые части – съемки – и подобрать авторитетных их начальников, достойных офицеров-исполнителей. Последнее было особенно важно, ибо выполнять астрономо-геодезические и топографические работы предстояло в полосе действующей армии, при огневом воздействии противника и в сложных условиях надвигающегося осенне-зимнего периода.

В Маньчжурии между тем также предпринимались срочные меры по картографированию северной части обширной территории Мукденской провинции. «В конце августа были вытребованы из Хабаровска топографы, – пишет уже после войны, в начале 1918 г., в отчете об участии КВТ в русско-японской войне временно и.д. начальника ВТО ГУ ГШ генерал-майор Я.И. Алексеев. – Штаб округа счел возможным прислать 4-х топографов». Тогда же совместно с имеющимися в Маньчжурской армии двумя съез-

мочными отделениями «была организована работа следующим образом: 1) 3 топографа снимали район к востоку от железной дороги до восточной рамки 4-верстной карты, между Хуньхэ и линией конных застав. Один топограф снимал район между Мукденом и Фушунюм; 2) съемочные отделения были командированы в тыл для полуинструментальной съемки Телин-Кайюанского района...» [110, приложение II, с. 12].

Одновременно с этим в указанный район «командировались офицеры Генерального штаба для разведок местности и составления маршрутов; по этим работам спешно составлялась карта...» [131, с. 251].

Получив телеграмму от командующего Маньчжурской армии с заявкой «на потребное число» офицеров КВТ, временно и.д. начальника Главного штаба генерал-лейтенант П.А. Фролов «28-го августа представил военному министру доклад (проект которого был составлен Н.Д. Артамоновым. – *Гл.*) о необходимости сформировать при Полевом штабе Маньчжурской армии особую Маньчжурскую съемку в составе 4-х начальников отделений и 35-ти производителей топографических и картографических работ. Разрешение на формирование съемки было дано при условии причисления ее к Полевому штабу наместника.

Новую съемку решено было сформировать командированием чинов из состава четырех съёмков, [размещавшихся] в Европейской России, взяв с каждой из них по одному отделению, усиленному до 10-ти съёмщиков. Такое именно решение, а не командирование целой съемки, было признано наиболее целесообразным, так как все чины съёмков в это время были на полевых работах и немедленное командирование на театр военных действий какой-либо съемки в полном составе, помимо разных затруднений и задержек, сопряженных с ликвидацией всех дел, привело бы к приостановке полевых работ целой съемки. Действительно, вследствие такой организации, работы в Европейской России почти не пострадали в 1904 г. от выделения чинов на формирование Маньчжурской съемки.

28-го августа, по получении от военного министра разрешения на формирование Маньчжурской съемки, были посланы соответственные предупреждения всем начальникам съёмков, с приказанием немедленно наметить чинов для таковой, а также был запрошен начальник съемки Юго-Западного пограничного пространства, генерал-майор Гладышев, о согласии его на назначение начальником вновь формируемой... съемки. 31-го августа были сделаны все распоряжения о снятии с работ и командировании в С.-Петербург чинов, предназначенных в состав этой съемки.

1-го сентября последовал ответ от начальника штаба заместника на телеграмму от 29-го августа с извещением, что заместитель признает весьма желательным формирование топографической съемки при его Полевом штабе.

По докладу от 8-го сентября положением Военного совета от 9-го сентября 1904 г. был утвержден штат Маньчжурской съемки и разрешены денежные отпуска, как на операционные расходы по производству работ этой съемки в 1904 и 1905 гг., так и на единовременные расходы по формированию управления новой съемки...» [110, с. 3–4]. В частности, в выписке из журнала Военного совета от 9 сентября 1904 г. отмечается: «Военный совет, соглашаясь с мнением начальника Главного штаба, положил: 1) Сформировать Маньчжурскую военно-топографическую съемку при Полевом штабе заместника в составе: начальника..., помощника его, секретаря, астронома, четырех начальников отделений и тридцати пяти производителей топографических и картографических работ с подчинением начальника этой съемки непосредственно начальнику штаба заместника. 2) Означенным чинам присвоить служебные права, содержание и прочее довольствие для таковых должностей существующими узаконениями определенные... 3) Ассигновать из военного фонда средства для Маньчжурской съемки... Подписал начальник Канцелярии генерал-лейтенант Редигер»¹⁶.

Параллельно с формированием Маньчжурской съемки в действующей армии на Дальнем Востоке спешно составлялась 4-верстная топографическая карта на территорию, лежащую к северу от Ляояна. За основу была принята карта того же масштаба издания ВТО Главного штаба, которую дополнили результатами инструментальной и маршрутной съемок, а также данными, позаимствованными с имеющейся в наличии японской карты. 2 сентября 1904 г. вышло в свет первое издание 4-верстной карты, 8 сентября – второе, дополненное результатами новых рекогносцировок. Но обилие надписей, «забывающих» карту, вынудило составителей перевести ее в более крупный (2-верстный) масштаб и вновь издать 16 сентября. К сожалению, и эта карта не отличалась высоким качеством [110, с. 11].

А в С.-Петербурге под руководством и при деятельном участии Н.Д. Артамонова продолжалась организационная работа. «10-го сентября последовало распоряжение Военного совета (обнародованное Правительствующим Сенатом 15-го января 1905 года) об учреждении при Полевом штабе заместника на Дальнем Востоке Маньчжурской топографической съемки (при-

¹⁶ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1622. Л. 16–17.

каз по Военному ведомству от 17-го сентября 1904 года № 57) в составе: начальника съемки, его помощника, секретаря, астронома, 4-х начальников съёмочных отделений и 35-ти производителей топографических и картографических работ с подчинением начальника этой съемки непосредственно начальнику штаба заместника.

15-го сентября все назначенные чины были собраны в С.-Петербург при Военно-топографическом управлении, получили все следующее им путевое и подъемное довольство и необходимые инструменты, подготовили их при помощи механической мастерской управления к отправке на театр военных действий и одновременно с этим обзавелись необходимым походным снаряжением. Кроме того, начальником съемки были приобретены для всех офицеров съемки и команд нижних чинов при работах походные палатки из непромокаемой парусины, а для управления съемки были заготовлены необходимые предметы и материалы. Затем, по сношению с Управлением военных сообщений, для всех чинов и грузов Маньчжурской съемки, распоряжением этого управления были назначены особые классные и товарные вагоны прямого сообщения и сделаны необходимые телеграфные сношения с управлениями дорог для беспрепятственного следования съемки до города Харбина...» [110, с. 4–5].

16 сентября в адрес начальника штаба заместника генерал-лейтенанта Я.Г. Жилинского была направлена телеграмма за подписью начальника ВТУ Главного штаба генерал-лейтенанта Н.Д. Артамонова о принятом Военным советом решении по поводу формирования Маньчжурской съемки и ее составе. В ней также сообщалось, что «полевые работы в текущем году предполагаются на два месяца; конной и пешей прислуги при работах потребуются 265 нижних чинов...»¹⁷.

19 сентября императору Николаю II был представлен доклад военного министра «по Военно-топографическому управлению... «О назначении начальника Маньчжурской топографической съемки», в котором говорилось, что «начальником вновь учреждаемой съемки полагалось бы назначить... Генерального штаба генерал-майора Гладышева, который и по служебной опытности, и по состоянию здоровья, и по знакомству с Дальним Востоком... является наиболее подходящим лицом для этой должности при трудных условиях военного времени» и «вполне аттестуется» начальником ВТУ Главного штаба и КВТ¹⁸. Приказ о назначении состоялся 21 сентября [110, с. 4].

¹⁷ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1622. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 83.

«26-го сентября, т.е. ровно через месяц по получении телеграммы от генерал-адъютанта Куропаткина, вновь сформированная Маньчжурская съёмка в составе 42-х чинов отбыла из С.-Петербурга на Дальний Восток...» [110, с. 4–5]. В этот же день... генерал-лейтенант П.А. Фролов подписал приказ, в котором говорилось, что... генерал-лейтенанту Н.Д. Артамонову «всемилоостивейше пожалован... знак... за беспорочную службу им в офицерских чинах 40 лет, что и занести в его послужной список...»¹⁹.

15 сентября 1904 г. командующим Маньчжурской армией был подписан приказ № 8 о наступлении. Предстояло сражение, которое вошло в историю как Шахэйское. Эта весть «была принята нами радостно, – вспоминает командир батальона 88-го Петровского полка 22-й пехотной дивизии подполковник В.И. Селивачев. – Каждый чувствовал, что в его жизни начинается новая эра... 21-го сентября корпус получил приказание передвинуться к деревне Ваньяпуза...». Когда дивизия прибыла в назначенный район и встала на ночевку, «охранение на бивуаке было возложено на роту нашего полка... К сожалению, охранение было выставлено в темноте и ротный командир, не снабженный картою, не мог ночью хорошо выполнить свою задачу. Вообще, карты нам были выданы маршрутные [масштаба] 4 версты в дюйме, работать по коим было трудно даже и тогда, когда мы случайно попадали на нанесенные дороги... Правда, вскоре нам выдали несколько пополненные карты, но таковых на полк было лишь две... Приходилось срисовывать с этих карт нужные участки, чтобы снабдить ими хотя бы командиров батальонов и рот. О снабжении же ими унтер-офицеров говорить уже не приходилось...» [137, с. 8–10].

Приказом № 8 русские войска были разделены на отряды: Западный отряд под командованием генерала от кавалерии барона Бильдерлинга и Восточный отряд под командованием генерал-лейтенанта барона Штакельберга. Правый фланг охраняли отряды генерал-лейтенанта Дембовского и генерал-майора Косоговского, левый – отряд генерал-лейтенанта Ренненкампа и полковника Мадритова. Тыл обеспечивал 6-й Сибирский корпус. Общий резерв составляли 4-й Сибирский и 1-й армейский корпуса, отдельная Забайкальская дивизия [131, с. 306–307].

«Главная роль была поручена Восточному отряду. Вместе с тем отряд этот был поставлен в чрезвычайно трудные условия. Он должен был наступать вслепую, в совершенно не исследован-

¹⁹ Приказы начальника Главного штаба, 1904.

ной и не занесенной на карту местности, в диких горах верхней Шахэ. Генерал Штакельберг констатировал, что район, где ему надлежало действовать, был отмечен на карте белыми пятнами. Это «горное» направление сулило мало выгод...» [116, с. 433].

Действительно, во всем районе, где предстояло действовать войскам Восточного отряда, «ощущался большой недостаток карт... Наиболее важный участок, на котором отряду [генерал-майора Грекова] необходимо было поддерживать связь между войсками 1-го и 4-го Сибирских корпусов, представлял собой белое пятно. Не лучше обстояло дело в этом отношении и в других отрядах и штабах, не исключая Полевого штаба самого командующего армией. Разосланные в войска незадолго до перехода в наступление (около 17–20 сентября) карты 2-верстного масштаба... представляли собою отчасти увеличенные копии с имевшихся маршрутных карт этого района в масштабе 4 версты в дюйме, отчасти – компиляции производившихся маршрутных съемок... Наибольшие погрешности и пробелы на таких картах получились в отношении районов гористых... Кое-какие довольно скудные топографические данные показаны только вдоль некоторых маршрутных путей, пройденных в свое время при рекогносцировках. Вся же местность, лежащая в стороне от этих путей, представляет собою большей частью обширные белые пятна, что равносильно отсутствию карт.

Это обстоятельство и вынуждало войска прибегать к частым рекогносцировкам, чтобы сколько-нибудь облегчить свое положение в отношении ориентировки на совершенно незнакомой местности, что неизбежно отражалось на ходе военных действий, так как приходилось тратить время на рекогносцировки тогда, когда нужно было действовать...» [135, с. 142–143].

Кстати, в распоряжении командующего Маньчжурской армией генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина была такая же крайне неудовлетворительная и мало соответствующая местности карта. Когда после войны военно-исторической комиссии по изучению войны 1904–1905 гг. потребовались документы для описания Шахэйского сражения и ее члены обратились к бывшему командующему, то он не мог представить ничего, кроме этой злополучной карты с белыми пятнами. На ней он собственноручно написал, будто расписался в своей беспомощности: «Приложена карта, каковая была и у меня. Более подробных карт и картографических материалов не было» [135, с. 143].

Утром 22 сентября Маньчжурская армия перешла в наступление. «Многочисленными разведками, произведенными офицера-

ми Генерального штаба в течение 22-го и 23-го сентября, было выяснено, что главные силы японцев укрепились на высоком, скалистом кряже к югу от Баньюпузы... 24 сентября, на третий день похода, войскам Восточного отряда был дан отдых...» [131, с. 308–309]. Во время него была произведена рекогносцировка местности. Последняя была вызвана тем, что «с самого начала наступления обнаружилась неудовлетворительность карт, имевшихся в распоряжении войск. Так, рекогносцировкой, произведенной 23 сентября... конным отрядом... было выяснено, что расстояние между деревнями Тайдямяуза и Хоушитай совершенно не соответствовало показаниям карты. При таких условиях частые рекогносцировки обуславливались необходимостью не только разведки о неприятеле, но и для внесения необходимых поправок карты...» [135, с. 84]. 24 сентября наступление продолжалось: «в Восточном отряде – ощупью, в Западном – очень медленно, с опасением и оглядкой. [Русские войска] овладели все же долиной Шахэ...» [116, с. 434–435].

«Сегодняшний день... [я] назначил для производства рекогносцировок подступов, путей, обходов передовых позиций, – писал 27 сентября генерал-лейтенант барон Штакельберг командующему армией в донесении, – а завтра..., предполагаю атаковать лишь передовые позиции... На имеющихся у нас картах район предстоящего мне наступления представляет собой белое пятно, с указанием лишь одного пути с востока на запад... без всякого рельефа, а между тем местность, по которой нам придется идти, чрезвычайно гориста и для артиллерии (полевой) вряд ли проходима. Отсутствие дорог на карте лишает меня даже возможности назначить колонные пути, для выбора которых мне в будущем придется назначить разведки... Если в штабе армии имеются карты назначенного мне для действия района, то ходатайствую о высылке их...» [135, с. 154–155].

Запрошенных карт, однако, не прислали. В штабе армии их просто не было.

В Шахэйском сражении русская армия «поредела... более чем на 44 тыс. человек...» [116, с. 435], поскольку «не была готова к наступлению», в том числе и «в смысле изучения театра [военных действий], не было... достоверных топографических карт, о чем штаб армии должен был подумать еще тогда, когда поле сражения на Шахэ находилось в тылу Маньчжурской армии...» [118, с. 214].

«Войска, отошедшие от Ляояна, очутились в совершенно не освещенном месте на реке Шахэ, – писал в своем рапорте на имя начальника ВТУ Главного штаба генерал-лейтенанта Н.Д. Арта-

монова начальник Маньчжурской съемки генерал-майор П.И. Гладышев, – и вероятно во многом обязаны этому своим успехом в боях в конце сентября...»²⁰. Однако оказать какую-либо помощь воюющим войскам в столь трагической ситуации Н.Д. Артамонов не мог. За полтора года пребывания в этой высокой должности, конечно, можно было кое-что сделать, но командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А.Н. Куропаткин словно пребывал в неведении, когда принимал решение отступить к северу от Ляояна, в гибельные места «белых пятен» на картах Генерального штаба.

В начале октября в штаб Маньчжурской армии поступили новые материалы съемок, выполненных в отдельных районах ТВД офицерами КВТ, а также захваченная в качестве трофея японская топографическая карта. По качеству она была не лучше русской, к тому же одноцветной (черно-белой) и потому маловыразительной. Однако по содержанию она была более «свежей» и имела довольно подробные данные о тактических свойствах местности. Будучи усердными учениками германских инструкторов, японские военные топографы к делу создания карт относились очень тщательно и не жалели на это ни сил, ни средств. По действующему в то время Полевому уставу японской армии (1903) карты должны были «по возможности наглядно выражать рельеф местности, пути сообщения, населенные пункты и т.д.». Кроме того, для составления донесений изготавливались специальные бланки, на оборотной стороне которых была нанесена «сетка для кроки той местности, где расположены части войск». На правильное изображение географических объектов местности японцы обращали особое внимание [149, с. 13–14].

Возрастание объема картосоставительских и издательских работ потребовало изменений в организационно-штатной структуре топографического отделения штаба армии: количество топографов было увеличено с 5 до 11, учреждено три части (литографская, чертежников и фотография). В отделении был установлен второй печатный станок (к июню 1905 г. в отделении было четыре станка и 32 литографских камня) [49, с. 25].

С того времени работа в топографическом отделении строилась следующим образом. До четырех офицеров-топографов («летучая часть») следовали непосредственно со штабом армии с задачами производства рекогносцировок отдельных направлений, выполнения спешных чертежных работ для штаба армии и

²⁰ РГВИА. Ф. 404. Оп. 2. Д. 677. Л. 30.

для войск, сбора исходного материала для составления карт и хранения небольшого запаса карт, необходимого для нужд штабов и войск. Остальные 4–7 человек («стационарная часть»), перемещались только при значительной передислокации войск и штабов; здесь были сосредоточены все печатные средства и топографами выполнялись работы по составлению и изданию карт, вторному изданию, а также хранению запасов карт [49, с. 25].

19 октября на основании новых сведений была издана 2-верстная карта четвертого издания исключительно на район русских позиций у реки Шахэ [110, с. 11–12]. В тот же день вновь сформированная Маньчжурская съемка прибыла из С.-Петербурга в Харбин. «Но к этому времени уже состоялось назначение генерал-адъютанта Куропаткина главнокомандующим, а Полевой штаб наместника на Дальнем Востоке подлежал расформированию. Вследствие этого последовало присоединение Маньчжурской топографической съемки к Полевому штабу главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии (приказ по Военному ведомству 1904 года № 652)...» [110, с. 3–5].

28 октября русские войска «получили новую организацию» и были распределены по трем армиям.

Новые материалы «по позициям Восточного отряда русских войск и новые данные по транскрипциям названий» 2 ноября легли в основу пятого издания 2-верстной карты штаба Маньчжурской армии. Параллельно с составлением карты четвертого и пятого изданий обрабатывали съемочный (инструментальные, полуинструментальные и глазомерные съемки, маршруты) и другой (японские карты, разведанные) материал для составления карты местности с одной стороны севернее реки Хуньхэ, а с другой – между позициями первых боев на реках Шахэ и Тайцзыхэ. Эта карта, увязанная с картой предыдущего издания, составила 8 ноября шестое издание, которое срочно было разослано в войска [110, с. 12–13].

Всего с 1 сентября по 26 ноября было направлено в войска около 16 тыс. экз. разного рода карт или до 40 тыс. листов. Карты печатали в управлении генерал-квартирмейстера круглосучточно на двух литографских станках «при пяти камнях и шести литографиях». За недостатком бумаги на ТВД карты печатали на китайской бумаге, а несколько лучших экземпляров от каждого издания – на обратной стороне «менее нужных карт разных изданий» [110, с. 12–13].

11 ноября управление Маньчжурской съемки было переведено из Харбина в Телин и поступило в распоряжение начальника

штаба главнокомандующего, «однако к работам она приступила не в полном составе вследствие недостатка топографов в... штабах действующих корпусов (более 20 офицеров-топографов убыли в корпуса и отряды. – Гл.). Начальник штаба главнокомандующего, генерал-лейтенант Сахаров, 20-го ноября телеграфно просил начальника Военно-топографического управления об экстренной командировке в армию еще не менее 30 топографов...» [110, с. 5]. На эту телеграмму генерал-лейтенант Н.Д. Артамонов 24 ноября ответил, что Маньчжурская съемка находится в полном распоряжении главнокомандующего, а состав Приамурского ВТО «будет значительно усилен для двухверстной съемки Маньчжурии» [110, с. 5].

В конце ноября – начале декабря начальник 1-й Маньчжурской съемки генерал-майор П.И. Гладышев с оставшимися (после передачи части сил в корпуса) 14-ю топографами начал съемку на территории, простирающейся между Мукденом и позициями войск. «Какой-нибудь сносной карты этого пространства не существовало, – докладывал он Н.Д. Артамонову, – не было и [опорных] точек... Пришлось прокладывать графическую сеть от астрономического пункта Мукден; в эту сеть я включил часть наших позиций и часть японских (чтобы дать расстояние для артиллерии)... Съемка велась полуинструментальная с глазомерным определением рельефа и довольно успешно...»²¹.

3 декабря 1904 г. было выпущено седьмое издание карты штаба Маньчжурской армии «в виде 4-верстной карты для общих соображений, на основании 2-верстной карты шестого издания». В дальнейшем предполагалось, что полевые части КВТ будут двигаться вслед за войсками и «карта будет вся освежаться», составляя ее последующие издания [110, с. 15–16]. Однако двигаться русским войскам пришлось не на юг, наступая, а на север, отходя в районы, совершенно не обеспеченные в картографическом отношении. Поэтому особенно ненадежной 2-верстка (в том числе и карта шестого издания) была на районы Мукдена и к северу от него. Здесь она составлялась на основе поспешных съемок, выполненных в 1905 г. в момент отступления русских войск от Телина к Сыпингайским позициям, в условиях непрерывных боев с японцами и перестрелок с хунхузами.

Севернее и восточнее указанных районов съемки проводили вне зоны боевых действий, и потому качество карты здесь было несколько лучше. Однако условия дикой горно-таежной местности, какую представляла собой эта часть Маньчжурии, также не

²¹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 2. Д. 677. Л. 30.

позволяли достичь желаемого результата. Здесь съемку приходилось выполнять по методике, используемой русскими геодезистами и картографами еще в XVIII в.: она базировалась на редких астрономических пунктах, связанных между собой инструментальными (угломерными) ходами обычно вдоль крупных рек с последующим заполнением промежутков информацией о местности глазомерно и с измерением расстояний шагами [45, с. 10].

К концу 1904 г. чинами КВТ в Северной Маньчжурии были выполнены «полуинструментальные и инструментальные съемки в... районах около... Харбина,... Мукдена,... в Телин-Кайюянском районе и в районе между Мукденом, Фушунем и Синцинцином», проложены триангуляционные ряды первоклассной сети «от Харбина к западу до станции Аньда и к востоку до станции Удимихэ, второклассная сеть от Харбина к югу до Чантуфу и ... [определены астрономические пункты] хронометрическими рейсами... в районе съемки;... определена точная широта Харбина... и определен азимут [направления] Харбинского базиса. Для будущих съемок 1905 года район, обеспеченный опорными пунктами, был площадью около тридцати тысяч квадратных верст... Пятнадцать офицеров Маньчжурской топографической съемки... производили [съемки] в восточной части расположения наших войск и по реке Шахэ...» [110, с. 7–8].

За проявленное усердие при выполнении полевых работ в тяжелейших условиях войны ряд офицеров-топографов был награжден боевыми орденами, а начальнику ВТУ Главного штаба и КВТ генерал-лейтенанту Н.Д. Артамонову, приложившему максимум усилий для формирования Маньчжурской съемки, обеспечения ее всем необходимым для выполнения полевых работ, 6 декабря 1904 г. был «всемилоостивейше пожалован орден Св. Благоверного Великого князя Александра Невского»²².

Примерно в это же время его младшему сыну штабс-капитану В.Н. Артамонову «за отменно-отличные действия в ноябре 1904 – январе 1905 гг. в качестве командира отряда охотников-разведчиков в войсках генерал-лейтенанта Волкова» был «пожалован орден Св. Владимира 4 класса с мечами»²³.

К концу января 1905 г. под началом Н.Д. Артамонова в КВТ по штату числилось 505 чинов, по списку с прикомандированными строевыми офицерами – 562. В марте–апреле из этого количества 152 (около 27% от наличного состава и 58% от состава чинов

²² РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

²³ РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12.

триангуляции, съемок и трех ВТО штабов военных округов) находилось в действующей армии [110, с. 9–10]. После неудачного для русских войск Мукденского сражения (10–25 февраля 1905 г.)²⁴ и отхода их на Сыпингайские позиции произошел перелом в военных действиях: крупные бои прекратились, продолжались лишь мелкие стычки. В этот период топографы выполняли 2-верстную съемку по плану, утвержденному в штабе главнокомандующего, группами под прикрытием большого конвоя, «с ежедневными встречами то с японскими разъездами, то с хунхузскими шайками. В некоторых случаях группа топографов в 5–6 человек, ведя мензурную съемку, шла редкою цепью с дозорами впереди, топограф от топографа на расстоянии около 2 верст, на виду друг друга с тем, чтобы в опасную минуту можно было соединиться и отразить нападение общими силами... При сводке таких работ, произведенных к тому же и без опорных пунктов, получались разногласия. Если же учесть еще своеобразный характер местности и населенных пунктов в этой части Маньчжурии, то станет ясным, что такая спешная «боевая съемка» не могла дать приличных результатов... Зимняя... съемка 1904–05 гг. ... оказалась настолько неудовлетворительной, что когда летом 1905 года в районе [Сыпингайских позиций] пришлось определять опорные астрономические пункты, то астроном – достаточно опытный в чтении карт, – имея в руках отпечатанную двухверстку, не мог по ней ориентироваться... С весны 1905 года съемочные работы приняли более организованный характер... Абсолютные высоты для нанесения рельефа определялись барометрически... Часть работ велась без высот, с нанесением горизонталей по относительным превышениям...» [110, с. III–IV].

Астрономические работы проводились одновременно со съемками от исходных пунктов, определенных в 1901–1902 гг. При этом команда состояла из астронома и 8–15 конных казаков, двух пехотинцев. Для наблюдений использовали малый вертикальный круг Репсольда (иногда большой универсальный инструмент Гильдебранда) и 8–10 хронометров Эрикссона, Пихля, Нардина, Вирена, Дента и Фродшама. Из прочих инструментов имелись анероиды Нодэ (большой) и Питкина (малый), термометры Цельсия, буссоль и мерная лента. Хронометры переносили и пе-

²⁴ Младший сын Н.Д. Артамонова – штабс-капитан В.Н. Артамонов – «участвовал в Мукденском сражении будучи командиром батальона в войсках генерал-адъютанта барона Мейендорфа... и в войсках генерал-майора [Л.К.] Артамонова... Был пожалован золотым оружием с надписью «За храбрость» [РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12].

ревозили в специальных ящиках, на носилках с предельной осторожностью. Для ориентировки была предусмотрена 40-верстная карта Маньчжурии со схематически нанесенными некоторыми селениями и урочищами. Поэтому для установки на местности рамок 2-верстных съемочных планшетов географические координаты астропунктов, определенные из наблюдений, приходилось вычислять непосредственно в поле. Методика астрономических определений была такой же, как и в предвоенные годы. Однако первые хронометрические рейсы обычно обрабатывали вслед за их окончанием с тем, чтобы скорее дать географические координаты опорных точек съемщикам. Большинство пунктов определяли у кумирен и жертвенников, имеющих вид небольших часовен. Одновременно составляли военно-топографические описания. Однако «сбор сведений о местности был затруднителен, так как опрошенные китайцы... давали разноречивые показания..., иногда трудно было установить даже название селения...» [110, с. 25–32, 151, 209, 231, 232].

Когда наступило относительное затишье, стал назревать вопрос о заключении мира. «В нашем распоряжении фактически оставалась вся Северная Маньчжурия, но, сколько времени продлится обладание ею, было неизвестно и надо было еще до эвакуации наших войск использовать это время возможно продуктивнее для выполнения топографических работ; поэтому... Военно-топографическое управление было поставлено в необходимость озаботиться подготовкой организации новых усиленных работ в Маньчжурии...» [110, с. 16].

15 марта 1905 г. два отделения 1-й Маньчжурской съемки в составе 12-ти съемщиков были поставлены на работы на пространстве Гунжулин–Сипингай по обе стороны железной дороги «верст на двадцать пять до Мандаринской дороги на восток», третье отделение в составе шести съемщиков было отправлено в район восточнее Мандаринской дороги, 18 марта возвратившиеся семь съемщиков из корпусов были расположены по железной дороге от Гунжулина до Куанчензы. В съемке ощущался недостаток легких мензул²⁵.

Силы и средства, назначенные для съемок в Маньчжурии, «вскоре были признаны недостаточными новым главнокомандующим, генералом от инфантерии [Н.П.] Линевицем, который 19-го апреля 1905 года обратился к военному министру... [с просьбой] о командировании в армию еще пятидесяти топографов...» [110, с. 11]. В этом обращении, в частности, говорилось: «Неиме-

²⁵ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. д. 1596. Л. 29.

ние соответствующих карт для армии, тяжело отзывающееся на правильности действий и распоряжений, вызывает неотложное принятие энергичных мер к заполнению съемкою значительных пространств. Имеющиеся для сего силы [78 съемщиков] не могут признать достаточными... Ими выполняется инструментальная и частью глазомерная съемка... (в телеграмме приводится граница района съемок, выполняемого совместно Маньчжурской съемкой и Приамурским ВТО. – Гл.). До настоящего времени заполнено съемкою все пространство от южной границы до параллели Куанченцзы; весь означенный район будет снят примерно к середине июня, но при условии непрерывной интенсивной работы и при неизменном числе съемщиков. Столь тяжелые условия, а также неминуемая потребность работ и в других районах заставляет меня просить... о командировании в армию еще пятидесяти топографов...»²⁶. На телеграмме с вышеприведенным обращением военный министр генерал-адъютант В.В. Сахаров наложил резолюцию, адресованную начальнику ВТУ Главного штаба генерал-лейтенанту Н.Д. Артамонову: «Прошу доложить, какие карты у нас имеются. Надо по возможности исполнить просьбу, отложить некоторые работы в Европейской России...»²⁷.

Приказом по Военному ведомству от 7 мая 1905 г. была сформирована 2-я Маньчжурская съемка в составе 63-х человек из состава съемки Юго-Западного пограничного пространства, которая после этого была «временно закрыта», а также частично – из числа чинов других съемок Европейской России. Возглавил ее начальник Сибирского ВТО генерал-майор Ю.А. Шмидт²⁸. С прибытием 2-й Маньчжурской съемки на ТВД «летом 1905 года на правильно организованных съемках Маньчжурии состояло всего 150 чинов при 115-ти производителях съемки!..» [110, с. 15].

Геодезические работы в том году состояли «в завершении недоконченных наблюдений Харбинской базисной сети, проложении второклассного ряда Харбин–Цицикар, распространении этого ряда на восток до ст. Эхо; в окончании ряда капитана Дмитриева, к югу от Харбина... и доведение этого ряда до Бодунэ; затем в проведении самостоятельного ряда от Харбина до Бодунэ по левому берегу Сунгари, в юго-западной части триангуляционного района...». Параллельно с наблюдениями велись и вычисления (для ускорения – по упрощенной методике) с целью оперативного обеспечения геодезическими данными съемщиков [110, с. 286–287].

²⁶ РГВИА. Ф. 404. Оп. 2. Д. 678. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 70 об., 81–81 об.

8 июня 1905 г. Н.Д. Артамонов представил в Главный штаб докладную записку о необходимости разработки новой «организации ВТУ Главного штаба, наиболее отвечающей современным требованиям техники и необходимого развития деятельности Корпуса военных топографов..., о составлении новых штатов... корпуса сообразно с требуемым расширением его деятельности...»²⁹. Эта записка, по-видимому, стала следствием состоявшегося в начале 1905 г. пересмотра действующего «Положения о Корпусе военных топографов» и завершившейся разработки проекта нового.

Инициатива Николая Дмитриевича была своевременной. Так, «отдаление» офицеров Генерального штаба от съемок и рекогносцировок (в связи с изменением их деятельности в конце 1870-х гг., ориентированной более на штабную и приближенную к войскам), и передача этого важного вида полевых работ на офицеров-топографов, значительно уступавших в тактической подготовке выпускникам академии, было неоправданным. Подтверждением тому является вывод из анализа опыта топографического обеспечения войск в войне 1904–1905 гг.: большинство армейских и корпусных топографов было плохо подготовлено к производству рекогносцировок, глазомерных и даже полуинструментальных съемок. Слабые навыки «в глазомере» и правильной оценке местности, с точки зрения использования ее географических элементов войсками, приводили топографов к той или другой крайности в работе. Например, при полуинструментальных съемках они применяли методы инструментальной съемки, что создавало «нагромождение съемочных материалов излишними деталями», не имеющими никакого значения для данной операции, а подробности местности наносили на глаз с такими искажениями и пропусками, что план не представлял собой большой ценности [49, с. 25]. Поэтому требовалось официальное положение о том, чтобы закрепить съемки и рекогносцировки за офицерами-топографами и существенно улучшить их подготовку по указанному вопросу, либо вновь возложить это на офицеров Генерального штаба.

26 июня 1905 г. ВТУ Главного штаба было преобразовано в ВТУ Генерального штаба, а затем 1 июля оно было «выделено из состава Главного штаба на формирование Главного управления Генерального штаба». Временно (в период с 9 по 12 августа) исполняющим обязанности начальника этого нового управления был назначен генерал-лейтенант Н.Д. Артамонов³⁰.

²⁹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1651. Л. 15–15 об.

³⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

Заметим, что появившиеся в последние годы легенды о том, что Н.Д. Артамонов, возглавив на короткое время ГУ ГШ, будто бы стал фактически первым начальником Главного разведывательного управления русской армии, на наш взгляд, безосновательны. Во-первых, такого органа в вооруженных силах дореволюционной России никогда не было (до 1903 г. вопросы разведки были возложены на ВУК Главного штаба). Во-вторых, в ГУ ГШ, состоящем из четырех крупных управлений (Управления генерал-квартирмейстера ГШ, Управления военных сообщений, Военно-топографического управления, Управления начальника железных дорог и технического для связи войск), разведкой в 1905–1906 гг. занималось только одно отделение («По военной статистике иностранных государств») Военно-статистического отдела, входящего в состав первого из перечисленных управлений [65, с. 508].

23 июля 1905 г. приказом главнокомандующего войсками 1-я и 2-я Маньчжурские съемки были переданы в непосредственное подчинение генерал-квартирмейстеру штаба главнокомандующего генерал-майору В.А. Орановскому [48, с. 24]. Бывшие до этого некоторые разногласия между ним и начальником 1-й Маньчжурской съемки генерал-майором П.И. Гладышевым еще более обострились. Это следует из переписки между генералами Н.Д. Артамоновым и П.И. Гладышевым по поводу необоснованного обвинения генерал-квартирмейстером офицеров 1-й Маньчжурской съемки в погрешностях при картографировании одного из районов в полосе действия 1-й Маньчжурской армии, якобы выявленных офицерами Генерального штаба во время рекогносцировки³¹. П.И. Гладышев, посчитав себя оскорбленным, подал рапорт о снятии его с должности начальника съемки. Одновременно он убедительно доказал несостоятельность выдвинутых обвинений, уличив в некомпетентности (по части топографической подготовки) офицеров Генерального штаба и самого В.А. Орановского – «лица невысокой осведомленности в топографическом деле, которое теперь берется руководить работами двух съемок...»³².

«Я пришел к заключению, – писал П.И. Гладышев, – что топографическое дело в армии стоит невысоко и очень часто не только офицеры, но и выше не умеют ориентироваться по плану и свое неумение приписывают недостаткам и ошибкам планов... Нетрудно ориентироваться на полуверстовом... инструмен-

³¹ РГВИА. Ф. 404. Оп. 2. Д. 677. Л. 10–36 об.

³² Там же. Л. 15.

тальном плане..., труднее на 2-верстном... полуинструментальном, где кое-что выпущено, а кое-что искажено, вследствие поставленного условия скорости работы, а подготовки мало у офицеров и повыше... Я бы постановил, чтобы офицеры Генштаба от времени до времени, хотя бы раза два за свою обер-офицерскую службу были бы обращаемы на работы на наших государственных съемках для снятия каждый раз полного инструментального планшета... Только этим путем было бы достигнуто ими полное понимание плана...»³³.

На основании упомянутого письма можно констатировать, что офицер Генерального штаба начала XX в. по уровню военно-топографической подготовки значительно уступал своему коллеге XIX в. и то время, когда генерал-квартирмейстер вроде князя П.М. Волконского, Ф.Ф. Шуберта и Ф.Ф. Берга «ведал государственными и военными съемками», кануло в Лету. Н.Д. Артамонов между тем принял сторону своего подчиненного и, по мере своих возможностей, сгладил возникший инцидент.

22 августа Н.Д. Артамонову был «пожалован знак за безупречную службу в офицерских чинах 40 лет»³⁴.

Война между Россией и Японией завершилась 23 августа 1905 г. подписанием уполномоченными глав воевавших держав Портсмутского мирного договора. С этого времени массовая выдача топографических карт в войска прекратилась³⁵, но топографо-геодезические работы в Маньчжурии силами КВТ продолжались.

30 августа начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын направил распоряжение начальнику штаба главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке следующего содержания: «С прекращением военных действий особое внимание должно быть обращено на надлежащее использование всех топографических сил на Дальнем Востоке для производства инструментальной съемки Маньчжурии в двухверстном масштабе с высотами, с опорными геодезическими и астрономическими пунктами. Прошу распоряжения о составлении особой комиссии..., [которая] должна разработать план работ и составить сметы расходов... Прошу распоряжения, чтобы офицеры Корпуса военных топографов при штабах корпусов армий и штабе главнокоман-

³³ Там же. Л. 31.

³⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

³⁵ За период Русско-японской войны 1904–1905 гг. всеми складами было выдано в войска около 2 млн экз. карт. [53, с. 56].

дующего... представили отчеты о своей деятельности за время войны начальнику Военно-топографического управления...» [110, с. 16].

Учрежденная комиссия пришла к заключению, что в период эвакуации русских войск (до апреля 1907 г.) при наличии имеющихся сил и средств можно снять инструментально 270 тыс. кв. верст, что не охватывало территории районов возможных боевых действий (общей площадью свыше 450 тыс. кв. верст) в случае начала новой войны. Поэтому для расширения района съемок требуется «усиление» в количестве 94 офицеров (начальников отделений, производителей геодезических и топографических работ) и нижних чинов для обслуживания работ и охраны в количестве 6300 человек. Эти данные были направлены в Генеральный штаб [110, с. 16–18].

В ответ генерал-лейтенант Ф.Ф. Палицын направил 1 октября главнокомандующему телеграмму, в которой давались конкретные указания на выполнение съемочных работ: «Снять инструментально район к югу от железной дороги Цицикар–Пограничная до работ 1905 года, демаркационной линии и корейской границы; район шириною около пятидесяти верст вдоль всей железной дороги; такой же район вдоль тракта Бодуне, Цицикар, Благовещенск; район вдоль рек Сунгари и Муданьцзян; правый берег Амура шириною около тридцати верст от Благовещенска до Хабаровска, района вдоль Уссурийской границы; район между Аргунью, железной дорогой и меридианом 120 градусов [восточной долготы]... Снять полуинструментально все пространство, охваченное этими съемками и от участка Цицикар, станция Маньчжурия к югу до Монгольской границы и к северу до пятидесятой параллели [северной широты]... На эти работы предназначаются: первая Маньчжурская съемка, усиленная пятью триангуляторами и одним помощником; Приамурский [ВТО], исключая трех картографов и секретаря, усиленный двумя триангуляторами и двадцатью пятью съемщиками, состоящими теперь при штабах корпусов и тыла; новая третья Маньчжурская съемка, предполагаемая к формированию в составе шестидесяти пяти чинов... Ввиду необходимости привлечь к этим работам всех топографов, находящихся на Дальнем Востоке..., прошу распоряжения об отчислении штабных топографов к Приамурскому [ВТО] теперь же, а к третьей съемке (15 топографов. – Гл.) по ее прибытии. В штабах можно заменить топографов строевыми офицерами... Ожидаю отчетную карту о произведенных предполагаемых работах...» [110, с. 17].

За 1905 г. было снято в 2-верстном масштабе «около 131 000 кв. верст, причем для постановки этих съемок были опре-

делены астрономические и геодезические опорные пункты. Общая же площадь съемок и рекогносцировок, произведенных за время войны 1904–1905 гг., составила около 155 000 кв. верст...» [110, с. 14–15].

Условия работ в Маньчжурии «были чрезвычайно тяжелы: во время боевых операций 1904–1905 гг. топографам приходилось переносить все тягости походно-боевой жизни наравне с другими войсковыми частями, а в некоторых случаях подвергаться боевой опасности, чувствуя свое одиночество и бессилие. Одна из съемок была выдвинута на левый фланг армии, в сферу действия противника и производила топографические работы без всякого прикрытия, впереди мелких отрядов, охранявших фланговые пути, в местах, куда не проникали даже наши разведчики...» [110, с. 28].

31 марта 1906 г., когда Н.Д. Артамонов «временно (с 18 марта по 17 мая. – *Гл.*) исполнял должность начальника Генерального штаба»³⁶, состоялся приказ о сформировании 3-й Маньчжурской съемки, а «в первых числах апреля эта съемка отправилась в Цицикар в составе начальника съемки [генерал-лейтенанта В.М. Шульгина – начальника съемки Северо-Западного пограничного пространства], помощника, 60-ти штаб- и обер-офицеров..., куда и прибыла во второй половине апреля...». Для участия в работах планировалось назначить всего «293 чина при 216-ти производителях съемки...», что составляло 52% от списочного состава КВТ. Таким образом, «с апреля 1906 г. в Маньчжурии находилось... 4 съемки...»: съемка Приамурского ВТО, 1, 2 и 3-я Маньчжурские съемки [110, с. 18–19].

В 1906 г. с прекращением военных действий «отпали лишь условия столкновения с неприятелем, но остались все тягости борьбы с дикой, некультурной страной, климатическими условиями, приходилось подвергаться постоянной опасности от нападений хунхузов... [С ними] приходилось вести постоянные мелкие бои... Суровость климата, отсутствие [нормального] питания, тягость работы и, наконец, зачастую почти боевая обстановка, не только расшатывали нервы и подтачивали здоровье как офицеров, так и солдат, но бывали случаи, что доводили даже до полного истощения и смерти. Много лишений останутся неведомыми для печати... Убыль умершими и число заболеваний среди топографов и их команд в 1906 году были значительны...» [110, с. IV, 28]. Однако топографические работы «носили вполне правиль-

³⁶ Н.Д. Артамонов будет временно исполнять обязанности начальника Генерального штаба также в июле 1907 г., апреле–мае 1909 г. [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245].

ный и организованный характер. Значительная часть работ базировалась на тригонометрических точках (для всего района Маньчжурии, покрытой триангуляционной сетью, была получена точная система высот, которая оказалась полезной и для других съемок [110, с. 287]. – Гл.)..., было определено 190 астрономических пунктов...» [110, с. IV], три базиса (железными Фрейберга и мерной проволокой), на основании которых были развиты Маньчжурская, Айгунская и Цицикарская базисные сети, строго уравненные по способу наименьших квадратов [110, с. 349–356].

В результате двухлетней (1905–1906 гг.) топографо-геодезической деятельности чинами КВТ была выполнена «огромная по размерам... и ценная по качеству работа в стране, территория которой до того времени не была исследована даже в общих чертах... Успех работ в Маньчжурии за 1905 и 1906 гг. выразился в следующем: определено астрономических пунктов для установки по ним съемок... 352..., снято планшетов... 542... – площадью приблизительно 610 тыс. кв. верст..., [которая] превышает площадь таких... государств, как Франция, Австро-Венгрия, Германия – в их границах до 1914 года... Работа, возложенная на офицеров-топографов³⁷; с успехом была закончена в 1906 году... Корпус военных топографов с честью оправдал возложенную на него задачу и выполнил свой долг перед Родиной. Труды и лишения, понесенные топографами в Маньчжурии, нашли должную оценку..., выраженную в... приказе начальника Генерального штаба...» за № 1192 от 1 ноября 1906 г. [110, с. VIII, 29]. В нем, в частности, отмечалось, что «за такую ревностную и самоотверженную работу чинов корпуса... я считаю себя обязанным выразить от лица службы искреннюю и глубокую благодарность начальнику Корпуса военных топографов, много вложившему в это дело сил и энергии, чинам Военно-топографического управления..., начальникам... 4-х Маньчжурских съемок..., всем штаб- и обер-офицерам и классным чинам корпуса..., работающим в составе этих съемок и заслужившим своею работою столь блестящую аттестацию...» [110, с. 30].

«Высочайшим приказом за отличия по службе» 6 декабря 1906 г. Н.Д. Артамонов был произведен в чин генерала от инфан-

³⁷ Именной список офицеров КВТ, входивших в состав Приамурского ВТО и 1-й, 2-й, 3-й Маньчжурских съемок, приведен в «Записках...» [110, с. 20–27], список офицеров и чинов КВТ, состоявших на должностях в армейских корпусах и др. военных учреждениях на Маньчжурском ТВД, восстановлен автором настоящей работы по архивным данным [РГВИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 1561. Л. 1–424], послужные списки большей части из них приведены в книге [58].

терии»³⁸, был командирован в Австро-Венгрию «в качестве делегата на Общую конференцию геодезического союза»³⁹.

«Маньчжурская топографическая эпопея» завершилась в первых числах января 1907 г. Участие значительного количества офицеров КВТ в Русско-японской войне 1904–1905 гг. позволило реализовать опыт топографического обеспечения войск, полученный в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., обобщенный и доведенный до полевых частей корпуса Н.Д. Артамоновым, и накопить новый не менее ценный опыт. Последний (после выхода в свет в начале 1920-х гг. «маньчжурского» тома «Записок...» [110]) будет использован практически во всех войнах XX столетия. Выполненные же работы по картографированию территории Маньчжурии накануне, в ходе и по окончании войны 1904–1905 гг. позволили создать качественные крупномасштабные топографические карты на эту северо-восточную часть Китая, а позже на их основе – мелкомасштабные топографические и географические карты. Это в итоге оказало значительное влияние на развитие не только военной, но и обзорной (мелкомасштабной) картографии России начала XX в.⁴⁰ В результате во время войны с Японией в 1945 г. (разгрома японской Квантунской армии) советские войска 2-го Дальневосточного фронта были обеспечены мелкомасштабными военно-географическими картами и топографическими картами масштаба 1 : 100 000, 1 : 200 000, составленными картографами 488-й военно-картографической фабрики, в том числе и на основе 2-верстной карты Маньчжурии, составленной по съемкам офицеров КВТ, проведенным в 1896–1906 гг. [96, с. 29].

³⁸ 5 октября 1906 г. в церкви погоста Архангельское села Великова Гороховецкого уезда Владимирской губернии «венчался на дочери» генерала для поручений при командующем войсками Омского военного округа генерал-майора В. Рыбакова девице Евдокии младший сын Н.Д. Артамонова Василий. Этот недолгий, но по-своему счастливый брак подарил в 1908–1915 гг. Николаю Дмитриевичу и его супруге четырех внуков и одну внучку [РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12].

³⁹ В августе–октябре 1909 г. Н.Д. Артамонов был «командирован в Англию, в г. Кембридж, в качестве делегата на Общую конференцию геодезического союза» [РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245].

⁴⁰ С 1907 г. началось составление 10-верстной карты «Восточной части Азиатской России с прилегающими к ней владениями...». К 1917 г. было составлено 18 листов карты на район, расположенный к северу от российско-корейской границы и к востоку от меридиана города Благовещенска [111, с. 95; 122, с. 146].

Глава V

Накануне и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Вскоре по окончании войны 1904–1905 гг. в ВТС русской армии остро встала проблема геодезических кадров. Это было обусловлено тем, что созданной в 1907 г. при ВТУ ГУ ГШ Особой комиссией «для разработки общего плана разработки будущих работ» было принято решение начать с 1910 г. построение новой триангуляционной сети I класса на принципиально новой основе. Поэтому на территории России первоначально начали развивать триангуляционные сети II и III классов. Однако стало очевидно, что подготовленных для этого кадров явно не хватало: геодезическое отделение Николаевской академии Генерального штаба¹ выпускало в год два-три человека, а Военно-топографическое училище с 1886 г. готовило только съемщиков.

Для решения этой проблемы 11 мая 1906 г. при Военно-топографическом училище по инициативе его начальника генерал-лейтенанта И.И. Померанцева и с одобрения начальника ВТУ ГУ ГШ генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова был учрежден дополнительный класс, готовивший исполнителей геодезических работ, а для всех юнкеров была существенно усилена математическая, специальная и общеобразовательная подготовка. С того времени в училище, наряду с военными дисциплинами, преподавали топографию, высшую геодезию, способ наименьших квадратов, картографию, сферическую тригонометрию, дифференциальное и интегральное исчисления, аналитическую геометрию, физику и физическую географию. Кроме того, юнкера занимались практическими упражнениями по геодезии, топографии, картографии и черчению, а летом – построением триангуляционных сетей, топографической съемкой и др.

Училище состояло из трех классов, «с годичным пребыванием в каждом». Юнкера, окончившие старший класс по 1-му разря-

¹ С 1909 г. – Николаевская военная академия.

ду, могли быть по их желанию переведены в дополнительный класс, «но не более как в числе 10 человек». Юнкера, окончившие дополнительный класс, должны были быть вполне подготовленными к производству точного нивелирования; нивелир-теодолитных работ, наблюдений на пунктах триангуляционной сети I и II классов, измерений базисов по способу Едерина, построению сложных геодезических сигналов [49, с. 62; 63, с. 125–126]. С учреждением дополнительного класса в училище качественная сторона подготовки геодезических кадров в принципе была решена, но количественная – осталась нерешенной. Исполнителей геодезических работ требовалось значительно больше.

Русско-японская война 1904–1905 гг. закончилась, однако кровью добытый опыт топографического обеспечения войск и картографирования в полосе действующей армии не был своевременно обобщен и тщательно проанализирован, не нашел отражения в инструкциях, руководствах и наставлениях, не вошел в учебные программы академий и училищ, не использовался при обучении и подготовке войск к будущим сражениям². Это произошло потому, что в первые послевоенные годы отчеты о работах во время войны «печатать не предполагалось, так как двухверстная съемка Маньчжурии и все относящиеся к ней работы считались секретными», да и в Военном ведомстве в этот период появились иные заботы. Наконец, 15 января 1909 г. приказом № 7 по КВТ была назначена комиссия для приведения в порядок архивных материалов ВТУ ГУ ГШ. Эта комиссия установила, что большей части отчетов о маньчжурских съемках 1904–1906 гг. в архиве нет, хотя в свое время они были в наличии. «Поэтому решено было поиски затерянных отчетов продолжить...»³.

² Подобное наблюдалось и в наши дни после окончания Афганской войны 1979–1989 гг. Поэтому спустя несколько лет Чеченский вооруженный конфликт 1994–1996 гг. начался практически без учета этого опыта. Правда, по окончании его опыт топогеодезического обеспечения российских войск был обобщен, проанализирован при непосредственном участии автора настоящей работы [93], учтен и успешно использован в последующих контртеррористических операциях.

³ «В 1912 году случайно целая связка журналов и рукописей с маньчжурскими отчетами была обнаружена в одном из шкафов архива Картографического заведения... «Во избежание возможности новой утраты неизданных отчетов, решено было их печатать... Принимая во внимание, что круг лиц и учреждений, заинтересованных этими отчетами, [был] ограничен, решено было отчеты... печатать в числе 250 экз., вместо обычных 500–800 и считать 72-й том “Записок...” с [маньчжурскими отчетами], изданием “для ограниченного пользования”... К печатанию было приступлено в конце 1915 года... Некоторых материалов не доставало... Общее редактирование лежало на начальнике геодезического отделения Я.И. Алексееве... К началу 1922 года печатание... тома было закончено...» [110, с. IV–VI].

12 мая 1909 г. Н.Д. Артамонов подготовил доклад «Об организации топографической службы в действующей армии», в котором, в частности, отмечалось, что «в проекте Положения о Полевом управлении войск (1908 г.)... почти целиком пропущена организация топографической части армии. Потребность войск в хороших военно-топографических картах не подлежит сомнению, а в вышеупомянутом положении не имеется соответствующего органа для удовлетворения этой потребности... Только в трех военно-топографических складах в гг. Вильно, Варшаве и Киеве... по новому положению будет до 5 000 000 листов (карт) и неизвестно, каким образом разведывательное отделение Полевого штаба, имеющего по штату только двух офицеров-топографов, занятых отчетными чертежными работами, разными поручениями и т.п., справится с задачей требования, хранения, отчетности и рассылки в части войск огромных армий, имея дело с несколькими миллионами листов карт...

Во время последних двух войн России, первой на Балканском полуострове в 1877 году и второй в 1904–1905 гг. в Маньчжурии, организация топографической части Полевого штаба армии... была различно устроена.

Во время войны на Балканском полуострове составители Положения о полевом управлении войск (1876 г.) признали необходимым обеспечить топографическую потребность армии устройством в Полевом штабе самостоятельного органа – Полевого Военно-топографического отдела с начальником-геодезистом во главе, подчиненным начальнику Полевого штаба...

Во время войны в Маньчжурии... театр военных действий перед войной был также мало исследован, как и Болгария перед войной 1877 года, а между тем в Полевом штабе армии был уничтожен самостоятельный топографический орган и оставлено было только топографическое отделение с 3 или 5 топографами и начальником подполковником Генерального штаба, находившимся в распоряжении генерал-квартирмейстера штаба армии. Такое сокращение топографической части в организации Полевого штаба не замедлило отразиться печальным образом на удовлетворении нужд армии в топографическом отношении... Почти с самого начала войны начались запоздалые требования в Петербург за 8000 верст от начальника Полевого штаба, от генерал-квартирмейстера, например, о производстве съемок таких-то участков, о высылке стольких-то офицеров и т.п., при этом как будто забывалось о существовании Приамурского Военно-топографического отдела...».

В заключение своего доклада Н.Д. Артамонов сделал следующие выводы и предложения: «1) В новом проекте Положения

о Полевом управлении войск... не имеется органа для удовлетворения необходимой потребности войск в картах и планах театра военных действий. А такой орган нужен. 2) При разработке «Положения...» необходимо предвидеть два... различных случая – если война будет: а) на западных фронтах Европейской России, и б) на южных и восточных фронтах Азиатской России.

В 1-м случае, быть может, и достаточно иметь при Полевом штабе армии самостоятельное топографическое отделение. На обязанности его будет лежать получение всех топографических, статистических и других сведений о театре войны; также получение, хранение и рассылка карт в войска, рекогносцировки и другие топографические работы на театре войны. Словом, вся забота об удовлетворении потребности войск в картах и планах театра военных действий должна быть сосредоточена в отдельном органе, подчиненном генерал-квартирмейстеру штаба армии.

Во 2-м случае, кроме вышеизложенных в 1-м пункте обязанностей, на топографический орган придется неизбежно возложить еще производство новых топографических, геодезических работ на участках театра военных действий во время самой войны, при Полевом штабе должен быть самостоятельный топографический орган – топографический отдел с начальником-геодезистом во главе, подчиненным прямо начальнику Полевого штаба армии...» [110, с. 16–18].

Важно подчеркнуть, что предложения Н.Д. Артамонова – через месяц после упомянутого доклада, получившего «высочайшую благодарность за отлично-усердную 50-летнюю службу в офицерских чинах»⁴ – на этот раз хотя и частично, но были учтены. Так, по штатам военного времени в штабах армий были введены топографические отделения, в штабах корпусов – корпусные топографы. Прообразом Полевого ВТО стал Кавказский ВТО, который блестяще справился с поставленными задачами во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. [49, с. 102–105]. В 1912 г. был установлен порядок поочередного командирования офицеров-топографов в штабы корпусов на подвижные сборы для ознакомления их с полевой службой по штатам военного времени. В штабах дивизий в то время штатного топографа не было предусмотрено, и штат штаба дивизии был ограничен: начальник штаба, два старших адъютанта – один Генерального штаба и один из «строя по инспекторской части». Для обучения прикомандировывались из полков девять человек и два топографа. Поэтому работа по обеспечению топографическими картами полков дивизии

⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 175245.

и обучение прикомандированных топографов возлагалось на старшего адъютанта Генерального штаба, который отвечал за оперативные и мобилизационные вопросы, а также боевую подготовку личного состава дивизии [49, с. 61].

С учетом опыта войны 1904–1905 гг. были сделаны выводы и по части инструментального обеспечения офицеров КВТ: с 1911 г. и по 1915 г. включительно в Механической мастерской геодезического отделения ВТО ГУ ГШ⁵ изготавливались специальные комплекты инструментов, фотографических и других принадлежностей, предназначенных для снабжения ими офицеров-топографов, назначаемых в действующую армию по штатам военного времени. Снабжение ими началось с 1912 г. В мирное время эти комплекты согласно мобилизационному расписанию рассылались в штабы военных округов, с началом войны – непосредственно в штабы фронтов, армий и корпусов [49, с. 58–59].

В период 1905–1911 гг. усилиями Н.Д. Артамонова было поднято на более высокий уровень также картоиздательское производство: расширены и упорядочены «отдельные фотографии», усилены «литографии и меднопечатни», КВТ перешел от 250-саженного масштаба инструментальной съемки к 1-верстовому, чем был достигнут «огромный продвиг выполнения топографических работ». Кроме того, Н.Д. Артамонов «урегулировал вопрос о нормальных (эталонных. – Гл.) мерах и поставил его на такую высоту, на какой он не стоит в настоящий момент (в 1911 г. – Гл.) ни в одном культурном государстве, чем достиг единства измерений на всех окраинах России...» [37, с. 143].

В эти же годы были намечены и другие мероприятия по усилению Военно-топографической службы русской армии, однако бóльшая часть перечисленных мероприятий была претворена в жизнь уже при новом начальнике ВТУ ГУ ГШ и КВТ. В 1911 г. Н.Д. Артамонов, успевший к указанному времени провести громадную научно-организационную работу по подготовке к развитию новой триангуляционной сети на территории страны⁶, был

⁵ ВТУ ГУ ГШ было переименовано в ВТО ГУ ГШ в 1910 г.

⁶ Н.Д. Артамоновым в 1906–1911 гг. «был сделан ряд важных распоряжений по увеличению состава и ассигнований на геодезические и картографические работы». Причем наибольшее число распоряжений по «усилению картографической службы страны падает на 1910 г.» [63, с. 126]. В связи с этим следует заметить, что в деле построения новой триангуляционной сети имя Н.Д. Артамонова, как инициатора и организатора работ, было неоправданно предано забвению. Бесспорный успех на этом поприще И.И. Померанцева базируется на громадной подготовительной работе, проведенной его предшественником.

назначен в Военный совет России. Его преемником стал начальник Военно-топографического училища генерал-лейтенант И.И. Померанцев⁷.

Как вспоминают друзья и сослуживцы Н.Д. Артамонова, такая перестановка была для всех более чем неожиданной. Любопытную предысторию нового назначения, дающую широкое представление о межличностных отношениях в руководстве КВТ того времени, поведал в своих дневниках заслуженный ординарный профессор Николаевской военной академии генерал-лейтенант В.В. Витковский.

«После внутренних потрясений, испытанных Россией в 1905–1906 гг., появился спрос на все сверхъестественное, а известно, что всякий спрос вызывает и соответственное предложение. В Петербурге, на Васильевском острове, поселилась искусная гадалка, о которой говорили, что она весьма удачно предсказывает будущее и притом за очень умеренную плату в 1 рубль. Один из наших геодезистов, томясь пребыванием на прекрасной самой по себе должности производителя астрономических работ, в 1907 году вздумал обратиться к гадалке с целью узнать, скоро ли откроется ему самостоятельное место начальника съемки или начальника отдела на окраине. К его большому удовольствию по прорицанию гадалки вышло, что в предстоящем 1908 году умрут три генерала-геодезиста. Надо заметить, что геодезистов всегда было у нас немного – человек 20–25, а потому и переселение их в лучший мир составляло явление очень редкое.

Предсказание о том, что в одном 1908 году мы потеряем трех геодезистов, и притом именно генералов (иначе не очистились бы начальнические места) показалось всем нам маловероятным и мы только посмеялись и подивились легковерию людей, могущих придавать значение предсказанию гадалок: каково же было наше удивление, когда 1908 год оказался исключительно несчастным для генералов-геодезистов: в мае совершенно неожиданно умер пользовавшийся до того всегда прекрасным здоровьем Шарнгорст, в сентябре – до сих пор оплакиваемый мною старый друг Гедеонов, а в ноябре – Савицкий.

Осуществление беспримерного предсказания невольно принудило верить, что гадалка обладает даром ясновидения. И вот,

⁷ Новым начальником Военно-топографического училища был назначен полковник Н.А. Медзвецкий, бывший до этого начальником геодезического отделения ВТУ ГУ ГШ [58, с. 205–206].

несколько шутников решилось спросить ее вторично и узнать, кто умрет раньше, Артамонов или Померанцев? Дело в том, что все топографы как-то бессознательно чувствовали, что Померанцев не удовлетворен еще своим высоким постом начальника училища, а стремится занять самое высшее у нас место начальника Корпуса военных топографов. Хотя по списку значилось старше Померанцева три генерала (Шульгин, Коверский и Бонсдорф), но сложилось убеждение, что они, вопреки предшествующим примерам, будут обойдены, и вознестись на вершину топографической лестницы Померанцеву мешает только присутствие Артамонова, человека необыкновенно крепкого телосложения, сравнительно не старого, лишь в 1903 году назначенного на место начальника корпуса и, по-видимому, не мечтавшего перейти на один из более высоких постов, которые, вообще говоря, и недоступны геодезистам. Не назначат же, думали, Артамонова командующим войсками какого-нибудь военного округа, или военным министром. Сделаться ему членом Военного совета, как ушел от нас Штубендорф, казалось слишком странным и маловероятным. Штубендорф был вынужден покинуть свой высокий у нас пост. Артамонов же пользовался большим уважением в высших военных кругах и об изгнании его, хотя бы почетном, никто не допускал и мысли.

Вот почему сложилось убеждение, что Померанцев может сделаться начальником корпуса в одном только единственном случае – если Артамонов вздумает умереть раньше его. От этого и поставлен был гадалке приведенный выше вопрос: кто умрет раньше – Артамонов или Померанцев? В первом случае назначение Померанцева на место начальника Корпуса военных топографов очень возможно, а во втором, понятно, ему уже некуда шагнуть со своего поста начальника училища...

После продолжительных переговоров и упрашиваний гадалка согласилась на испытание, но лишь при условии, если, вместо обычного рубля, она получит десять. Цена показалась чрезмерною, и наши шутники отказались. Однако точность предыдущего предсказания подогрела надежду, что и на этот раз, жертвою большой суммы, удастся выведать судьбу, и вот среди топографов затеялась своеобразная подписка, окончившаяся сбором требуемых денег, и гадалка вновь была опрошена. Сам процесс гадания продолжался необычайно долго, почти целую ночь, но зато предсказание было дано не только в виде простого ответа на поставленный вопрос, кто умрет раньше, но, что было еще любопытнее, когда именно каждый из названных генералов покинет прище земное. Гадалка объявила, что Померанцев умрет раньше

Артамонова, и притом первый в 1921 году, а второй в 1922, вскоре после столетнего юбилея Корпуса военных топографов⁸.

Вследствие потери времени от сбора денег по подписке предсказание состоялось только в начале 1910 года, но затем довольно быстро распространилось между топографами и подействовало на них весьма успокоительно, вселив надежду, что Померанцев никогда не будет начальником корпуса...» [49, с. 29–32].

Однако надеждам той группы офицеров, которые не желали видеть И.И. Померанцева во главе КВТ (среди которых, несомненно, был и В.В. Витковский), не суждено было сбыться. Воспользовавшись своими приятельскими связями с помощником военного министра генералом А.А. Поливановым, И.И. Померанцев развил бурную деятельность по смещению с должности Н.Д. Артамонова и своему продвижению. В начале 1911 г. И.И. Померанцев, наконец, достиг своей цели.

«Перед самой пасхой 1911 года, – пишет далее В.В. Витковский, – Артамонов неожиданно для себя прочитал в «Русском Инвалиде» (официальном издании Военного ведомства. – Гл.) ошеломивший его приказ от 3 апреля 1911 года: «Начальник Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба генерал от инфантерии Артамонов назначается членом Военного совета». Все знают, что даже подпоручиков, если... и не спрашивают о желании, то, по крайней мере, предупреждают о новом назначении; в данном случае Артамонова даже не уведомили о готовящемся ему ударе. Сопротивляться было, конечно, бесполезно и наш достойнейший, всеми любимый и весьма еще здоровый и здравомыслящий начальник был сдан, как говорится, в архив: известно, что члены Военного совета могли давать советы, но только когда их спрашивали, и, во всяком случае, нет власти, которая понуждала бы исполнять эти советы...»

Несколько дней спустя после рокового для Артамонова приказа, мне довелось видеть моего старого друга и бывшего начальника, и я был поражен его угнетенным нравственным состоянием и даже осунувшимся внешним видом. Мне удалось, однако, потешить его сообщением о предсказанной ему многолетней счастливой жизни, и что, во всяком случае, он переживет Померанцева. О том, что он должен умереть через год после него я, конечно, умолчал.

Приказ о назначении Померанцева на место Артамонова состоялся уже 8 апреля 1911 года и с этого времени во главе Корпуса [военных] топографов стал человек, избравший своим девизом

⁸ И.И. Померанцев умер в 1921 г., Н.Д. Артамонов – в 1920 г.

безумное изречение Калигулы: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»... Наделав много зла Топографическому училищу, Померанцев приступил теперь к ломке всего корпуса... К чему именно будут клониться затеваемые им преобразования, сказать тогда, разумеется, было невозможно, но с первых же его шагов на высшем у нас посту последовали назначения, поражающие... попранием всех заветов старины... Наконец, самое последнее «преобразование» Померанцева заключалось в исключении... геодезистов из списков Генерального штаба, что однажды уже было сделано и, как мера вредная, давно отменена... От поспешных... преобразований Померанцева я, право, не могу ожидать улучшения участи топографов. Во всяком случае, можно только сокрушаться, что для Корпуса военных топографов перед наступлением столетия его существования началось мрачное время непроглядной тьмы...» [49, с. 32–35].

Таким образом, В.В. Витковский считал, что назначение столь пристрастного, как генерал И.И. Померанцев, человека на высший в КВТ пост в перспективе не сулило ничего хорошего. Справедливости ради надо отметить, что И.И. Померанцев – безусловно, видный ученый-геодезист и педагог, умело сочетая свои связи с высшими военными кругами, а также имея определенные организаторские способности, в истории КВТ оставил и немало положительного. Однако, при всем этом он, в отличие от Н.Д. Артамонова, тяготел больше к производственной деятельности корпуса, нежели к подготовке его офицеров к решению задач по топографическому обеспечению войск в будущей войне.

Накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг. состав ВТО ГУ ГШ входили геодезическое отделение (полковник Я.И. Алексеев) и Картографическое заведение (полковник П.А. Рафаилов). Непосредственно начальнику отдела подчинялись Военно-топографическое училище (генерал-майор Н.А. Медвецкий) и пять полевых частей КВТ: одна триангуляция Западного пограничного пространства (полковник И.И. Селиверстов) и четыре съемки: Петроградской губернии и Финляндии (генерал-лейтенант Э.А. Коверский), Северо-Западного пограничного пространства (генерал-майор С.С. Козловский), Киевская (генерал-майор А.П. Федотов), Юго-Западного пограничного пространства (генерал-майор П.И. Гладышев). В специальном отношении начальнику ВТО ГУ ГШ подчинялись пять окружных ВТО: Кавказский (начальник генерал-майор Н.О. Щеткин), Туркестанский (генерал-майор Д.И. Репьев), Омский (генерал-майор Н.Д. Павлов), Иркутский (полковник Н.П. Корзун) и Приамурский (полковник

А.Д. Давыдов) [49, с. 35–36]. Все они прослужили по несколько лет под началом Н.Д. Артамонова и в этом смысле были его учениками. Были среди них и участники Русско-японской войны 1904–1905 гг., выполнявшие задачи в интересах войск под огнем неприятеля: генералы П.И. Гладышев, С.С. Козловский, Н.А. Медзвецкий, Н.Д. Павлов, Д.И. Репьев, полковники Я.И. Алексеев, И.И. Селиверстов [49, с. 36].

На 1 января 1914 г. численность КВТ составляла 530 чел. (15 обер-офицеров – сверх штата). В ВТО ГУ ГШ и Военно-топографическом училище численность соответствовала штатной. ВТО штабов военных округов и полевые части КВТ были укомплектованы полностью. Кроме того, на 1 января 1914 г. к КВТ были прикомандированы 25 строевых офицеров.

Таким образом, генералы и офицеры КВТ к началу Первой мировой войны были распределены так: в ВТО ГУ ГШ – 2%; в Военно-топографическом училище – 2%; в ВТО штабов военных округов – 40%; в полевых частях корпуса – 35%; прикомандированные к штабам военных округов, не имеющих ВТО, к различным военным и гражданским ведомствам, состоящие на научных и преподавательских должностях в астрономических обсерваториях, в военных академиях и училищах (кроме Военно-топографического) – 21% [49, с. 36–40].

Деятельность КВТ по картографированию территории России накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг., подробно освещена автором настоящей работы в книге «Корпус военных топографов в годы Первой мировой войны» [49]. Здесь же отметим, что это были, главным образом, работы государственного значения. Важно подчеркнуть, что их инициатором и организатором был Н.Д. Артамонов. Эти работы продолжались вплоть до объявления общей мобилизации (проложение меридиального ряда триангуляционной сети I класса Пулково–Николаев, ряда по параллели, прокладываемого по долине реки Припяти, выбор и измерение высокоточных базисов, проведение астрономических и гравиметрических наблюдений на концах базисов, развитие триангуляционных сетей II и III класса в различных районах России, работы на точных и высокоточных нивелировках вдоль железных дорог, на военно-государственных съемках (на инструментальной съемке в 1-верстовом масштабе и рекогносцировке крупномасштабных планов) особо важных в военно-экономическом отношении районах, на военных съемках по заданиям штабов и др.

До начала Первой мировой войны – еще в пору руководства Военно-топографической службой русской армии Н.Д. Артамо-

новым – произошли важные события в области развития топографического обеспечения войск:

в 1907 г. вышел труд генерал-майора В.В. Витковского «Картография (Теория картографических проекций)» [70] – первое полное в нашей стране сочинение по математической картографии, где были обобщены, переработаны, дополнены и классифицированы все «сколько-нибудь известные проекции», приведены формулы новой равнопромежуточной проекции, долгое время остающейся одной из лучших проекций для карт России [115, с. 78–79];

в 1909 г. на базе Гродненской съемки была образована Киевская съемка [55, с. 189];

в 1910 г. гидрографом-геодезистом инженер-вице-адмиралом Н.Н. Матусевичем, слушателем геодезического отделения Николаевской военной академии капитаном О.Г. Дитцем и профессором Ф.Ф. Витрамом было проведено первое испытание способа определения разности долгот по радиотелеграфу, который к 1940-м г. практически вытеснит все другие способы долготных определений [136, с. 231];

в 1912 г. вышли «Условные знаки военно-топографических карт», составленные Корпуса военных топографов капитаном В.Н. Адриановым, сконструировавшим в 1907 г. войсковой светящийся компас (компас Адрианова) [58, с. 12–13].

С августа 1914 г. полевые работы, выполняемые чинами КВТ, потеряли свою прежнюю планомерность. В связи с объявлением общей мобилизации работы в Европейской России были прекращены. Многие офицеры были назначены в штабы корпусов, армий и фронтов на должности военного времени, а также в строевые части. Так, из состава трех съемок (Петроградской губернии и Финляндии, Киевской и Юго-Западного пограничного пространства) были откомандированы офицеры-топографы: на должности военного времени – 31 (22% от общего числа), в строевые части по собственному желанию – 21 (15%); из состава ВТО военных округов откомандированы на ТВД – 22 (11%). Всего в войска убыли 74 офицера или 14% от штатного состава КВТ. Строевую службу на должностях от командира роты до командира полка несла преимущественно молодежь. Другие офицеры-топографы, проходившие службу в полевых частях КВТ в Европейской России, остались как бы не у дел, поскольку в конце 1914 г. все работы прекратились [49, с. 77].

Член Военного совета России генерал от инфантерии Н.Д. Артамонов в это время занимался, в основном, решением важнейших стратегических вопросов: подготовкой и проведением всеобщей мобилизации, разработкой крупнейших боевых опе-

раций и др. [51, с. 159]. Отметим, что предложения и идеи Н.Д. Артамонова по части мобилизации людских и промышленных ресурсов страны, создания оптимальной структуры войсковой топографической службы, разработанные в 1911–1918 гг., были реализованы в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

29 ноября 1914 г. «последовало высочайшее соизволение на оставление решения о возвращении титула князя Пожарского прямому наследнику по побочной мужской линии... с наименованием Артамонов-Пожарский до истечения того года, в котором окончится война». Это «соизволение» было обусловлено тем, что в 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых Н.Д. Артамонов подал «в соответствии с Положением Российской империи о пожаловании княжеских титулов ... прошение о передаче княжеского титула угасшей мужской линии Пожарских родственнику по прямой побочной мужской линии последнего князя Юрия Ивановича и дочери ближнего боярина царствующего дома Романовых Артамона Сергеевича Матвеева генералу от инфантерии, члену Императорского Военного совета Артамонову Николаю Дмитриевичу с потомством...». Пршение подавалось с приложением документов, подтверждающих факт родства Артамоновых и Пожарских, а также свидетельствующих о том, что князь Д.М. Пожарский подписывал акт об избрании первого Романова – Михаила Федоровича – на российский престол в 1613 г. Однако война в России закончилась революцией, и обещание императора Николая II осталось не выполненным⁹.

С началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. Генерального штаба полковник В.Н. Артамонов – сын Н.Д. Артамонова – в должности офицера оперативного отдела штаба 2-й армии участвовал в тяжелейших августовских боях на Северо-Западном фронте. Командующим армией был генерал от кавалерии А.В. Самсонов. Как известно, 2-я армия, не получив ожидаемого подкрепления, потерпела поражение, а ее командующий погиб. В это сложное время В.Н. Артамонов принял на себя командование разрозненной и деморализованной неудачными боями крупной войсковой группировкой, почти без потерь вывел ее из окружения и затем продолжал исполнять свое нелегкое ратное дело. «За вывод из окружения крупной воинской части высочайшим указом удостоен ордена Св. Станислава 2-й степени с мечами»¹⁰.

⁹ Копия «Выписки из Указной книги департамента двора Его величества...» хранится в архиве потомков Н.Д. Артамонова.

¹⁰ РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12.

Позже он служил штаб-офицером для особых поручений в штабе 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусилова – будущего Верховного главнокомандующего русской армией [139]. В июне 1916 г. будучи офицером оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве», за что «высочайше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. В боях на Луцком направлении был тяжело ранен. До июля 1917 г. находился на излечении в госпиталях Петрограда и Москвы..., в отпуске по болезни...»¹¹.

В сентябре 1917 г. В.Н. Артамонов в составе штаба 12-й армии участвовал в боях против немцев на Митавском плацдарме, был контужен, «когда шел впереди контратакующей цепи полка. За личную храбрость, проявленную в этих боях на участке 14-й Сибирской дивизии, по приговору (Так в тексте оригинала. – Гл.) Солдатского комитета IV Сибирского корпуса награжден знаком ордена Св. Георгия 4-й степени (Солдатским георгиевским крестом – очень ценимой наградой среди боевых офицеров. – Гл.)¹².

В Красную армию В.Н. Артамонов вступил в январе 1918 г. добровольно, по личному поручительству Верховного главнокомандующего Н.В. Крыленко. В это время, как известно, возникла реальная угроза германского наступления на Петроград. Поэтому многие офицеры старой русской армии, оказавшиеся после двух революций не у дел, вновь встали на защиту Отечества. Напомним, что к осени 1918 г. на службе в Красной армии бывших офицеров насчитывалось несколько тысяч, в том числе 775 генералов, 980 полковников и 746 подполковников. Именно они, кадровые военные императорской русской армии, и создавали «непобедимую и легендарную» Красную армию, закладывали фундамент будущей Советской армии. Правда, подавляющее большинство из них, если не погибли на фронтах Гражданской войны и не скончались от полученных там ранений, стали жертвами репрессий, которые имели место по отношению к бывшим генералам и офицерам русской армии в 1923–1924 гг., 1930–1932 гг. и 1937–1941 гг. К сожалению, вал так называемых чисток прокатился и по их ближайшим родственникам: родителям, женам, детям.

Но в то время – время краха иллюзий и появления надежды на светлое будущее – патриарх родовой ветви Артамоновых, Николай Дмитриевич, к выбору сына отнесся с пониманием. Будучи давно, еще со времен Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

в дружеских отношениях с генералом А.А. Брусиловым, принявшим активное участие в строительстве молодой Красной армии, Н.Д. Артамонов не бежал за границу и не перешел на службу в формирующуюся Добровольческую армию. Более того, несмотря на свой почтенный 77-летний возраст, он добросовестно исполнял обязанности члена Военного совета России вплоть до увольнения на пенсию (в марте 1918 г. Н.Д. Артамонов обратился в Народный комиссариат по военным и морским делам с просьбой об отставке и назначении ему пенсии; 22 июня он был уволен с военной службы с пенсией в размере 2145 рублей в год¹³).

Примерно в это же время его сын, бывший Генерального штаба полковник В.Н. Артамонов, в должности инструктора Всероссийской коллегии Наркомвоена, образованной декретом Совета Народных Комиссаров 15 января 1918 г., почти восемь месяцев занимался реформированием отрядов Красной гвардии в регулярные части создаваемой Красной армии, а позже активно участвовал в формировании регулярных частей из казачьих и рабочих отрядов в штабе Южного фронта. Как отмечается в его личном деле, в должности военспеца он внес большой вклад в разгром армии генерала П.Н. Краснова. Бывая на особо опасных участках фронта, он неоднократно принимал на себя командование различными частями в боевой обстановке. За личную храбрость и умелое командование в февральских боях 1919 г. он был награжден орденом Красного Знамени РСФСР¹⁴.

С мая 1919 г. В.Н. Артамонов служил военкомом в 23-й стрелковой дивизии Красной армии. Участвовал в оборонительных боях против белых в Донбассе и на рубеже реки Хопер, в составе Особой группы В.И. Шорина и 2-й конной армии Ф.К. Миронова в августовском контрнаступлении Южного фронта. За умелую организацию боевых действий кавалерийских частей при форсировании рек Дон и Северный Донец был награжден вторым орденом Красного Знамени РСФСР¹⁵.

В декабре 1919 г. в бою за станицу Лихая В.Н. Артамонов был вновь тяжело ранен в бою, отправлен в тыловой госпиталь, а в последующем – в длительный отпуск для поправки здоровья к месту проживания семьи в Рязанскую губернию. Там он вскоре и скончался. Вслед за ним в 1920 г. умер и его отец, одиноко живший до этого в Петрограде на улице Разъездной, в доме № 10,

¹³ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 14760.

¹⁴ РГВИА. Ф. 395. Оп. 4. Т. 12.

¹⁵ Там же.

квартире № 3. Для него смерть любимого сына стала непоправимым потрясением [51, с. 159].

Похоронили Николая Дмитриевича Артамонова на Никольском кладбище Александро-Невской лавры рядом с его супругой Евгенией Михайловной – скромно, без долгих речей в присутствии нескольких престарелых сослуживцев и пожилых учеников¹⁶ – в Петрограде, свирепствовали голод, холод и чума.

Так закончилась жизнь выдающегося генерала русской армии, военного геодезиста и картографа, педагога и ученого, одного из основоположников теории и практики топографического (топогеодезического) обеспечения войск в операциях, внесшего большой вклад в дело развития Военно-топографической службы, подготовки кадров для Корпуса военных топографов и Генерального штаба русской армии, разработчика ключевых вопросов по наращиванию военно-экономических возможностей страны в мирное и проведению всеобщей мобилизации в военное время, достойно прослужившего в офицерских и генеральских чинах почти 60 лет, кавалера всех российских орденов (до ордена Св. Александра Невского включительно) и многих иностранных наград [56, с. 137].

¹⁶ К сожалению, могил Николая Дмитриевича и Евгении Михайловны Артамоновых к настоящему времени не сохранилось, и отыскать их уже не представляется возможным. Мир их праху!

Литература

1. Труды Н.Д. Артамонова

1. *Кортацци И.Е., Артамонов Н.Д.* Астрономические определения 1867 г., относящиеся к предварительным работам по градусному измерению в Европейской Турции // Зап. ВТО Гл. штаба. СПб. 1871. Т. XXXII, отд. II. С. 1–45.
2. *Артамонов Н.Д.* Астрономические определения в Европейской Турции в 1867 и 1869 гг. // Там же. С. 83–110.
3. *Артамонов Н.Д.* Вычисление площадей по планам и картам // Инж. журн. 1873. № 2. С. 250–273.
4. *Артамонов Н.Д.* О результатах измерения базисов для тригонометрической сети, по проволоке, произведенных в июне 1873 г., на летних практических занятиях, в окрестностях села Токсово, офицерами младшего курса Николаевской инженерной академии // Там же. 1873. № 8, отд. IV. С. 117–122.
5. *Артамонов Н.Д.* О результатах измерения базиса по проволоке в июне 1873 г. // Там же. 1873. № 9.
6. *Артамонов Н.Д.* Планиметр Амслера // Там же. 1875. № 5. С. 635–652.
7. *Артамонов Н.Д.* О военных съемках // Воен. сб. 1875. № 8, отд. I. С. 231–247.
8. *Артамонов Н.Д.* Способ геодезических работ пьемонтского инженера Порро и работы с нивелир-теодолитом на съемках в России // Инж. журн. 1877. № 3, отд. II. С. 332–379.
9. [*Артамонов Н.Д.*]. Астрономические и военно-топографические работы в районе действующей армии // Рус. инвалид. 1877. № 232. С. 2–3.
10. *Артамонов Н.Д.* Образцы черчения ситуации с объяснительным текстом. Одобрены Главным управлением военно-учебных заведений / Сост. А. Даниловский // Инж. журн. 1880. № 3, отд. III. С. 79–90.
11. *Артамонов Н.Д.* Критическая заметка о руководстве к съемке берегов и промеру П.П. Кузнецова // Инж. журн. 1880.
12. *Артамонов Н.Д.* Алидада-дальномер-высотомер // Рус. инвалид. 1881.
13. [*Артамонов Н.Д.*]. Картографическая заметка // Там же. 1884. № 83. С. 3.
14. [*Артамонов Н.Д.*]. Отчет по Военно-топографическому отделу [начальник Военно-топографического училища генерал-майор Артамонов] // Зап. ВТО Гл. штаба. СПб., 1892. Т. XLVIII, отд. I. С. 82–84.
15. *Артамонов Н.Д.* Курс низшей геодезии. СПб., 1897. 322 с.
16. *Артамонов Н.Д.* Курс низшей геодезии. 2-е изд. СПб., 1899. 424 с.
17. *Артамонов Н.Д.* Отчет о деятельности Военно-топографического отдела Полевого штаба и об астрономических, геодезических и топографических работах, произведенных чинами отдела во время войны 1877–1878 гг. // Зап. ВТУ Гл. штаба. СПб. 1903. Т. LX, отд. II. С. 169–190. С картой и планом.

18. *Артамонов Н.Д.* Очерк о деятельности Военно-топографического отдела Полевого штаба во время войны 1877–1878 гг. СПб., 1903. 22 с.

19. *Артамонов Н.Д.* О работах Топографического отделения штаба главнокомандующего вооруженными силами против Японии: (Рапорт начальника Военно-топографического управления начальнику Главного штаба от 30 декабря 1904 г.) // Зап. ВТУ ГУ ГШ. СПб., 1918. Т. LXXII, отд. I/II. С. 13–16.

20. [*Артамонов Н.Д.*], *Алексеев Я.И.* Отчет о работах чинов Корпуса военных топографов в Маньчжурии в 1904, 1905 и 1906 гг. // Зап. ВТУ ГУ ГШ. СПб., 1918. Т. LXXII, отд. I/II. С. 1–30.

21. *Артамонов [Н.Д.]*. XV Международный геодезический съезд // Сборник рефератов и переводных статей по геодезическим вопросам. СПб., 1906. С. 1–24.

22. [*Артамонов Н.Д.*]. Доклад генерала Артамонова о геодезических работах и связанных с ними астрономических, исполненных в 1903, 1904 и 1905 гг. // Там же. С. 24–37.

23. *Артамонов Н.Д.* Курс низшей геодезии. 3-е изд. СПб., 1908. 436 с.

24. *Артамонов Н.Д.* Доклад XVI Международному геодезическому съезду в Кембридже о геодезических и связанных с ними астрономических работах, исполненных в 1906, 1907 и 1908 гг. // Сборник рефератов и переводных статей по геодезическим вопросам. СПб., 1911. С. 1–36.

25. *Артамонов Н.Д.* Об ошибках измерений линейных и угловых величин. СПб., 1911. 17 с.

26. *Артамонов Н.Д.* Об организации топографической службы в действующей армии (12 мая 1909 г.) / Зап. ВТУ ГУ ГШ. СПб., 1918. Т. LXXII, отд. I/II. С. 16–18.

27. Карты окрестностей Константинополя и Босфора в масштабе 1/2 версты в дюйме / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб.: ВТО Гл. штаба, 1871.

28. Карта Европейской Турции в масштабе 10 верст в дюйме (на 17 листах) / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб.: ВТО Гл. штаба, 1876.

29. Карта высот Европейской Турции в масштабе 30 верст в дюйме / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб. Картогр. заведение Ильина, 1876.

30. Зап. ВТУ Гл. штаба / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб., 1906. Т. LXII.

31. Зап. ВТУ Гл. штаба / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб., 1907. Т. LXIII.

32. Зап. ВТУ Гл. штаба / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб., 1910. Т. LXIV, ч. I.

33. Зап. ВТУ Гл. штаба / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб., 1910. Т. LXV, ч. I.

34. Зап. ВТУ Гл. штаба / Под ред. Н.Д. Артамонова. СПб., 1910. Т. LXV, ч. II.

2. Литература о Н.Д. Артамонове

35. *Ануфриев. О.И., Капцюг В.Б., Толстов Е.Г.* и др. Василий Васильевич Витковский: (К 140-летию со дня рождения). СПб., 1997. С. 11–12, 14, 16.

36. Артамонов Николай Дмитриевич // БСЭ. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 2. С. 258.

37. *Адрианов В.Н., Четыркин В.И.* Николай Дмитриевич Артамонов // Топогр. и геодез. журн. 1911. № 9. С. 141–143.

38. *Витковский В.В.* Пережитое. Л.: ВМС РККА, 1927. С. 252–256, 259–268, 293–298, 300–302, 332–333, 335.

39. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!»: (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Геодезистъ. 2001. № 1. С. 38–41.

40. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!»: (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Там же. № 2. С. 40–44.
41. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!»: (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Там же. № 3. С. 36–39.
42. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!»: (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Там же. № 4. С. 34–39.
43. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!»: (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Там же. № 5. С. 35–39.
44. Глушков В.В. «Жизнь – Родине, честь – никому!» (К 160-летию со дня рождения выдающегося военного геодезиста генерала от инфантерии Н.Д. Артамонова) // Там же. № 6. С. 34–39.
45. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2003. С. 37, 39, 40, 43, 50, 52.
46. Глушков В.В., Долгов Е.И. О топографических работах в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Геодезия и картография. 1998. № 4. С. 55–59.
47. Глушков В.В., Долгов Е.И. Астрономо-геодезическая обеспеченность территории России накануне Первой мировой войны // Там же. № 7. С. 53.
48. Глушков В.В., Шаравин А.А. На карте Генерального штаба – Маньчжурия: Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2000. С. 179, 189, 194, 347–372.
49. Глушков В.В., Долгов Е.И., Шаравин А.А. Корпус военных топографов в годы Первой мировой войны. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 1999. С. 27–35, 207–208.
50. Картушин В.М. Василий Васильевич Витковский: Геодезист, ученый и педагог. М.: Геодезиздат., 1956. С. 59–62.
51. Коваленко А.П., Болов В.М. Мысли о главном. М.: Ветеран Отчизны: Мегapolis, 1999. С. 156–160.
52. Краткий исторический очерк подготовки кадров военных топографов в России. Л.: ЛВВТКУ, 1988. С. 14.
53. Кудрявцев М.К. О военно-топографической службе и топогеодезическом обеспечении войск. М.: РИО ВТС, 1980. С. 235.
54. Литвиненко В.П. История Санкт-Петербургского высшего военно-топографического командного Краснознаменного ордена Красной Звезды училища имени генерала армии Антонова А.И. (1822–1997). СПб.: СПбВТКУ, 1997. С. 29–30.
55. Новокшанова-Соколовская З.К. Картографические и геодезические работы в России в XIX – начале XX в. М., Наука, 1967. С. 76, 149, 197.
56. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. СПб.: Экополис и культура, 1995. С. 136–137.
57. Русско-турецкая война (1877–1878 г.): Дневники, спомени, записки, корреспонденция. София: Архивите говорят, 1998. С. 56, 61.
58. Сергеев С.В., Долгов Е.И. Военные топографы русской армии. М.: ТСВС РФ, 2001. С. 25–26.
59. Скончавшиеся в течение последних трех лет (1918–1921) // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 34.

60. *Стародымов Н.* Военный топограф и разведчик // Независимое военное обозрение. 2000. № 33. С. 7.

61. *Филатов В.Н.* Новая книга о топографрах русской армии // Геодезия и картография. 1999. № 10. С. 53.

62. *Филатов В.Н.* «С целью поднять уровень научного образования в Корпусе военных топографов...» // Геодезистъ. 2002. № 5/6. С. 4–8.

63. *Шибанов Ф.А.* Законодательные акты и распоряжения правительства по вопросам картографии, геодезии и межеванию [подготовленные по проектам Н.Д. Артамонова] // Очерки по истории отечественной картографии. Л., Изд-во ЛГУ, 1971. С. 103–105.

3. Исползованная литература

64. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М.: Русская разведка: Евразия+, 1998.

65. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 2. М.: Русская разведка: Евразия+, 1998.

66. *Болдырев В.Г.* Японо-русская война: Бой на реке Ша-хэ (взятие Путиловской сопки). Вып. 5. СПб.: О-во ревнителей военных знаний, 1905.

67. *Большаков Н.Н., Вайнберг В.В., Никитин П.Н.* Иосиф Иванович Ходзько: Ученый-геодезист. М.: Геодезиздат, 1960.

68. *Бызов Б.Е.* Пятьдесят лет на службе Родине: Воспоминания начальника Топографической службы Вооруженных Сил СССР / Отв. ред. В.В. Глушков. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2002.

69. *Богуславский Н.А.* Курс низшей геодезии (топографии) и применение ее к техническим изысканиям путей сообщения: Руководство для студентов и учеников технических учебных заведений. СПб., 1891.

70. *Витковский В.В.* «Картография (Теория картографических проекций). СПб., 1907.

71. В труппах Маньчжурии и наших восточных окраин. Сб. очерков, рассказов и воспоминаний военных топографов / Под ред. М.Н. Левитского. Одесса.: Типо-литография штаба округа, 1910.

72. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. № 28901.

73. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. Отд. 1. № 39306.

74. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. Отд. 2. № 40083.

75. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. Отд. 2. № 40345.

76. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XL. Отд. 2. № 44043.

77. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XLI. Отд. 2. № 44042.

78. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XLI. Отд. 2. № 44043.

79. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XLI. Отд. 2. № 44052.

80. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIII. Отд. 1. № 45518.

81. Второе Полное собрание законов Российской империи. Т. XLIII. Отд. 1. № 45554.

82. Третье Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3502.
83. Третье Полное собрание законов Российской империи. Т. VII. № 4615.
84. Третье Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. Отд. 1. № 21177.
85. *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. СПб., 1883. Т. 1.
86. *Глиноецкий Н.П.* История русского Генерального штаба. СПб., 1894. Т. 2.
87. *Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882.
88. *Глушков В.В.* «Когда бой кончился, появилось такое обилие начальства...» // Воен.-ист. журн. 2001. № 1.
89. *Глушков В.В.* «Когда бой кончился, появилось такое обилие начальства...» // Там же. № 2.
90. *Глушков В.В.* Картографирование северо-восточной части Китая в конце XIX – начале XX в. // ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. М., 2002.
91. *Глушков В.В., Долгов Е.И.* Об организации аэрофототопографической разведки в русской армии // Геодезия и картография. 1998. № 6.
92. *Глушков В.В., Шаравин А.А.* Ни победы, ни поражения. Исход Русско-японской войны 1904–1905 гг. до сих пор не получил однозначной оценки // Независимое воен. обозрение. 2000. № 36.
93. *Глушков В.В., Долгов Е.И., Васильевых В.А.* Из опыта топогеодезического обеспечения российских войск в чеченском вооруженном конфликте 1994–1996 гг.: Военно-топографическое управление. М.: ГШ ВС РФ, 1998.
94. *Граменицкий Д.С., Кремп А.И., Торопкин Ф.М., Харин К.Н.* Топографическое обеспечение боевых действий войск. М.: Воен.-инж. акад. Красной армии им. В.В. Куйбышева, 1941.
95. *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока: Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка о русско-японской войне. СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1908.
96. *Дакус Н.И.* Передовое предприятие – славная история: (К юбилею Хабаровской 488-й военно-картографической фабрики) // Геодезистъ. 2002. № 2.
97. *Дацьиен В.Г.* Русско-китайская война 1900 г. СПб.: Галей Принт, 1999. Ч. 2: Поход на Пекин.
98. *Де-Ливрон [В.Ф.].* Очерк деятельности Корпуса военных топографов с 1855 по 1880 гг. // Воен. сб. 1881. № 12.
99. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1837. Ч. I.
100. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1838. Ч. III.
101. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1840. Ч. V.
102. Записки Военно-топографического депо. СПб., 1843. Ч. VIII.
103. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1868. Ч. XXIX.
104. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1873. Ч. XXXIII.
105. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1878. Ч. XXXVI.
106. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1880. Ч. XXXVII.

107. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1889. Ч. XLIV.
108. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1898. Ч. LV.
109. Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. СПб., 1902. Ч. LIX.
110. Записки Военно-топографического отдела Главного управления Генерального штаба. СПб., 1918. Ч. LXXII.
111. *Иванищев Г.Т.* Основные этапы развития русской картографии до 1919 г. Сб. ст. ГУГК. М., 1944. Вып. VI.
112. *Иверонов И.А.* Современная геодезическая деятельность в России. М., 1897. (Тр. Топогр.-геодез. комис.; Вып. VI).
113. *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1988.
114. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872. СПб.: Гл. штаб, 1872.
115. *Картушин В.М.* Василий Васильевич Витковский: Геодезист, ученый и педагог. М.: Геодезиздат, 1956.
116. *Керсновский А.А.* История русской армии. М.: Воениздат, 1999.
117. *Коверский Э.А.* О геодезических работах и сооружении Великого Сибирского пути с картойю Азиатской России и смежных с нею владений. СПб.: Имп. Рус. геогр. о-ва, 1896.
118. *Левицкий Н.А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. 3-е изд. М.: Воениздат, 1938.
119. *Морозов Ю.В., Глушков В.В., Шаравин А.А.* Балканы сегодня и завтра: Военно-политические аспекты миротворчества. М.: Центр воен.-стратег. исслед. ГШ ВС РФ. Ин-т полит. и воен. анализа, 2001.
120. *Новокишанова З.К.* Карл Иванович Теннер. М.: Геодезиздат, 1957.
121. *Новокишанова З.К.* Федор Федорович Шуберт: Военный геодезист. М.: Геодезиздат, 1958.
122. *Новокишанова-Соколовская З.К.* Картографические и геодезические работы в России (XIX – нач. XX в.). Рукопись. 1965.
123. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. 3-е изд. СПб.: Петрополь, 1991.
124. Описание фонда коллекции Военно-ученого архива. Ф. 447. Китай (1737–1916) / Сост. Р.Ю. Меньшова. М.: Гл. архив. упр. МВД ЦГВИА СССР, 1952.
125. Очерки истории российской внешней разведки: От древнейших времен до 1917 г.: В 6 т. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 1.
126. *Папковский П.П.* Из истории геодезии, топографии и картографии в России. М.: Наука, 1983.
127. *Пеллинен Л.П.* Высшая геодезия (Теоретическая геодезия). М.: Недра, 1978.
128. Положение о полевом управлении войск в военное время (приказ по Военному ведомству 1890 г., № 62.). СПб.: Гл. штаб, 1890.
129. *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М.: Наука, 1989.
130. *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 1999. Т. 1.
131. Русско-японская война в сообщениях в Николаевской академии Генерального штаба. СПб.: Николаевская академия ГШ, 1906. Ч. 1: Подготовка воюющих сторон перед войной.

132. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб.: Воен.-ист. комис. ГШ, 1910. Т. 1: События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне.

133. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. III: Ляоянский период, ч. 1: Обстановка в первых числах июля. Июльские бои. Перерыв военных действий в период дождей; Ч. 2: От возобновления военных действий 10 августа до сосредоточения русской армии к ляоянским позициям 16 августа 1904 г.

134. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. III: Ляоянский период, ч. 3: Ляоянское сражение и отступление русской армии к г. Мукдену.

135. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб., 1910. Т. IV. Шахэ – Сандэпу, ч. 1: Сражение на реке Шахэ.

136. *Салищев К.А.* Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М.: Геодиздат, 1948.

137. *Селивачев В.И.* Петровцы на Путиловской сопке: (Воспоминания батальонного командира) // Японо-русская война. СПб.: О-во ревнителей военных знаний, 1905. Вып. 3.

138. *Селиханович В.Г.* Станислав Данилович Рыльке: Военный геодезист и астроном. М.: Геодиздат, 1961.

139. *Семанов С.Н.* Брусилов. М.: Молодая гвардия, 1980.

140. *Сергеев С.В., Долгов Е.И.* Военные топографы русской армии. М.: ТС ВС РФ, 2001.

141. Столетие Военного министерства. Главный штаб. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. СПб., 1910. Вып. 2, т. IV.

142. *Струве В.Я.* Дуга меридиана в 25° 20' между Дунаем и Ледовитым морем, измеренная с 1816 по 1855 г. под руководством Генерального штаба генерала от инфантерии К. Теннера, директора Королевского географического департамента в Норвегии Хр. Ганстена, директора Королевской обсерватории в Стокгольме Н.Х. Зеландера, директора Николаевской Главной обсерватории Ф.Г.В. Струве. СПб., 1861.

143. *Струве О.В.* Обзор деятельности Николаевской Главной обсерватории в продолжение первых 25 лет ее существования. СПб., 1865.

144. *Сухарев Ю.В.* Праздники русской армии // Воен.-ист. журн. 1993. № 1.

145. *Фель С.Е.* Картография России XVIII в. М.: Геодиздат, 1960.

146. *Шон Ж.* Военно-географический обзор театра войны на Дальнем Востоке. Пер. с нем. М.: Кропачев и Берг.; СПб.: Воен. типография, 1904.

147. *Шостьин Н.А.* Михаил Павлович Вронченко: Военный геодезист и географ. М.: Геодиздат, 1956.

148. Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1884. Т. II.

149. Японский полевой устав. Изданный японским Главным штабом в ноябре 1903 г. Пер. с яп. СПб., 1904.

Основные даты жизни и деятельности Н.Д. Артамонова

1840 г., 26 октября – родился в г. Москве.

1859 г., 16 июня – выпущен из Александровского сиротского кадетского корпуса поручиком в 3-й Гренадерский стрелковый батальон с прикомандированием к Николаевской инженерной академии.

1861 г., 12 января – отчислен из Николаевской инженерной академии «с обойдением чином один раз при производстве на вакансию», отправлен в Инспекторский департамент Военного министерства.

1862 г., 20 апреля – обойден чином при производстве на вакансию.

1862 г., 8 июня – прикомандирован к штабу Отдельного Гренадерского корпуса для подготовки к поступлению в Николаевскую академию Генерального штаба.

1863 г., 5 января – зачислен «в геодезическое отделение академии».

1863 г., 23 апреля – по ходатайству начальника академии «выше показанный штраф (12.01.1862 г. – *Гл.*) высочайше отменен, чин возвращен».

1863 г., 13 мая – произведен в штабс-капитаны.

1864 г., 6 ноября – «за отличные успехи в науках... произведен в капитаны».

1864 г., 15 декабря – по окончании академии по 1 разряду «удостоился получить малую серебряную медаль и имя его занесено на мраморную доску», направлен в Пулковскую обсерваторию для совершенствования в области астрономии и высшей геодезии.

1865 г., 9 ноября – переведен «в Генеральный штаб штабс-капитаном».

1866 г., 18 декабря – по окончании занятий в обсерватории «отчислен от академии с причислением» к ВТО Главного штаба.

1867 г. – назначен преподавателем топографии в Николаевскую инженерную академию.

1867 г., 16 апреля – произведен в Генерального штаба капитаны*.

1867 г., 24 августа – 1868 г., 18 января – командирован для измерения дуги меридиана от г. Измаила до острова Канди.

1869 г., 14 января – зачислен в штат КВТ с оставлением в Генеральном штабе.

1869 г., 20 апреля – назначен начальником Межевого отделения при хозяйственном правлении Оренбургского казачьего войска.

1869 г., 28 апреля – исключен из списков КВТ.

1869 г., 8 июля – 27 декабря – командирован в Турцию «для поднесения Порте каталога астрономических пунктов Балканского полуострова..., для проверки географического положения некоторых пунктов».

* Все последующие чины до генерала от инфантерии включительно получены по Генеральному штабу (Генерального штаба подполковник и т.д.).

1870 г. – обвенчался с дочерью статского советника Евгенией Михайловной Пчельниковой.

1870 г., 17 апреля – произведен в подполковники.

1870 г., 26 апреля – зачислен в штат КВТ, старшим обер-офицером для занятий в ВТО Главного штаба.

1871 г. – выход в свет первой научной статьи Н.Д. Артамонова «Астрономические определения в Европейской Турции в 1867 и 1869 гг.» в «Записках ВТО...», т. XXXII.

1871 г., 31 мая – 24 июня – командирован в Лифляндскую губернию для рекогносцировок по полевым занятиям офицеров Генерального штаба.

1872 г. – по предложению Н.Д. Артамонова в русской армии были приняты новые нормы «снабжения картами войск во время войны, и с этой целью в разных пунктах империи были устроены постоянно пополняемые склады карт».

1872 г., 12 марта – родился сын Николай.

1873 г., 19 января – назначен штаб-офицером для поручений в ВТО Главного штаба.

1873 г., 8 апреля – за отличие по службе произведен в полковники.

1873 г., 20 июля – назначен «штаб-офицером заведывающим обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами».

1873 г., 8 августа – исключен из списков чинов КВТ.

1874 г., 14 января – родилась дочь Инна.

1876 г. – Н.Д. Артамонов завершил работу по изданию карты Европейской Турции в 10-верстном масштабе и такой же карты высот в 30-верстном масштабе, написал «особую записку», с разными способами «ведения военных действий на Балканском полуострове». Она была доложена императору Александру II и положена в основу плана надвигавшейся войны с Турцией.

1876 г., 2 ноября – назначен штаб-офицером над вожатыми в Полевой штаб действующей армии.

1877 г., 30 октября – назначен и. д. начальника ВТО Полевого штаба действующей армии с оставлением в прежней должности.

1877 г., 1–2 ноября – командирован к Осман-Паше «с письмом и попыткой завязать переговоры о сдаче Плевны».

1877 г., 28 ноября – при взятии в плен армии Осман-Паши состоял в «высочайшем государя императора присутствии» в свите главнокомандующего Дунайской армией.

1878 г., 21 апреля – командирован в С.-Петербург «для представления на высочайший осмотр всех съемок и других работ», произведенных чинами ВТО Полевого штаба армии за время войны 1877–1878 гг.

1878 г., 7 июля – родился сын Василий.

1878 г., 14 октября – назначен «штаб-офицером заведывающим обучающимися в Николаевской академии Генерального штаба офицерами».

1878 г., 10 ноября – назначен редактором карт при ВТО Главного штаба с оставлением в прежней должности.

1879 г., 25 октября – назначен членом военно-исторической комиссии по описанию минувшей войны.

1881 г., 22 мая – 8 июня – командирован «для наблюдения в целях инспекции за летними топографическими занятиями» во всех петербургских военных училищах и в московском 3-м Александровском военном училище.

1883 г., 15 мая – за отличие по службе произведен в генерал-майоры «с оставлением в академии наблюдающим за обучающимися офицерами..., редактором карт и в Генеральном штабе».

- 1886 г., 6 марта – назначен начальником Военно-топографического училища с зачислением по Генеральному штабу.
- 1890 – избран в действительные члены Русского астрономического общества.
- 1894 г., 30 августа – произведен в генерал-лейтенанты.
- 1897 г. – выход в свет первого издания учебника Н.Д. Артамонова «Курс низшей геодезии».
- 1899 г. – выход в свет второго издания учебника Н.Д. Артамонова «Курс низшей геодезии».
- 1900 г. – утвержден членом конференции Николаевской инженерной академии.
- 1901 г., 13 февраля – назначен членом Военно-ученого комитета Главного штаба «сверх штата с оставлением в прежней должности».
- 1903 г. – избран членом Совета Русского астрономического общества (до 1907 г.).
- 1903 г. – выход в свет книги Н.Д. Артамонова «Очерк о деятельности Военно-топографического отдела Полевого штаба во время войны 1877–78 гг.».
- 1903 г., 11 марта – назначен начальником ВТО Главного штаба с оставлением по Генеральному штабу.
- 1903 г., 1 мая – назначен начальником ВТУ Главного штаба и КВТ.
- 1905 г., 8 июня – Н.Д. Артамонов представил в Главный штаб докладную записку о необходимости разработки новой «организации ВТУ Главного штаба, наиболее отвечающей современным требованиям техники и необходимого развития деятельности Корпуса военных топографов».
- 1905 г., 9–12 августа – временно исполнял обязанности начальника вновь сформированного ГУ ГШ.
- 1906 г., 18 марта – 15 апреля, 17 мая – 26 мая, 30 июня – 13 июля – временно исполнял обязанности начальника Генерального штаба.
- 1906 г., 24 августа – 30 сентября – командирован в Австро-Венгрию делегатом на Общую конференцию геодезического союза.
- 1906 г. – выход в свет отчета Н.Д. Артамонова об итогах работы XV Международного геодезического съезда и доклада о геодезических и астрономических работах, выполненных в 1903, 1904 и 1905 гг. в «Сборнике рефератов и переводных статей по геодезическим вопросам».
- 1906 г., 6 декабря – за отличия по службе произведен в генералы от инфантерии.
- 1907 г. – назначен председателем комиссии, «образованной для разработки общего плана будущих географических работ», членом Топографического комитета Петербургской академии наук (до 1910 г.).
- 1907 г., 4–11 июля, 1909 г., 17–23 апреля, 15–29 мая – временно исполнял обязанности начальника Генерального штаба.
- 1908 г. – выход в свет третьего издания учебника Н.Д. Артамонова «Курс низшей геодезии».
- 1909 г., 12 мая – выход в свет доклада Н.Д. Артамонова «Об организации топографической службы в действующей армии» в «Записках ВТО...», т. LXXII.
- 1909 г., 8 июня – избран почетным членом Русского астрономического общества.
- 1909 г., 13 июля – 26 августа, 1910 г., 2 января – 16 мая, 15 июня – 28 ноября, 1911 г., 3 февраля – 20 марта – временно исполнял должность начальника ГУ ГШ.
- 1909 г., 26 августа – 19 октября – командирован в Англию, в Кембридж, делегатом на Общую конференцию Геодезического союза, избран почетным членом Союза.

1910 г. – выход в свет последнего из пяти томов «Записок ВТУ...», составленных под редакцией Н.Д. Артамонова.

1911 г., 3 апреля – назначен членом Военного совета России с оставлением по Генеральному штабу (состоял в нем до 1918 г.).

1912 г. – избран помощником председателя Русского географического общества (до 1917 г.) будучи до этого членом ревизионной комиссии и комиссии по присуждению медалей.

1913 г. – подал прошение императору Николаю II о передаче ему «княжеского титула угасшей мужской линии Пожарских» как «родственнику по прямой побочной мужской линии».

1914 г., 29 ноября – «последовало высочайшее соизволение на оставление решения о возвращении титула князя Пожарского прямому наследнику по побочной мужской линии (Н.Д. Артамонову. – *Гл.*)... с наименованием Артамонов-Пожарский до истечения того года, в котором окончится война».

1917 г. – избран почетным членом Русского географического общества.

1918 г., март – обратился в Народный комиссариат Советской Республики по военным и морским делам с просьбой об отставке и назначении ему пенсии.

1918 г., 22 июня – уволен с военной службы с пенсией в размере 2145 рублей в год.

1919, декабрь – скончался от ран сын Василий, похоронен в Рязанской губернии.

1920 г. – скончался Н.Д. Артамонов, похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петрограде рядом с женой.

Именной указатель

Адрианов Владимир Николаевич (1875–1938) – военный топограф, производитель картографических работ в ВТО ГУ ГШ (1905–1918), подполковник (1916).

Александр II (1818–1881) – российский император с 1855 г.

Александр III (1845–1894) – российский император с 1881 г.

Алексеев Евгений Иванович (1843–1918) – военачальник, заместитель императора на Дальнем Востоке (1903–1905), главнокомандующий всеми Вооруженными Силами России, действующими против Японии, генерал-адъютант, адмирал (1903).

Алексеев Яков Иванович (1872–1942) – военный геодезист, астроном 1-й Маньчжурской съемки (1904–1907), начальник геодезического отделения ВТО ГУ ГШ (1911–1918), генерал-майор (1916).

Алексей Михайлович (1629–1676) – русский царь с 1645 г.

Артамонов Андрей Петрович (17??–18??) – дядя Н.Д. Артамонова, офицер, разжалован в рядовые (1825).

Артамонов Василий Андреевич (1857–19??) – двоюродный брат Н.Д. Артамонова, помощник начальника 1-й Закавказской пехотной запасной бригады, полковник (1904).

Артамонов Василий Николаевич (1878–1919) – младший сын Н.Д. Артамонова, Генерального штаба полковник (1914), военком 23-й стрелковой дивизии РККА (1919).

Артамонов Дмитрий Петрович (17??–1840) – отец Н.Д. Артамонова, штабс-капитан.

Артамонова Инна Дмитриевна (1874–1???) – дочь Н.Д. Артамонова

Артамонов Константин Петрович (17??–18??) – дядя Н.Д. Артамонова.

Артамонов Леонид Константинович (1859–1932) – двоюродный брат Н.Д. Артамонова, военачальник выдающийся военный востоковед, географ, генерал от инфантерии.

Артамонов Максимилиан Константинович (1854–19??) – двоюродный брат Н.Д. Артамонова, помощник военного прокурора Московского военно-окружного суда, полковник (1894).

Артамонов Михаил Константинович (1857–19??) – двоюродный брат Н.Д. Артамонова, председатель Приамурского военно-окружного суда, генерал-лейтенант (1905).

Артамонов Николай Николаевич (1872 – после 1918) – старший сын Н.Д. Артамонова, член военно-окружного совета Омского военного округа, генерал-майор (1916).

Артамонов Павел Петрович (179? – после 1851) – дядя Н.Д. Артамонова, командир пехотной бригады (1851), генерал-майор (1851).

Артамонов Сергей Юрьевич (169?-17??) – внук А.С. Матвеева и правнук князя Д.М. Пожарского, лейб-гвардии Преображенского полка поручик.

Артамонова (Пчельникова) Евгения Михайловна (18??–19??) – дочь статского советника, жена Н.Д. Артамонова.

Артамонова (Рыбакова) Евдокия Васильевна (18??–19??) – жена В.Н. Артамонова.

Батманов Матвей Федорович (1831 – после 1880) – военный топограф, офицер ВТО Полевого штаба Дунайской армии (1877–1878), подполковник (1877).

Белозерский – 105-го пехотного Оренбургского полка штабс-капитан (1904).

Берг Федор Федорович (1793–1878) – военачальник, генерал-квартирмейстер Главного штаба и начальник Корпуса топографов (1843–1855), генерал-адъютант (1831), генерал-фельдмаршал (1866).

Бескорнилович Михаил Осипович (1796 – после 1852) – военный топограф, начальник съемки Витебской губернии (1847–1850), генерал-майор (1847).

Бессель Фридрих Вильгельм (1784–1846) – немецкий математик, астроном и геодезист.

Бильдерлинг Александр Александрович (1846–1909) – военачальник, командир 17-го армейского корпуса (1904–1905), писатель, генерал от кавалерии, барон.

Бларамберг Иван Федорович (1800–1878) – военный топограф, директор Военно-топографического депо (1856–1863), управляющий Военно-топографической частью ГУ ГШ (1863–1867), генерал от инфантерии (1872).

Бобриков Георгий Иванович (1840 – после 1904) – лейб-гвардии Уланского полка штабс-ротмистр (1867), командир 1-й гвардейской пехотной дивизии (1898–1901), военный писатель, генерал от инфантерии.

Болдырев Василий Георгиевич (Егорович) (1875–1933) – военный топограф, военачальник, командующий 5-й армией (1917), член Уфимской дирекции и главнокомандующий ее войсками (1918), генерал-лейтенант (1917).

Бонсдорф Аксель Робертович (1839–1918) – военный геодезист, начальник триангуляции Западного пограничного пространства (1904–1913), генерал от инфантерии (1913).

Брауэр Георг Константинович (1816–1882) – оптик-механик мастерской Пулковской обсерватории, под руководством которого в 1845–1866 гг. были изготовлены нивелир-теодолиты конструкции Э.И. Форша, переносные пассажные инструменты, универсалы, вертикальный круг Брауэра.

Брейнер – создатель анероида названного его фамилией.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – полководец, главнокомандующий Юго-Западным фронтом (1916–1917), Верховный главнокомандующий русской армией (1917), генерал-адъютант (1915), генерал от кавалерии (1912).

Бух Владимир Васильевич (1873 – после 1916) – военный топограф, производитель топографических (1897–1909) и геодезических (1909–1917) работ, подполковник (1916).

Бьянкони – французский картограф, составитель «Физической и политической карты Китая...» (конец XIX в.).

Бызов Борис Ефимович (1920 г. рожд.) – военный топограф, начальник ВТУ ГШ – ТС ВС СССР (1974–1989), лауреат Государственной премии СССР, генерал-полковник.

Быков (18??–19??) – военный топограф, Корпуса военных топографов штабс-капитан (1867).

Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – военачальник, военный министр (1882–1898), министр народного просвещения (1901–1902), генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1883).

Веригин Александр Иванович (1807–1891) – военачальник, генерал-квартирмейстер Главного штаба и начальник Корпуса топографов (1861–1866), генерал от инфантерии (1868).

Вирен – создатель хронометра названного его фамилией.

Витковский Василий Васильевич (1856–1924) – военный геодезист, заслуженный ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба (1907), начальник кафедры геодезии и астрономии в Николаевской военной академии (1909–1918), генерал-лейтенант (1909).

Витрам Федор Федорович (1854–1914) – астроном, заслуженный профессор практической астрономии и геодезии Николаевской военной академии (1912), «совещательный астроном» ВТО ГУ ГШ (1891–1914) и Морского ведомства (1895–1914).

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) – государственный деятель, управляющий министерством путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906), статс-секретарь, граф.

Волконский Петр Михайлович (1776–1852) – военный и государственный деятель, управляющий Квартирмейстерской частью (1810–1823), начальник Главного штаба е.и.в. (1815–1823) и директор Военно-топографического депо (1816–1823), генерал-фельдмаршал (1850).

Ворд – английский картограф, составитель «Карты Квантунского полуострова» (1900).

Ворошилов В. – автор «Карманной книжки о Маньчжурии» (1897).

Вронченко Михаил Павлович (1802–1855) – военный геодезист, начальник Новороссийской (1848–1854) и Приволжской (1855) триангуляций, генерал-майор (1848).

Врангель Василий Васильевич (1797–1872) – военный гидрограф, начальник съёмочных и зондировочных работ на Балтийском море, начальник балтийских маяков (1855–1872), член-корреспондент Петербургской академии наук, барон, адмирал.

Гаврилов Владимир Иванович (1865 – после 1924) – 147-го пехотного Самарского полка капитан (1902), производитель топографических работ Приамурского ВТО (1903–1906), подполковник (1916).

Гамильтон Евдокия Григорьевна – жена А.С. Матвеева, светлейшая княжна.

Гаммер-Пургшталь Йозеф фон (1774–1856) – австрийский географ, востоковед и дипломат, иностранный почетный член Петербургской академии наук (1823).

Гедонов Дмитрий Данилович (1854–1908) – военный геодезист, начальник Туркестанского ВТО (1900–1908), председатель Туркестанского отдела РГО (1906), генерал-майор (1901).

Гейден Федор Логинович (1821–1900) – военный и государственный деятель, начальник Главного штаба и председатель ВУК (1866–1881), финляндский генерал-губернатор и командующий войсками Финляндского военного округа (1881–1898), граф, генерал-адъютант (1862), генерал от инфантерии (1870).

Гильдебранд – механик и создатель геодезических инструментов.

Гладышев Петр Иванович (1850 – после 1917) – геодезист КВТ, начальник съемки Юго-Западного пограничного пространства (1900–1904, 1907–1917), 1-й Маньчжурской съемки (1904–1907), генерал-лейтенант (1906).

Глинский Н.С. – начальник штаба Квантунской области в 1904 г., полковник.

Глушков Валерий Васильевич (1949 г. рожд.) – автор настоящей книги, заместитель директора ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, Почетный геодезист России, действительный член РГО, доктор географических наук, профессор Московского Государственного университета путей сообщения (МИИТ), полковник.

Глушков Василий Николаевич (1880 – после 1911) – дед автора книги, участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., младший офицер, командующий ротой в 12-м Барнаульском пехотном полку (1904), «заведующий оружием» в том же полку (1905), кавалер четырех боевых орденов, поручик (1904).

Гонсевский Викентий-Корвин (16??-1662) – военачальник, гетман литовский, в период правления царя Алексея Михайловича провел четыре года в русском плену, где написал несколько исторических сочинений.

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793–1861) – полководец, генерал-квартирмейстер 2-й армии (1828–1829), главнокомандующий крымской армией (1855), наместник Царства Польского и главнокомандующий 1-й армией (1856–1861), князь, генерал-адъютант (1829), генерал от артиллерии (1844).

Греков Митрофан Ильич (1842–19??) – командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии (1904–1905), писатель, генерал-лейтенант (1905).

Грулев Михаил Владимирович (1853–1843) – военачальник, начальник штаба 3-й пехотной дивизии (1902–1904), командир 11-го пехотного Псковского полка (1904–1905), начальник штаба Брест-Литовской крепости (1905–1912), востоковед, писатель, генерал-лейтенант.

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901) – военачальник, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-губернатор Привислинского края и командующий войсками Варшавского военного округа, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал (1894).

Губиев Александр Николаевич (1870 – после 1937) – военный топограф, производитель топографических работ (1896–1913), подполковник (1915).

Давыдов Антоний Дмитриевич (1868–1919) – военный геодезист, начальник Приамурского ВТО (1912–1917), генерал-майор (1915).

Делиль Жозеф-Николя (1688–1768) – главный астроном и первый директор Астрономической обсерватории Петербургской академии наук (1725–1747), иностранный почетный член Петербургской академии наук (1747–1748).

Дембовский Т.Л. – командир отряда в 1904 г., генерал-лейтенант.

Дент – создатель хронометра, названного его фамилией.

Дитмарс Эбергард Иванович (179? – после 1835) – квартирмейстер 2-й конно-егерской дивизии действующей армии (1828), руководитель съемки Молдавии и Валахии (1831), генерал-майор (1835).

Дитц Отто Германович (1876–1957) – военный геодезист, помощник начальника геодезического отделения ВТО ГУ ГШ (1911–1918), начальник КВТ РККА (1921–1923).

Дмитриев Василий Васильевич (1869 – после 1923) – военный топограф, производитель геодезических работ Приамурского ВТО (1902–1918), подполковник (1913).

Домбровский А. – автор «Карманной книжки о Маньчжурии» (1897).

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) – военачальник и военный теоретик, начальник Николаевской академии Генерального штаба (1878–1889). С 1889 г. командующий войсками Киевского военного округа, генерал от инфантерии (1891).

Дуров Николай Николаевич (1862 – после 1913) – старший адъютант штаба Приамурского военного округа (1897–1900), командир 1-й бригады 7-й кавалерийской дивизии (1912), генерал-майор (1912).

Едерин (Йедерин) Эдвард (1852–1923) – шведский астроном и геодезист, разработчик базисного прибора (1880) и разработчик способа базисных измерений.

Ернефельт Александр Густавович (1833–1897) – военный геодезист, начальник съемки Финляндии (1870–1883), съемки Западной Болгарии (1877–1878), сенатор Финляндского сената (1894–1897), генерал-лейтенант (1888).

Есаков Василий Алексеевич (1924 г. рожд.) – главный научный сотрудник ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, Заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор.

Жданов Евгений Александрович (1839–1892) – военный геодезист, начальник съемки Бессарабской области (1870–1881), съемки Восточной Болгарии (1878–1881), Кавказского ВТО (1886–1892), генерал-майор (1882).

Жилинский Яков Григорьевич – военачальник, начальник штаба наместника императора на Дальнем Востоке в 1904 г., начальник Генерального штаба (1911–1914), генерал от кавалерии (1910).

Замочников Игнатий Михайлович (1842–1883) – геодезист КВТ, вычислитель геодезических работ при ВТО Главного штаба (1879–1883), капитан (1879).

Иван IV Грозный (1530–1884) – первый русский царь с 1547 г.

Иванов Алексей Николаевич (1856–1912) – военный топограф, производитель вычислительных и геодезических работ (1897–1909), полковник (1905).

Иверонов Иван Александрович (1867–1916) – геодезист и астроном, профессор, заведующий кафедрой геодезии (1894–1916) и ректор (1909–1916) Московского сельскохозяйственного института.

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908) – дипломат, посол в Константинополе (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), граф, генерал от инфантерии (1878).

Илинский Сергей Павлович (1867 – после 1914) – и.д. старшего адъютанта штаба Приамурского военного округа (1895–1897), штаб-офицер для поручений при штабе главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке (1904–1906), генерал-майор (1911).

Калигула (12–41 н.э.) – римский император с 37 г. н.э.

Карлович Владислав Александрович (1849 – после 1893) – военный топограф, производитель топографических работ на съемке Гродненской губернии (1885–1893), подполковник (1890).

Керсновский Антон Антонович (1905–1944) – дипломат по образованию, военный публицист, историк.

Коверский Эдуард Аврелианович (1837–1916) – военный геодезист, начальник триангуляции Западного пограничного пространства (1894–1904), съемки С.-Петербургской губернии и Финляндии (1904–1916), генерал-лейтенант (1895).

Козловский Степан Станиславович (1858 – после 1920) – военный геодезист, начальник Приамурского ВТО (1904–1911), съемки Северо-Западного пограничного пространства (1911–1918), Западного ВТО КВТ РККА (1918–1920), генерал-лейтенант (1917).

Кольшмид (Кольшмидт) В.Б. – составитель «Карты шоссеиной дороги Цицикар–Хуланчень–Харбин...» (1899), пограничный комиссар Амурской области (1900), подполковник.

Корзун Николай Павлович (1874–1920) – военный геодезист, астроном 1-й Маньчжурской съемки (1906–1907), и.д. начальника Иркутского ВТО (1913–1918), полковник (1911).

Кортацци (Картацци) Иван Егорович (1837–1903) – геодезист КВТ, профессор высшей геодезии и астрономии в Николаевской академии Генерального штаба (1868–1872), директор морской обсерватории в Николаеве (1872–1903), подполковник (1868).

Косоговский (Косаговский) Владимир Андреевич (1857–1918) – военачальник, востоковед, командующий Сибирской казачьей дивизией (1904), командир Приамурской сводной казачьей бригады (1905), генерал-лейтенант.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – военачальник, писатель, командир 3-го конного корпуса (1917), атаман Войска Донского (1918–1919), генерал от кавалерии.

Крестинский – составитель «Карты части Ляодунского полуострова...» (1899), поручик.

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – Верховный главнокомандующий РККА (1918), нарком юстиции РСФСР (1931–1936) и СССР (1936–1938).

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – полководец, военный министр (1898–1904), главнокомандующий всеми Вооруженными Силами России, действующими против Японии (1904–1905), генерал-адъютант (1902), генерал от инфантерии (1901).

Кутович – классный топограф КВТ в 1877 г.

Лаплас Пьер Симон (1749–1827) – французский астроном, математик и физик, министр внутренних дел (1799), канцлер (1803), член (1785–1795, 1817–1827) Парижской академии наук, почетный член Петербургской академии наук (1802), граф, маркиз.

Лебедев – слушатель Николаевской инженерной академии в начале 1860-х гг., инженер-поручик.

Лебедев Михаил Николаевич (1841–1892) – геодезист КВТ, начальник Оренбургского ВТО (1871–1877), астрономо-геодезических работ в Болгарии (1878–1881), триангуляции Бессарабской области (1881–1883), съемки Юго-Западного пограничного пространства (1883–1892), генерал-майор (1886).

Левицкий Николай Арсеньевич (1887–1938) – военный историк, профессор Академии Генерального штаба РККА (в 1930-х гг.), комбриг.

Леонтьев Александр Николаевич (1827–1878) – начальник Николаевской Академии Генерального штаба (1862–1878), генерал-лейтенант.

Линевич Николай Петрович (1838–1908) – полководец, командующий войсками Приамурского военного округа и приамурский генерал-губернатор, главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Дальнего Востока (1905), генерал-адъютант (1905), генерал от инфантерии (1903).

Литвиненко Виктор Петрович (1922 г. рожд.) – начальник учебного отдела – заместитель начальника ЛВВТКУ (1968–1978), Заслуженный деятель геодезии и картографии РФ, полковник.

Литке Федор Петрович (1797–1882) – мореплаватель и географ, член-учредитель РГО и его вице-президент (1845–1850, 1857–1872), главный командир и военный губернатор Ревельского, Кронштадтского портов (1850–1857), президент Петербургской академии наук (1864–1882), граф (1866), адмирал (1855).

Лоренц Константин Фридрихович (1860 – после 1919) – военный топограф, производитель вычислительных работ при ВТУ Главного штаба (ВТО ГУ ГШ) (1900–1914), геодезических работ на триангуляции Западного пограничного пространства (1914–1918), подполковник (1902).

Любицкий Алексей Викторович (1873 – после 1926) – военный топограф, производитель топографических работ Приамурского военного округа (1900–1917), 1-й Маньчжурской съемки (1905–1906), полковник (1917).

Мадритов – командир конного отряда в 1904 г., полковник.

Мартонн Эммануэль де (1873–1955) – французский географ, президент (1938–1952) и почетный президент (с 1952 г.) Международного географического союза, член Парижской академии наук (1942).

Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728) – сын А.С. Матвеева, дипломат, президент Морской академии и управитель Московской математико-навигационной школы (1715–1719), сенатор и президент Юстиц-коллегии (1719–1724), граф (1715).

Матвеев Артамон Сергеевич (1625–1682) – государственный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича, руководитель российской дипломатии (1671–1675), боярин.

Матвеев Сергей (15??–16??) – отец А.С. Матвеева, дьяк, дипломат.

Матвеев Станислав Ильич (1941 г. рожд.) – заведующий кафедрой «Геодезия, геоинформатика и навигация» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Почетный геодезист России, доктор технических наук, профессор.

Матусевич Николай Николаевич (1879–1950) – военный гидрограф-геодезист, Северного гидрографического отряда, профессор Военно-морской академии (с 1931 г.), вице-президент Географического общества СССР, инженер-вице-адмирал (1943).

Медзвецкий Николай Афанасьевич (1868–1929) – помощник начальника (1905–1909) и начальник (1909–1911) геодезического отделения ВТУ (ВТО) ГУ ГШ, начальник Военно-топографического училища (1911–1917), генерал-майор (1913).

Менелик II (1844–1913) – император Эфиопии с 1889 г.

Мердер – составитель карт отдельных районов Маньчжурии в 1894 г., корнет.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) – начальник Главного штаба Кавказской армии (1857), военный министр (1861–1881), граф (1878), генерал-адъютант (1859), генерал-фельдмаршал (1898).

Миронов Филипп Кузьмич (1872–1921) – военачальник, командующий 2-й конной армией РККА (1920).

Михаил Федорович (1596–1645) – русский царь с 1613 г., первый царь из рода Романовых.

Муравьев-Амурский Николай Николаевич (1809–1881) – тульский военный и гражданский губернатор (1846), иркутский и енисейский губернатор, первый генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861), граф, генерал-адъютант (1857), генерал от инфантерии (1858).

Нардин – конструктор хронометра названного его фамилией.

Нарышкина Наталья Кирилловна (1651–1694) – русская царица, жена царя Алексея Михайловича.

Непокойчицкий (фон-Упру) Артур Адамович (1813–1881) – начальник штаба Южной армии и сухопутных и морских сил, находившихся в Крыму. начальник штаба 2-й армии (1855–1856), начальник Полевого штаба Дунайской армии (1877–1878), генерал-адъютант (1874), генерал от инфантерии.

Никон (Минов Никита) (1605–1681) – русский патриарх (1652–1667).

Никонов – слушатель Николаевской инженерной академии в начале 1860-х гг., инженер-поручик.

Нодэ – конструктор анероида (большого) названного его фамилией.

Обломиевский Дмитрий Дмитриевич (1833 – после 1893) – военный геодезист, начальник геодезического отделения ВТО Главного штаба (1867–1876,

1877–1882), ВТО Полевого штаба Дунайской армии (1876–1877), генерал-майор (1877).

Обручев Николай Николаевич (1830–1904) – заслуженный профессор кафедры военной географии и статистики Николаевской академии Генерального штаба (1875–1878), начальник Главного штаба (1881–1897), почетный член Петербургской академии наук (1888), генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1887).

Ойяма Ивао (1842–1916) – японский полководец, начальник генерального штаба (с 1899 г.) Главнокомандующий Маньчжурскими армиями (1904–1905), маркиз, маршал (1898).

Орановский Владимир Алоизиевич (1866–1917) – генерал-квартирмейстер штаба 1-й Маньчжурской армии (1904), штаба Главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке (1905), генерал от кавалерии (1914).

Орлов Николай Александрович (1855–1915) – военачальник, профессор кафедры военного искусства Николаевской академии Генерального штаба (1892–1900), командующий 54-й пехотной дивизией (1904), начальник 3-й пехотной дивизии (1905), генерал-лейтенант.

Осман Нури-Паша (1832–1900) – турецкий военачальник, командир корпуса (1876–1878), военный министр (1878–1885), маршал (1876).

Павлов Никифор Демьянович (Дамианович) (1867–1929) – военный геодезист, астроном в 3-й Маньчжурской съемке (1906–1907), начальник Омского ВТО (1908–1918), председатель (с 1915 г.) и почетный член (с 1928 г.) Западно-Сибирского отдела РГО, генерал-майор (1913).

Палицын Федор Федорович (1851–1923) – начальник штаба генерал-инспектора кавалерии (1895–1905), начальник Генерального штаба (1905–1908), генерал от инфантерии (1907).

Перевошиков Дмитрий Матвеевич (1788–1880) – ректор (1848–1851) Московского университета, член-корреспондент (1832), экстраординарный академик Петербургской академии наук (1855).

Петр I Великий (1672–1725) – российский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г.

Пистор Карл Филипп Генрих (1778–1847) – немецкий оптик-механик.

Питкин – конструктор анероида (малого) названного его фамилией.

Пихль – конструктор хронометра названного его фамилией.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578–1642) – народный герой России, полководец, князь, боярин.

Пожарский Юрий – внук Д.М. Пожарского, отец С.Ю. Артамонова, князь.

Позднеев Дмитрий Матвеевич (1865–1942) – востоковед, автор работ по истории Японии и ее внешних сношений, по истории Китая.

Поливанов Алексей Андреевич (1856–1920) – член Государственного совета (1912–1915), военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (1915–1916), генерал от инфантерии (1911).

Поляновский Михаил Павлович (1842 – после 1905) – геодезист КВТ, производитель астрономических работ ВТО Главного штаба (1884–1900), начальник Приамурского ВТО (1900–1904), генерал-майор (1901).

Померанцев Илюдор Иванович (1847–1921) – геодезист КВТ, начальник геодезического отделения ВТО Главного штаба (1894–1903), Военно-топографического училища (1903–1911), ВТО ГУ ГШ и КВТ (1911–1917), генерал от инфантерии (1914).

Порро – пьемонтский инженер в середине XIX в.

Поспеев – составитель карт отдельных районов Маньчжурии (1899, 1901), капитан.

Рафаилов Петр Алексеевич (1848 – после 1926) – военный топограф, начальник Картографического заведения ВТО ГУ ГШ (1904–1916), начальник съемки Петроградской губернии и Финляндии (1916–1918), генерал-майор (1909).

Редигер Александр Федорович (1853–1920) – начальник Канцелярии военного министерства России (1898–1905), одновременно профессор (1884) и заслуженный ординарный профессор (1898) военной администрации Николаевской академии Генерального штаба, военный министр (1905–1909), генерал от инфантерии (1907).

Ренненкампф Павел Карлович (1854–1918) – военачальник, командир Забайкальской казачьей дивизии (1904–1905), командующий войсками Виленского военного округа (1913), генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1910).

Репсольд Иоганн Георг (1771–1830) – гамбургский оптик-механик, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Репьев Дмитрий Иванович (1866–1919) – военный геодезист, и.д. начальника Иркутского ВТО (1906–1910), начальник Туркестанского ВТО (1910–1918), генерал-майор (1912).

Романов Михаил Николаевич (1832–1909) – наместник е.и.в. на Кавказе (1862–1881), генерал-фельдцейхмейстер, почетный член Петербургской академии наук (1855), великий князь, генерал-фельдмаршал (1878).

Романов Николай Николаевич (Старший) (1831–1891) – главнокомандующий Дунайской армией (1876–1878), почетный член Петербургской академии наук (1855), великий князь, генерал-фельдмаршал (1878).

Романов Николай Николаевич (Младший) – председатель Совета государственной обороны (1905–1908), Верховный главнокомандующий русской армией (1914–1915), генерал от кавалерии (1901), великий князь.

Ростовцев Яков (Иаков) Иванович (1803–1860) – главный начальник военно-учебных заведений Главного штаба (1849–1855), член Государственного совета (1856), почетный член Петербургской академии наук (1855), граф, генерал-адъютант (1849), генерал от инфантерии (1859).

Ротштейн Вильгельм Иванович (1820–18??) – военный топограф, правитель канцелярии Военно-топографического депо (1862–1863), инспектор, начальник Училища топографов, Военно-топографического училища (1863–1885), генерал-лейтенант (1885).

Рутов Александр Константинович (1848–18??) – военный топограф, офицер ВТО Полевого штаба Дунайской армии (1876–1878), межевой ревизор (1884–1885), штабс-капитан (1880).

Рыбаков Василий – отец жены В.Н. Артамонова, генерал для поручений при командующем войсками Омского военного округа, генерал-майор.

Савицкий Михаил Александрович (1838–1908) – военный геодезист, помощник начальника ВТО Полевого штаба Дунайской армии (1876–1878), начальник съемки Гродненской губернии (1885–1908), член РГО, генерал-лейтенант (1902).

Самойлов Владимир Константинович (1866–19??) – военный агент России в Японии (1902–1904), генерал-майор (1911).

Самсонов Александр Васильевич (1859–1914) – военачальник, командир Уссурийской конной бригады, начальник Сибирской казачьей дивизии (1904–1905), командующий 2-й армией (1914), генерал от кавалерии (1910).

Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) – начальник Главного штаба (1898–1904), военный министр (1904–1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант (1897).

Сахаров Владимир Викторович (1853–1920) – военачальник, начальник штаба главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке (1904–1905), командующий Румынским фронтом (1916–1917), генерал от кавалерии.

Селивачев В.И. – командир батальона 88-го Петровского полка 22-й пехотной дивизии в 1904 г., подполковник.

Селиверстов Иван Иванович (1868–1937) – военный геодезист, штаб-офицер для поручений и астрономических работ Приамурского ВТО (1909–1913), начальник триангуляции Западного пограничного пространства (1913–1918), генерал-майор (1916).

Семенов Александр Прокофьевич (1840 – после 1904) – классный топограф (1877–1878), производитель картографических работ в ВТО Главного штаба (1879–1903), коллежский советник (1886).

Сирин Ефрем (преподобный Ефрем Сирин, рожд. IV в.) – святой Православной Церкви, учитель покаяния.

Скалон – лейб-гвардии Уланского полка поручик в 1867 г.

Случевский Константин Константинович (18??–19??) – военачальник командир 10-го армейского корпуса (1904), член Совета государственной обороны (1906), генерал-лейтенант.

Соколовская-Новокшанова Зинаида Кузьминична (1927 г. рожд.) – главный научный сотрудник ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, доктор исторических наук, кандидат технических наук.

Стебницкий Иероним Иванович (1832–1837) – военный геодезист, начальник ВТО Главного штаба и КВТ (1885–1896), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1878), председатель отделения математической географии РГО (1886–1889), генерал от инфантерии (1896).

Стефан Густав Федорович (1796–1873) – вице-директор Императорской военной академии (1848–1854), начальник Николаевской академии Генерального штаба (1854–1858), генерал-лейтенант.

Струве Василий Яковлевич (1793–1864) – создатель школы русских астрономов и геодезистов, директор Дерптской обсерватории (1818–1839), первый директор Пулковской обсерватории (1839–1862), ординарный (1832) и почетный (1862) академик Петербургской академии наук, член-учредитель РГО (1845).

Струве Отто Васильевич (1819–1905) – астроном, сын В.Я. Струве, директор Пулковской обсерватории (1862–1889), экстраординарный (1852) и ординарный (1856) академик Петербургской академии наук (1856), руководитель отделения математической географии РГО (1860–1866).

Субботич Д.И. – командир Южно-Маньчжурского отряда в Китайском походе русских войск 1900–1901 гг., генерал-лейтенант.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военачальник, начальник Генерального штаба (1908–1909), военный министр (1909–1915), генерал от кавалерии (1906).

Таубе – профессор Николаевской инженерной академии в начале 1860-х гг., полковник.

Теннер Карл Иванович (1783–1859) – военный геодезист и астроном, начальник ряда триангуляций (1816–1850) сенатор Варшавского сената департаментов (1854), почетный член Петербургской Академии наук (1832), генерал от инфантерии (1856).

Тяпин Алексей Семенович (1847 после 1886) – классный топограф (1877–1878), съемщик на съемках Западной Болгарии, Финляндии, окрестностей Севастополя (1878–1886), титулярный советник (1881).

Федор Алексеевич (1661–1682) – русский царь с 1676 г.

Федотов Александр Петрович (1843 – после 1917) – военный топограф, редактор карт ВТУ Главного штаба (1903–1910), начальник Киевской съемки (1910–1917), генерал-майор.

Филатов Валерий Николаевич (1950 г. рожд.) – военный топограф, начальник ВТУ ГШ – ТС ВС РФ, доктор военных наук, профессор, генерал-лейтенант.

Флуг Василий Егорович (1860–1955) – военачальник, генерал-квартирмейстер штаба 2-й Маньчжурской армии (1904–1905), военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска, командующий 9-й армией (1917), генерал от инфантерии.

Форш Эдуард Иоганович (Иванович) (1828–1896) – военный геодезист, начальник ВТО Главного штаба и КВТ (1867–1885), председатель отделения математической географии РГО (1879–1886), генерал от инфантерии (1888).

Фрезе – Генерального штаба полковник в 1877 г., руководитель съемочных работ.

Фрейберг-Кондратьев Г.А. (1854–1944) – механик мастерской Пулковской обсерватории, конструктор малого десятисекундного универсала, переносного вертикального круга, зенит-телескопа, изготовитель мерного жезла.

Фродшам – конструктор хронометра названного его фамилией.

Фролов Петр Алексеевич (1852 – после 1917) – временно и. д. начальника Главного штаба (1904–1905), главный начальник снабжения армий Северного фронта (1915–1916), генерал-лейтенант (1900).

Хатов Александр Ильич (1780–1846) – начальник С.-Петербургского училища колонновожатых (1823–1826), одновременно и. д. генерал-квартирмейстера Главного штаба е. и. в. и Корпуса топографов (1823–1825), генерал от инфантерии (1845).

Хвостов Александр Михайлович (1867 – после 1918) – военачальник, участник рекогносцировок Маньчжурии (1900–1903), и. д. начальника штаба крепости Порт-Артур (1903), член военно-исторической комиссии по описанию войны 1904–1905 гг., начальник 112-й пехотной дивизии (1916), генерал-лейтенант (1917).

Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657) – гетман Украины, на Переяславской раде в 1654 г. провозгласил воссоединение Украины с Россией.

Ховен Христофор Христофорович фон-дер (1795 – после 1886) – руководитель съемки части Киевской губернии (1825–1828), Восточной Румынии и Восточной Болгарии (1828–1830), начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса (1838–1847), сенатор (1869–1886), генерал от инфантерии.

Ходзько Иосиф Иванович (1800–1881) – военный геодезист, руководитель триангуляции Закавказского края (1847–1853), начальник Кавказского ВТО (1854–1867), почетный член РГО (1871), генерал-лейтенант (1862).

Цельсий Андерс (1701–1744) – шведский астроном и физик, разработал температурную шкалу (1742), названную его фамилией.

Черкасский М.А. (16??–17??) – московский воевода (1707), князь.

Черкасская (Пожарская) Евдокия Ивановна (16??–17??) – дочь князя И.Д. Пожарского (сына князя Д.М. Пожарского), княжна.

Шавинский – составитель «Карты части Маньчжурии...» (1901), капитан.

Шарнгорст Константин Васильевич (1846–1908) – военный геодезист, помощник начальника Картографического заведения ВТО Главного штаба

(1881–1897), заслуженный ординарный профессор геодезии Николаевской академии Генерального штаба (1893), редактор карт ВТО главного штаба (1897–1908), генерал-лейтенант (1896).

Швиндт – составитель «Маршрутной карты пути русской экспедиции в Маньчжурии...» (1898), подпоручик.

Шмалькальдер – конструктор буссоли названной его именем.

Шмидт Юлий Александрович (1844–1910) – военный геодезист, начальник Сибирского ВТО (1899–1905), 2-й Маньчжурской съемки (1905–1906), Омского ВТО (1906–1908), Киевской съемки (1908–1910), генерал-лейтенант (1906).

Шон Ж. – австрийский военный писатель, автор военно-географического обзора Маньчжурского ТВД, майор.

Шорин Василий Иванович (1870–1938) – командир роты (1904–1905), батальона и полка (1914–1917), командующий Особой группой Южного фронта РККА (1919), полковник.

Штакельберг Ф.А. – командир Восточного отряда в 1904 г., генерал-лейтенант, барон.

Штейнгейль Карл Август (1801–1870) – немецкий астроном, физик и математик, профессор Мюнхенского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Штубендорф Отто Эдуардович фон (1837–1918) – военный геодезист, управляющий Картографическим заведением ВТО Главного штаба (1867–1897), заслуженный профессор геодезии Николаевской академии Генерального штаба (1882), начальник ВТО Главного штаба и КВТ (1897–1903), генерал от инфантерии (1903).

Шуберт Федор Федорович (1789–1865) – военный геодезист и картограф, директор Корпуса топографов (1822–1832), директор Военно-топографического депо (1832–1843), и.д. генерал-квартирмейстера Главного штаба (1834–1843), директор ВУК Главного штаба (1846–1859), почетный член Петербургской академии наук (1827), генерал от инфантерии (1845).

Шульгин Владимир Михайлович (1838–1911) – военный геодезист, начальник Восточно-Сибирского (1881–1885) и Приамурского (1885–1887) ВТО, съемки Северо-Западного пограничного пространства (1887–1911), 3-й Маньчжурской съемки (1906–1911), генерал-лейтенант (1895).

Щеткин Николай Осипович (1860–1927) – военный геодезист, начальник геодезического отделения ВТУ ГУ ГШ (1903–1909), начальник Кавказского ВТО (1909–1918), действительный член РГО (1895), генерал-лейтенант (1917).

Эрикссон – конструктор хронометра, названного его именем.

Эртель Трругот (1778–1858) – мюнхенский оптик-механик.

Юркевич – составитель «Карты части Маньчжурии...» (1901).

Яковлев М.Г. – начальник штаба 5-го Сибирского армейского корпуса в 1904 г., генерал-майор.

Оглавление

Список аббревиатур и сокращений	3
Предисловие	4
Введение	7
Глава I. От кадета до Генерального штаба полковника	10
Глава II. На полях сражений Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	33
Глава III. Между двумя войнами	48
Глава IV. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.	66
Глава V. Накануне и в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.	106
Литература	121
Основные даты жизни и деятельности Н.Д. Артамонова	128
Именной указатель	132

Научно-библиографическое издание

Глушков Валерий Васильевич

**Николай Дмитриевич Артамонов –
военный геодезист и картограф**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН*

Зав. редакцией *М.В. Грачева*. Редактор *С.С. Матвеев*
Художник *Е.А. Швейко*. Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *М.К. Зарайская*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 26.06.2007. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,0 + 1,5 вкл. Усл.кр.-отт. 10,8. Уч.-изд.л. 11,6
Тип. зак. 4494

Издательство «Наука». 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В.В. Глушков

Николай Дмитриевич
АРТАМОНОВ —
ВОЕННЫЙ ГЕОДЕЗИСТ
И КАРТОГРАФ

НАУКА

В.В. Глушков

Н.Д. АРТАМОНОВ

— ВОЕННЫЙ ГЕОДЕЗИСТ И КАРТОГРАФ

ГЛУШКОВ Валерий Васильевич – выпускник Ленинградского высшего военно-топографического командного училища (1969), геодезического факультета Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева (1977), очной адъюнктуры 29-го Научно-исследовательского института Министерства обороны СССР (1983), полковник запаса.

В 1998–2004 гг. заведующий отделом историко-политического картографирования в Национальной картографической корпорации, первый заместитель редактора журнала «Геодезистъ». С 2004 г. заместитель директора Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, одновременно профессор кафедры «Геодезия и геоинформатика» Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

Историк географии и картографии, специалист высшей квалификации в области космической геодезии и навигации. Автор книг «Корпус военных топографов в годы Первой мировой войны» (1999), «На карте Генерального штаба – Маньчжурия» (2000), «Космическая геодезия: методы и перспективы развития» (2002) и др., а также более 150 научных трудов.

Доктор географических наук. Почетный геодезист России. Действительный член Русского географического общества. Лауреат премии им. академика В.И. Вернадского «За выдающийся вклад в науку и литературу» (2001).

ISBN 978-5-02-034061-9

9 785020 340619 >

НАУКА